А. ШКЛЯРСКИЙ
ТОМЕК
СРЕДИ ОХОТНИКОВ
ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ
ГОЛОВАМИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛАДА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Альфред Шклярский принадлежит к числу популярнейших польски писателей, пишущих для молодежи. Польскому читателю особенно полюбился, цикл приключенческих романов Шклярского. Цикл объединен образами главных героев, путешествующих по разным экзотическим странам земного шара. Несмотря на общность героев, каждый роман представляет из себя отдельную книгу, содержание которой определено путешествиями и приключениями Том Вильмовского, юного героя романов, и его взрослых товарищей.

Кроме достоинств, присущих вообще книгам приключенческого характера, романы Шклярского отличаются большими ценностями воспитательног познавательного порядка. Фабула романов построена с учетом новейших научных достижений педагогики. Романы учат молодых читателей самостоятельности, воспитывают у них твердость характера и благородство.

Первое и второе издания серии приключений Томека Вильмовского разошлись очень быстро и пользуются большим успехом у молодых советских читателей, доказательством чему служат письма полученные издательством со всех концов Советского Союза. Мы надеемся, что и третье издание будет встречено с такой же симпатией, поэтому с удовольствием отдаем эту серию в руки молодых друзей.

- Альфред Шклярский
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV

- XVI
- XVII
- XVIII
- XIX
- XX
- XXI

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81

- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

Альфред Шклярский
Томек среди охотников за человеческими головами

I
Пролог
ISLA DE LA MALA GENTE [1]

Элеле Когхе шел по тропинке, вьющейся среди зарослей, покрывавших горный склон. Напрягая зрение, Элеле внимательно вглядывался в чащу тропической зелени. Его голову, покрытую густыми, как войлок, волосами украшали яркие разноцветные перья райских птиц. Султан из перьев, придерживаемый на макушке лыковой сеткой, походил на широко развернутый веер, блестевший пурпурным цветом крови. По верованиям некоторых папуасских племен, перья этой величественной и красивой птицы не только способны защитить воина от раны, полученной в открытом бою, или коварно нанесенной из засады, но являются также весьма могучим амулетом против пури-пури, то есть колдовства, которого боятся самые отважные воины. Вот почему храбрый Элеле Когхе никогда не расставался с чудодейственным султаном, и даже получил от своих соплеменников имя, которое на местном наречии означает – Красная Райская Птица.

Элеле Когхе, как и все другие мужчины, обитающие в глубине огромного таинственного острова, с малолетства был воином и охотником. На правом плече Элеле нес знаки своей воинской доблести: лук из пальмового дерева, длинные стрелы с зазубринами, копье и каменный топор, крепко привязанный

лыком к деревянному топорищу.

Элеле не носил никакой одежды, кроме короткой набедренной повязки из белой коры. Его темно-коричневое тело было раскрашено в черные и белые полосы. Припухлые губы, и проницательные глаза окружены кольцами, нанесенными на лицо красной и желтой красками. Высушенные, слегка заплесневелые свиные хвостики, свисавшие из продырявленных мочек ушей, и кость казуара, торчавшая в носу, указывали на то, что Элеле Когхе выдающийся вождь своего племени. И это было действительно так. Ведь на ожерелье, сплетенном из тонких лиан, которое висело на шее Элеле, виднелось восемь узлов. А каждый из них означал победу над врагом в рукопашной схватке.

Элеле Когхе шел осторожно, готовый в любой миг отразить неожиданное нападение. Ведь Элеле сам был частичкой джунглей, в которых непрестанно идет борьба за жизнь, как, впрочем, и во всей природе. Нападение, оборона, триумф победы и смерть, соседствуют друг с другом на всем пространстве джунглей. Побеждает смелый, а слабый должен погибнуть, чтобы сильный мог жить.

В погоне за живительными солнечными лучами, высоко в небо тянутся кроны деревьев. Из переплетения их ветвей нельзя даже понять, кто вышел победителем в этой погоне. Внизу, у подножия лесных великанов, ведут беспощадную борьбу между собой растения подлеска, состоящего из папоротников, колючих пальм, бамбука и различных вьющихся растений. В борьбе за сохранение вида, животный и растительный мир джунглей находился в равновесии. Деревья и лианы душили друг друга в смертельных объятиях, насекомые точили деревья, птицы пожирали насекомых, а единственные хищники ново-гвинейских джунглей – крокодилы, притаившись, готовились напасть на любое живое существо не исключая человека. Обитающие в джунглях люди тоже вели между собой непрерывные войны и не брезговали человеческим мясом, то есть были каннибалами[2].

Элеле Когхе в одиночестве направлялся к ручью, где недавно нашел место, удобное для ловли рыб. Никто из его соплеменников не хотел идти на ловлю вместе с ним. Дело в том, что к берегу ручья надо было идти через местность, которую посещали злые духи. Элеле Когхе был храбрый человек, но и он, с каждым шагом вперед, чувствовал усиливающийся страх. Идти оставалось совсем недалеко – среди зеленой чащи, справа от тропинки, лежал огромный валун. На его плоско срезанной вершине, покрытой толстым слоем зеленовато-желтого мха, росло несколько суковатых деревьев. Корни их свисали с валуна по бокам как желтые ядовитые змеи. Между ними, у самой земли,

виднелась расщелина. Каким образом, одинокая скала очутилась в глубине джунглей никто не знал, но среди соплеменников Элеле, из поколения в поколение, передавалась легенда, что в темном гроте у подножия валуна обитают злые духи. У этих духов огненные глаза и желтые жала.

Проходя через чащу, за которой скрывался таинственный валун, Элеле ускорил шаг. Он даже отвернулся, чтобы случайно не встретиться взглядом с огненными глазами злого духа. Здесь даже днем безопаснее ходить в обществе шамана, знающего различные заклинания.

На этот раз храброму Элеле удалось спокойно пройти мимо обиталища духов. Из его груди вырвался вздох облегчения. Элеле Когхе побежал прямо к ручью и вскоре услышал плеск воды, пробивающейся через каменные пороги.

Лес поредел. Элеле Когхе замедлил шаг и стал внимательно осматриваться. Вскоре он нашел место, где в прошлый раз спрятал свое рыбацкое снаряжение. Укрытием служил ствол молодого бамбука[3], с которого Элеле сорвал тогда цветы и листья, выгнул его в дугу, привязав вершину к нижней части и соорудил, таким образом, нечто вроде обруча диаметром примерно в полтора метра. Элеле Когхе с удовольствием убедился, что весь обруч уже заткан сетью с крупными ячейками. Он с благодарностью взглянул на сидевшего в центре сети паука величиной с лесной орех, обладателя мохнатых, темно-коричневых ног. Изобретательные жители острова часто использовали этих пауков для плетения рыболовных сетей. С этой целью они выбирали в джунглях подходящий бамбук, сгибали его

в обруч, а все остальное доделывал паук, который найдя кольцо, очень удобное для устройства засады на насекомых, опутывал его гибкой и достаточно прочной сетью, сохранявшей свои достоинства даже в воде.

Элеле Когхе осторожно, острием копья прогнал паука, потом каменным топором срубил ствол бамбука и направился к протекавшему поблизости ручью. Вскоре он очутился на одном из крупных камней. Как раз в этом месте каменная осыпь некогда перегородила русло ручья и образовала естественную плотину, за которой возник омут и водоворот. Элеле Когхе отложил оружие в сторону. Широким движением руки он погрузил сеть в воду омута. Через некоторое время ему попалось несколько небольших рыбешек. Элеле положил их в кошелку, сплетенную из лиан, забросил ее себе на спину; взял в руки оружие и бамбуковую сеть с паутиной и направился к скалам, где намеревался спрятать все рыбацкое снаряжение до следующего раза.

После недолгих поисков ему удалось найти удобное место. Спрятав сеть, он пошел обратно в поселение, вдоль небольшого горного склона. Внезапно с плоской вершины одной из скал послышался тоскливый крик. Элеле Когхе остановился. Стал прислушиваться. Спустя минуту на его лице появилась улыбка – это голеве[4] пела свою любовную песню...

Птица шалашник или беседочница

Элеле Когхе осторожно и бесшумно взобрался на остро срезанную вершину скалы. Скрываясь в чаще кустов, Элеле глядел на талантливую птицу. Мы, европейцы, называем этих птиц шалашниками, или беседковыми. Это весьма способные птицы-строители. Самец, готовясь к брачному периоду, несколько месяцев строит свадебную беседку, а вернее великолепный бальный зал. Прежде всего он выбирает удобное, ровное место, потом клювом и когтями расчищает площадку, выравнивает ее и вырывает траву. Если на площадке растет кустарник, птица срывает с него листья и кору, чтобы растения засохли. Она оставляет лишь один куст, вокруг которого строит земляную

платформу, диаметром около одного метра. Потом с помощью мха и стеблей одного из видов орхидных[5], растущего на ветвях больших деревьев, укрепляет откосы платформы. После этого птица собирает в лесу золотистые листья и ветки, красные, белые и зеленые ягоды и раскладывает их на платформе, образуя различные узоры. Кроме того, свой бальный зал птица украшает разного рода цветами, яркими плодами, даже грибами и разноцветными насекомыми. Если, спустя некоторое время, украшения завянут и потеряют вид, птица выбрасывает их и заменяет свежими.

Элеле Когхе сосредоточенно вслушивался в приятные и мелодичные трели птицы. Он радовался, наблюдая за птицей. Ведь местные жители превосходно знали обычаи голеве и внимательно следили за их работой по строительству свадебных беседок. Деятельность голеве заменяла туземцам календарь их собственных хозяйственных работ. Когда голеве начинали расчищать землю, женщины знали, что пора уже приниматься за расчистку своего поля. Когда птицы начинали постройку платформы, женщины тоже приступали к рыхлению земли заостренными палками. Когда птицы строили вокруг платформ ограждение – женщины ограждали свои поля, чтобы уберечь урожай от прожорливых диких кабанов. Посадку овощей следовало начинать тогда, когда птицы приступают к украшению платформ, а окончание этих работ и любовное пение птиц совпадало по времени с созреванием овощей. Поэтому-то так обрадовался Элеле. Наступало время уборки урожая, время изобилия, танцев и веселых песен. Вскоре Элеле вышел из укрытия и снова очутился в джунглях.

Тропическая жара умерила суету живых существ, кроющихся в лесной чаще. Элеле Когхе не спеша вошел под сень деревьев. У него было достаточно времени и он мог вернуться в свое селение еще до того, как женщины приготовят обед. Но вдруг в лесной тишине, почти одновременно раздался свист стрелы, выпущенной из лука и крик смертельно раненой райской птицы. Элеле Когхе инстинктивно присел, прячась за стволом дерева. Он пытался уловить слухом трепетание крыльев, шелест ветвей и глухой стук упавшего на землю тела птицы. Сделав несколько бесшумных прыжков, Элеле приблизился к месту неожиданной охоты. Тихо и осторожно раздвинул ветви куста, за которым скрывался. Всего лишь на расстоянии нескольких шагов от Элеле, у подножия высокого дерева, какой-то мужчина с луком в руках нагнулся над охотничьим трофеем. На охотнике была надета набедренная повязка из древесной коры и пояс черного цвета. Нос, проткнутый насквозь костью казуара, был окрашен в желтый цвет, на лице

виднелись симметричные красные полосы. Мочки его ушей были украшены высушенными колибри, шея – ожерельем из раковин и собачьих зубов. Рядом с охотником лежали копье и каменный топор. Став на одно колено, он рассматривал убитую птицу.

Каменный топор

В глазах Элеле блеснула молния гнева. Чужой охотник принадлежал к племени мафулу[6], с которым племя таваде вело войну. Протекавший поблизости ручей как раз служил границей между охотничьими угодьями этих племен. Нарушение границы представителями противных сторон всегда влекло за собой кровавую месть.

Элеле Когхе тихонько прислонил копье к стволу дерева; топор и сетку положил рядом, на землю. Потом достал зазубренную стрелу, и крепко натянул тетиву лука. Раздался резкий свист стрелы. Несчастный мафулу пытался подняться на ноги со стрелой, пронзившей его шею, но не успел, так как вторая стрела угодила ему прямо в грудь. Со сдавленным стоном мафулу тяжело упал на мертвое тело райской птицы. Элеле Когхе подбежал к поверженному противнику. Среди туземцев Новой Гвинеи войны, в основном, ограничивались отдельными нападениями на врагов из засады. Воин, убивший неприятеля и уцелевший сам, считался героем. Поэтому Элеле Когхе с гордостью завязал девятый узел на своем зловещем ожерелье. Он быстро подобрал оружие мертвого врага, прихватил райскую птицу, сетку с пойманной рыбой и побежал в свое селение, неся соплеменникам радостную весть об одержанной победе.

Родное селение Элеле Когхе раскинулось на небольшой возвышенности посреди плоскогорья. Несколько домов, построенных на высоких сваях вбитых в землю, стояли двумя параллельными рядами, как бы обрамляя довольно широкую улицу, покрытую хорошо утрамбованной красной глиной. В конце улицы, на краю обрыва, стояло сооружение покрупнее, которое туземцы называли эмоне. В эмоне происходили собрания старейшин, жили вожди и неженатые члены племени. Жилые

дома были оборудованы со стороны улицы небольшими галереями, прикрытыми слегка изогнутыми к верху крышами. Селение было защищено полукругом частокола из заостренных, бревен. Это укрепление свидетельствовало о воинственности таваде, которые, ведя непрерывную войну с соседями, опасались возможного нападения с их стороны.

Элеле Когхе, что было сил, спешил к своим. Вот он уже очутился на улице, укрытой за частоколом. Победный клич воина сразу же обратил на него внимание мужчин, мирно сидевших на галереях. Все они сразу-же направились вслед за Элеле Когхе в эмоне.

Известие о новой победе Элеле Когхе с быстротой молнии разнеслось по всему селению. Несколько воинов немедленно стали готовиться в путь, намереваясь сопровождать Элеле Когхе в джунгли, чтобы доставить в деревню кровавый человеческий трофей. Обитатели селения были радостно взволнованы.

Пока один отряд спешно направлялся в джунгли, второй – отправился к женщинам, работавшим в поле на пологом горном склоне. На земле таваде появился враг, и надо было немедленно организовать охрану работавших в поле женщин.

Вскоре несколько воинов заняли посты на горных склонах, окружавших обработанные поля; сверху им было удобно следить за всем, что происходит вокруг. Весть о возможности неожиданного нападения врагов молниеносно облетела работавших в поле женщин. Низкорослые, полные, в огромном большинстве довольно неуклюжие женщины передавали известие из уст в уста. Женщины племени таваде не носили одежды. Только небольшие повязки вокруг бедер скрывали их наготу. Никогда не мытые тела многих из них были обезображены струпьями, оставшимися от плохо залеченных ран. Как и полагалось женщинам воинственного племени, они носили на шее ожерелья из тонких лиан с нанизанными на них костями их мужей и близких родственников, сложивших головы в битвах с врагами племени.

Как только женщины услышали весть, принесенную воинами, они стали работать еще усерднее, чем раньше. Ведь необходимо собрать как можно больше овощей к вечернему пиру. Они быстро заполняли огромные, сплетенные из лиан, корзины коричневато-красными, шероховатыми плодами батата[7] – основной пищей туземцев, корневищами таро[8], сахарным тростником[9] и самыми любимыми у папуасов овощами – крупными клубнями растения, носящего название яме или диоскорея[10]. После этого женщины нагрузили корзины небольшими полосатыми тыквами и огурцами, не забыв прихватить и листья табака.

Покончив с наполнением корзин, женщины забросили их себе за спину, удерживая с помощью тонких лиан, перекинутых через склоненные вперед головы. На самом верху огромного тюка из овощей и бамбуковых стволов, наполненных водой, матери сажали еще своих ребят, помещая малышей в специальные бамбуковые клетки. Ну, а если какая-либо из женщин откармливала собственной грудью поросенка, то она несла его на руках перед собой. Нагруженные до отказа, словно вьючные мулы, женщины направились в деревню под охраной мужчин, державших в руках только оружие.

Таро

Возвратившись в селение, женщины немедленно принялись разжигать костры, чтобы в них накалить добела длинные, плоские камни. По обычаю племени, еда готовилась в первобытной печи, то есть в специально выкопанном рву, куда клали горячие камни, на них слой продуктов, потом опять клали горячие камни и

продукты, повторяя эту операцию до тех пор пока ров не наполнялся до краев. После этого ров засыпали землей. Приблизительно через два часа доставали из рва готовую еду и тогда начинался пир.

Однако на этот раз радостное ожидание пиршества было нарушено еще до того, как нагрелись камни для печи, печальным возвращением отряда воинов под командованием Элеле Когхе. Оказалось, что вместо трупа поверженного врага, они принесли с собой тела двух собственных воинов, погибших в стычке с отрядом мафулу. Вблизи того места, где Элеле Когхе застрелил врага, воины мафулу устроили засаду и неожиданно осыпали из-за кустов отряд Элеле Когхе градом стрел. Два воина из отряда таваде погибли сразу, несколько других были ранены. И только благодаря осторожности мафулу, которые несмотря на явный перевес сил очень боялись известных своей жестокостью соседей, отряд таваде мог отступить, потеряв только брата Элеле Когхе и еще одного, пожилого воина.

По местным убеждениям смерть брата Элеле Когхе могла считаться прямым возмездием за смерть одного из мафулу. Ведь его убил Элеле Когхе, а в джунглях действовал неписаный закон – смерть за смерть. Но второй убитый таваде и несколько раненых требовали отмщения. Надо было убить и ранить столько же мафулу, сколько потеряли таваде.

Тем временем с окрестных гор поплыли тоскливые звуки, похожие на нежный звук тысяч серебряных колокольчиков. Это лягушки-тоундулы начинали свой вечерний концерт. А в селении таваде, вместо радостных песен раздавались причитания и слышались рыдания. Единственная жена погибшего брата Элеле Когхе и три жены старого воина, в знак траура вымазали тела белой глиной и, громко рыдая, катались в пыли. В своих причитаниях они славили погибших мужей и осыпали проклятиями их убийц. Мужчины тоже не отставали от них. Элеле Когхе повязал топор набедренной повязкой брата и присягнул жестоко отомстить врагам. Такую же присягу приносили близкие и дальние родственники второго убитого воина, ведь костры разложенные на вершинах гор уже подавали весть о трагическом событии окрестным племенам, и их представители уже собирались на тризну.

В этот день женщины раскопали дымящие печи с яствами только поздним вечером. Мясо двух кабанов, специально заколотых для тризны и огромную кучу овощей разделили между собравшимися жителями селения и прибывшими на тризну гостями. Лучшие куски мяса и ямс получили старейшины племени и знаменитые воины. Они брали свои порции,

заворачивали их в листья и съедали, отойдя в сторонку. Женщины разделили между собой остатки мяса и овощей. Дети и собаки копались в пепле на дне рва, добывая оттуда неподобранные случайно куски.

Погребальный обряд тянулся довольно долго. Поэтому после ужина мужчины направились в эмоне на совет. Уселись рядами вдоль огня, пылавшего в углублении, идущем по всей длине пола эмоне. Вождь племени свернул несколько листьев табака, и добыл из сетки оригинальную трубку. Она была сделана из довольно толстого бамбукового стебля, длиной сантиметров тридцать. Трубка с обеих сторон наглухо замкнута. По концам бамбукового стебля, наверху, находились отверстия. В одно из отверстий вождь вставил свернутые, как сигару листья табака и поджег их горящей веточкой, вынутой из костра. Приложив второе отверстие ко рту, он стал всасывать воздух до тех пор, пока вся трубка не наполнилась табачным дымом. Вождь выбросил догоревшие листья и передал трубку соседу. Все собравшиеся по очереди затягивались дымом, накопившемся внутри трубки.

После этой церемонии началось долгое совещание. Собравшиеся пришли к единодушному решению отомстить племени мафулу, что несомненно должно порадовать души погибших воинов.

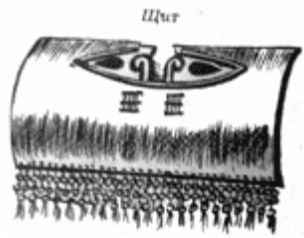
Члены совета вышли на площадь. Там царило большое оживление, потому что в эту ночь не только женщины, но и дети не ложились спать. Вдовы продолжали причитать, публично показывая глубину своего отчаяния; они калечили тела острыми бамбуковыми ножами, рыдали и катались в пыли.

Воины начали немедленную подготовку к походу. Они осматривали оружие, выводили на телах сажей и белой глиной полосы, надевали на головы султаны из птичьих перьев, вешали на шею ожерелья из зубов диких кабанов. Они еще до рассвета были готовы в путь. Но перед походом надо было совершить обряд военного танца.

В полном вооружении воины разделились на две группы, которые уставились друг против друга, лицом к лицу, в длинные ряды. Сначала воины обоих отрядов бросали друг на друга грозные взгляды, напевая вполголоса устрашающую песнь. Потом танцоры стали потрясать копьями, луками и каменными палицами. Стоя на месте, они мерно и крепко били ногами по земле, так что облако красноватой уличной пыли совсем заволокло их ряды. Темп танца постепенно убыстрялся. Обе группы танцоров делали один шаг вперед, потом отступали на два шага назад, поворачивались раз направо, раз налево и внезапно бросались друг на друга, издавая боевой клич. Они долго то наступали друг на друга, то отступали пока, наконец, в воздухе раздался свист стрел пущенных из луков.

Фетиш

Оба отряда танцоров внезапно остановились, как вкопанные. Боевая песнь утихла. Как раз в этот момент из-за гряды горных вершин показался край солнечного диска. После тропической ночи вставал новый день. А это означало, что злые духи джунглей теряли свою силу. Воины могли отправляться в поход.



Щит

В этот же день главный вождь племени таваде – Элеле Когхе во главе отряда своих воинов перешел пограничный ручей и опустошил ближайшее селение мафулу. Полилась кровь. С тех пор долгое время то таваде, то мафулу по очереди организовали пиршества в честь победы, или тризны по погибшим соплеменникам.

* * *

Однажды Элеле Когхе снова готовил военный поход против мафулу. Ведь во время каждого предыдущего похода погибали воины, что обязательно требовало отмщения. Старейшины и вожди держали совет в эмоне. Говорил Элеле Когхе. Он напомнил все обиды нанесенные вредными мафулу, упомянул о добыче доставшейся таваде во время прежних походов. Поощряемый гулом одобрительных голосов, Элеле все больше волновался. Щедро одаренные приношениями жрецы, предсказывали победу племени таваде.

Вот вождь разжег трубку, чтобы отпраздновать решение начать новый поход. В эмоне воцарилась тишина. Вдруг откуда-то со стороны горных вершин послышался голос многократно усиленный эхом.

«Хо-о-о, хо-о-о! Вы, находящиеся внизу по ручью, слушайте!» – неслось по долине.

Элеле Когхе красноречивым жестом потребовал тишины. Он выбежал на галерею. Приложил обе ладони ко рту и словно в рупор крикнул:

«Хо-о-о! Вы с вершины горы, говорите, мы слушаем!»

«Хо-о-о! К вам приближаются белые духи, похожие на людей! Они собирают в джунглях красивейших птиц и цветы! Горе нам!»

Услышав весть о необыкновенных духах, мужественный вождь Элеле Когхе вздрогнул. Его сердце затрепетало. Он долго молчал, а потом, собрав все силы, крикнул:

«Хо-о-о! К нам ли идут белые духи?!»

"Они идут вниз по ручью! Через три луны[11] будут у вас! Берегитесь, спасайте ваших птиц!"

II
Встреча в Сиднее

В южном районе Сиднея[12], на предместье, в коттедже директора парка Таронга – огромного зоологического сада, справлялся шумный бал. Господин Филипп Гарт принимал необычных гостей, потому что, кроме его закадычного друга Карла Бентли, директора зоологического сада в Мельбурне[13], остальные гости были до сих пор ему совершенно незнакомы.

Прием давался по инициативе известного зоолога Карла Бентли. Несколько лет назад, Карл Бентли участвовал в качестве научного советника в охотничьей экспедиции в глубину Австралийского континента. Экспедицию организовали польские звероловы по поручению гамбургского предпринимателя Гагенбека. Вместе со взрослыми мужчинами в экспедиции принимал участие мальчик, Томаш Вильмовский, сын руководителя экспедиции. Бентли очень полюбил юного Томека. Он даже хотел заняться его воспитанием, так как опасался, что постоянные разъезды отца помешают Томеку получить систематическое образование. Тогда Томек, тронутый вниманием ученого, поблагодарил его за заботу, но отказался от предложения, не желая оставаться в Австралии. С тех пор прошло уже четыре года. За это время Томек участвовал в нескольких охотничьих экспедициях и превратился в весьма энергичного и храброго молодого человека.

Узнав из письма, что его польские друзья снова приехали в Австралию, Бентли срочной телеграммой предложил им встретиться в Сиднее. Звероловы охотно приняли его приглашение и вот теперь они вместе с Бентли гостили в доме господина Филиппа Гарта.

Вильмовские и их друзья приехали в Австралию сразу же после экспедиции в Сибирь, где помогли Збышеку Карскому, двоюродному брату Томека, бежать из ссылки[14]. Вместе со Збышеком из ссылки бежала и его невеста, молодая студентка, медичка, Наталия Владимировна Бестужева.

Во время предыдущего пребывания в Австралии звероловы познакомились с семьей овцевода Аллана, жителя Нового Южного Уэльса. Супруги Алланы очень полюбили Томека за то, что он нашел и привел домой их дочь Салли, которая заблудилась в буше. Салли было тогда двенадцать лет. С тех пор Томек и Салли крепко подружились. Они виделись часто, так как учились в Лондоне, хотя и в разных школах. Теперь молодая девушка уже

получила аттестат зрелости. Перед тем как поступить в университет Салли решила несколько месяцев провести в родительском доме. Узнав от Салли, что Томек и его друзья находятся на Дальнем Востоке, Алланы пригласили их к себе на рождество. Таким образом, вся группа поляков опять очутилась в Австралии.

Отдохнув месяц у Алланов, наши друзья вынуждены были уехать, так как их ждали неотложные дела. В Сиднее их поджидал Бентли и, кроме того, в этом удобнейшем порту мира стояла на якоре яхта боцмана Новицкого. Следует напомнить, что в экспедиции в Сибирь принимал деятельное участие брат прелестной индийской княгини, рани Алвара, Пандит Давасарман. Чтобы помочь бегству ссыльного, прекрасная и благородная рани, которая очень полюбила Томека, не только убедила брата принять участие в экспедиции, но подарила участникам свою яхту. В Рабауле[15], где после возвращения из Сибири наши друзья попрощались с Пандитом Давасарманом, поляков и в особенности боцмана Новицкого ожидал приятный сюрприз. Пандит Давасарман вручил добродушному боцману акт собственности на яхту, подписанный рани Алвара. Одновременно он сообщил звероловам, что вместе с частью экипажа возвращается в Индию на германском пароходе. Боцман сначала онемел от неожиданности, а потом решительно отказался принять столь щедрый дар. Но в конце концов, Яну Смуге, путешественнику и зверолову, давнему знакомому и даже другу рани Алвара, удалось уговорить боцмана не обижать княгиню отказом от ее подарка. Смуга потрепал боцмана по плечу и сказал:

– Ну, вот и исполнилась твоя мечта, боцман! Правда, мы не добыли золота в горах Алтынтаг, за которое ты хотел купить себе какую-нибудь старую морскую калошу, но ты все же теперь стал капитаном. Бери, раз тебе дают от чистого сердца! При случае, ты сумеешь отблагодарить княгиню, прислав ей, например, какой-либо оригинальный подарок!

Так боцман Новицкий стал капитаном собственной яхты. Первый самостоятельный рейс он совершил с друзьями на борту, в Сидней. Оставив там яхту на попечение индийского экипажа, членам которого доверял, сам в обществе друзей отправился с визитом на ферму Алланов. Вернувшись в Сидней, друзьям пришлось разместиться на яхте, так как им не удалось снять подходящую квартиру в городе.

В противоположность капитану Новицкому, Томек пребывал в подавленном состоянии духа. Он так радовался перспективе провести праздники на ферме Алланов в обществе Салли, а

застал там ее кузена Джемса Бальмора, юношу несколько старше Томека, родственника Алланов, постоянного жителя Лондона. Именно у своего дяди, отца Джемса, и жила Салли во время обучения в лондонской школе. Джемс, или Джимми, как звала своего кузена Салли, постоянно ухаживал за своей юной кузиной. Вот это-то и портило Томеку настроение.

На встречу в Сиднее Бентли пригласил также Алланов. Отец Салли не мог оставить хозяйство, поэтому в Сидней приехали только миссис Аллан с дочерью и кузеном Джемсом Бальмором.

Томек с самого начала приема был не в своей тарелке. Он с трудом понимал, что творится вокруг него. Бентли как раз сообщил, что приготовил гостям необыкновенный сюрприз, а Томек в это время с тревогой поглядывал на веранду, где пребывала остальная молодежь. Он прислушивался к веселому смеху Салли и серьезному голосу Джемса Бальмора.

Сразу же после ленча хозяин дома повел гостей в кабинет. Пришел момент объявить что за сюрприз ожидает звероловов.

– Пожалуйста, садитесь, прошу вас, – пригласил Бентли. – Я хочу сообщить вам кое-что интересное. Гм, если говорить правду, то нашу встречу я организовал специально с этой целью.

– Говорите прямо, уважаемый Бентли. Между старыми друзьями церемонии ни к чему, – вмешался капитан Новицкий.

– Если так, то я могу сразу приступить к делу. Ты, милый Томек, будь особенно внимательным. Я очень рассчитываю на тебя, – сказал Бентли, с доброй улыбкой на устах.

– Не знаю, чем могу быть вам полезен? – удивленно ответил Томек. – Вы не шутите?

– Нет, нет, мой дорогой! Я и в самом деле хочу кое-что предложить и буду очень рад, если ты одобришь мой проект.

– Не понимаю, зачем вам мое одобрение? – спросил Томек, видя, что зоолог обращается к нему совершенно серьезно.

– Я думаю, что твое воодушевление побудило бы других согласиться на мое предложение, – пояснил Бентли.

– Я не ожидал от вас подобной уловки, – весело заметил Новицкий. – Вы в самом деле правы. Этот молокосос часто водит нас за нос!

Присутствующие разразились веселым смехом.

– Что касается меня, то я всегда охотно соглашаюсь с мнением Томека, – подал голос Смуга. – Наш молодой друг обладает редким даром предвидения, который почти никогда его не обманывает.

Томек был смущен столь откровенными похвалами, а Бентли между тем продолжал:

– Один весьма богатый австралийский промышленник со

всем пылом страсти занимается коллекционированием райских птиц и орхидей[16]. Он стремится пополнить свою коллекцию новыми, мало известными или вовсе неизвестными экземплярами. С этой целью он предложил мне организовать научную экспедицию...

– Ого! Значит эта экспедиция до некоторой степени носит романтическую окраску, – вмешался Томек. – Парадизея апода, то есть безногая райская птица!

Все присутствующие с любопытством посмотрели на Томека, а импульсивная Салли воскликнула:

– Мне не приходилось слышать о райских птицах лишенных ног, это видно, какая-то легенда?!

– Конечно, легенда, притом романтическая, – согласился Томек.

– Я не знаю ее, Томми, и прошу тебя расскажи эту легенду нам, – попросила Салли.

– Потом, моя дорогая! Извините, пожалуйста, что я невольно перебил вас, – обратился Томек к Бентли.

– Неужели вы, молодой человек, уже когда-нибудь интересовались райскими птицами? – спросил Гарт, внимательно следя за выражением лица Томека.

– Я читал книгу маркиза Де Рагги, организовавшего в конце XVIII века специальную экспедицию на Новую Гвинею для изучения жизни райских птиц и принявшего в ней личное участие, – ответил Томек.

– Если так, то присоединяюсь к просьбе Салли и прошу рассказать нам откуда взялась легенда, будто бы райские птицы лишены ног, – сказал Гарт.

Томек сразу же сообразил, что директор зоологического сада в Сиднее задумал проверить его знания. Сначала Томек смутился, но, овладев собой, начал рассказ:

– Истоки этой легенды кроются в глубине веков, ведь первые сведения о райских птицах появились в Европе еще до открытия морского пути в Индию и задолго до открытия европейцами Новой Гвинеи. Шкурки райских птиц с Новой Гвинеи и окрестных островов были завезены купцами на остров Яву. Там их увидел первый европеец, венецианский купец Николо де Конти, посетивший этот остров в середине пятнадцатого столетия[17]. Один из участников кругосветного плавания Магеллана получил в 1522 году от султана острова Бочана на Молукках шкурку райской птицы, которую привез в Европу. Красочные перья райских птиц в XVII и XVIII веках весьма ценились, особенно в Китае и Индии. Вскоре мода на них распространилась и в Европе, где женщины стали украшать ими шляпы. Вот тогда-то и

появилась легенда будто птицы эти попадают на землю прямо из библейского рая. Будто бы они, как только вылупятся из яиц, сразу начинают полет к солнцу, под лучами которого и получают свое красочное оперение. Легенда гласит, что райские птицы лишены ног для того, чтобы не могли соприкоснуться с землей и испачкать оперение. Они снижаются к земле лишь для того, чтобы испить росы, которой они питаются. Если же они не могут в полете найти росу, то погибают.

– Я согласна, Томми, что это весьма романтическая легенда, но она, как видно, лишена какого-либо логического основания, – заметила мадам Аллан.

– Возникновение легенды очень легко объяснить, – ответил Томек. – В местах, где водились райские птицы, например на островах Ару и Новой Гвинее, туземцы интересовались только сказочно яркими перьями, которыми они украшали головы во время религиозных торжеств. Поэтому, снимая шкурку с птиц, они отрезали лишние, по их мнению, ноги. В таком виде они продавали ценные шкурки купцам и невольно дали повод к возникновению столь чудесной легенды.

– Я этого не знала. Но ведь птицы должны же где-нибудь вить гнезда и высиживать птенцов, – недоверчиво сказала мадам Аллан.

– Создатели легенды дали объяснение и этому, – продолжал Томек. – Они считали, что райские птицы не могут выводить потомство на земле. По их мнению самки откладывали яйца на спинах самцов, летающих в воздухе. Позднее легенду несколько видоизменили. Правда, продолжали утверждать, что райские птицы лишены ног, но у них в хвосте есть два загнутых пера и они, якобы, цепляются этими перьями за ветви деревьев и отдыхают в таком положении. Легенда о райских птицах лишенных ног была даже научно подтверждена. Шведский ученый Карл Линней, давший определения райской птицы, наделил ее на латинском языке названием «апода», то есть «безногая»

Само собой разумеется, что с течением времени обнаружилась беспочвенность легенды. Ведь множество охотников за райскими птицами, распространенными в Новой Гвинее, могли воочию убедиться, что райские птицы, как и все другие птицы, обладают нормальными ногами, гнездятся на деревьях и высиживают яйца. Женская мода вызвала большой спрос на перья райских птиц, что привело к повышению цен на них. Это стало причиной истребления огромного числа прекрасных птиц. По-моему, коллекционер, о котором упоминал Бентли, правильно поступает, стремясь пополнить свою

коллекцию. Кто знает не будут ли в скором времени райские птицы истреблены полностью[18]?

– Я восхищен столь исчерпывающим объяснением старинной легенды, – одобрительно заявил Гарт. – Сразу видно, что вы специалист своего дела.

– Томек в этом, как две капли воды похож на своего папашу, – воскликнул капитан Новицкий.

– Мне уже говорил об этом Бентли, – согласился Гарт. – Остается только добавить, что райские птицы обитают не только на Новой Гвинее, хотя там их больше всего, но и в северо-восточной Австралии и на Молукках. А Новая Гвинея до сих пор еще не достаточно нами изучена.

– Короче говоря, вы предлагаете нам организовать экспедицию в глубинные районы Новой Гвинеи? – спросил Смуга.

– Чтоб уж быть совершенно точным, добавлю – в страну охотников за человеческими головами и, возможно, людоедов, – заметил Вильмовский. – Еще и сегодня карты Новой Гвинеи почти сплошь покрыты белыми пятнами.

– Вы, несомненно, правы, – согласился Бентли. – Новая Гвинея до сих пор остается для белых людей страной великих тайн. Кто может сказать, что кроется внутри таинственного острова.

– Конечно, это весьма интересная страна, не только для географов, но и для ботаников, этнографов, зоологов, орнитологов, золотоискателей, – серьезно сказал Вильмовский. – Весьма интересная, но и очень опасная экспедиция.

– Ты говоришь, Андрей, что там живут людоеды? – спросил капитан Новицкий. – Черт возьми! Моя туша может стать для них весьма сильным искушением.

– Не опасайтесь, капитан, – ответил Бентли. – Мне никогда не приходилось слышать, чтобы туземцы Новой Гвинеи съели когда-либо белого человека.

– Ах, значит они к нам относятся доброжелательно? – удивленно спросил капитан Новицкий.

– Не в этом дело! – возразил Бентли. – Любой человек, независимо от расы, легко может лишиться там головы. Но, говорят, что мясо белого человека возбуждает у людоедов отвращение из-за неприятного для них запаха...

– То, что вы говорите очень интересно, но подставлять башку ради каких-то райских птиц, тоже немного жалко!

– А ты, Томек, что скажешь? – спросил Бентли.

Томек нагнулся к зоологу и порывисто сказал:

– Я готов отправиться с вами хоть сейчас! Конечно, если папа позволит.

– Я знала, что Томек так ответит! – сказала Наташа.

Салли встревожено взглянула на Наташу. Чуть-чуть насупила брови и стала о чем-то напряженно думать.

– Как вы, господин Вильмовский? Готовы ли вы разрешить сыну отправиться в экспедицию? – спросил Бентли.

– Я думаю, что мой сын может принять решение самостоятельно. Но вот, что касается меня, то сразу ответ дать не могу. Я должен сначала выполнить договор подписанный мною с Гагенбеком.

– Вы, конечно, правы, и я это предвидел, – сказал Бентли. – С Гагенбеком я уже все согласовал. Вам же известно, что я тоже сотрудничаю с фирмой Гагенбека. Вот, пожалуйста, письмо адресованное вам от Гагенбека!

Вильмовский вскрыл конверт. Внимательно прочитал письмо, и передал его Смуге.

– Да, значит у нас есть конкретные предложения от Гагенбека – прочитав письмо сказал Смуга. – Вы полагаете, что осуществление этого заказа можно совместить с вашими планами?

– Я думал над этим. Предложение Гагенбека сходно с моим, – ответил Бентли. – Конечно, следует принять во внимание то, что транспорт двойного количества экземпляров птиц и животных значительно затруднит дело.

– Томек, прочти письмо Гагенбека, – сказал Смуга, подавая Томеку бумагу.

Молодой человек прочитал письмо два раза; потом передал его капитану Новицкому. Этот только мельком пробежал по письму глазами и буркнул:

– Я не люблю потрошить птиц, хотя в этом деле некоторый опыт у меня есть. Приходилось мне быть коком на одной старой калоше. А, впрочем, все равно, ведь мы теперь бедны, как церковные крысы!

– Вы и правда умело потрошите птиц, – признал Томек. – Это очень важно в тропическом климате, в котором необходимо весьма тщательно препарировать шкурки. Их надо оберегать не только от гнили, но и от насекомых. А это значит, что их нужно постоянно проветривать и защищать от солнечных лучей, чтобы они не полиняли.

– Я вижу, вы знакомы с этим делом, – удовлетворенно сказал Томеку директор Гарт. – В таком случае, у меня есть к вам еще одно, частное предложение. Я готов уплатить вам по пятьдесят фунтов стерлингов[19] за каждый оригинальный, пойманный вами экземпляр бабочки. Я готов хоть сегодня подписать соответствующий договор и вручить вам в качестве аванса, ну,

хотя бы... пятьсот фунтов. Конечно, если вам удастся поймать какой-нибудь особенно редкий экземпляр, мы согласуем его цену отдельно.

– Давайте сначала обсудим основное предложение, – перебил их Смуга.

– Два последних года мы не занимались ловлей животных. Поэтому у нас нет средств, необходимых для организации охотничьей экспедиции. Каковы ваши предложения, Бентли?

– Мне нравится, когда к делу подходят по-мужски, прямо, – ответил зоолог. – Прежде всего мне необходимо вам сказать, что дирекция зоологического парка в Сиднее и дирекция моего сада в Мельбурне, весьма заинтересованы этой экспедицией. Конечно, оба наши учреждения располагают некоторыми кредитами на эту цель. К этому следует добавить сумму предложенную частным коллекционером, и получиться довольно значительный капитал. Вся сумма уже депонирована в местном банке.

– Что вы можете предложить нам за участие в экспедиции? – продолжал вопросы Смуга.

– Мы готовы выплатить каждому из вас по две тысячи фунтов. Одну четверть вы получите сразу же после подписания договора, остальная часть будет положена на ваше имя в один из банков по вашему усмотрению. За свой счет вам пришлось бы приобрести только необходимое личное снаряжение. Организаторы экспедиции покроют стоимость путешествия по морю, пешего похода по Новой Гвинее, все расходы на питание в пути и, сверх того, выделят определенную сумму на покупку этнографических экспонатов.

– Скажите, пожалуйста, неужели райские птицы и эти самые... цветочки столь ценны? – удивился капитан Новицкий.

– За одну доставленную живую орхидею вида, еще не знакомого ученым, вы можете получить от любителя до десяти тысяч фунтов, – пояснил Бентли.

– Ого! И все же мне кажется, уважаемые господа, что вы покупаете кота в мешке. А если охотники за человеческими головами и людоеды помешают экспедиции выполнить задание, и мы вернемся с пустыми руками?

– Все может случиться. Тут уж организаторы идут на риск, – пояснил Бентли. – Однако, чтобы до минимума ограничить размеры риска, организаторы решили поручить дело вам. Ведь Гагенбек считает вас лучшими специалистами в деле организации экспедиций такого рода.

– Вы требуете от нас немедленного ответа? – спросил Вильмовский.

– Да, дело весьма срочное. Я хотел бы очутиться на месте еще

до периода дождей, – заявил Бентли. – Кроме того, у меня есть особый заказ Музея естественной истории в Нью-Йорке, адресованный лично вам. Вы уже имели дело с этим учреждением. На этот раз им хотелось бы узнать способ препарирования человеческих голов, применяемый туземцами Новой Гвинеи. Вот соответствующее письмо руководства Музея.

Салли вдруг встала с кресла и сказала:

– Извините, пожалуйста, могу ли я поговорить с Томми наедине, перед тем, как вы примете окончательное решение?

Директор Гарт с удивлением взглянул на девушку, но остальные понимающе улыбнулись. Ведь все знали, что молодые люди очень дружат. Салли была любимицей капитана Новицкого, поэтому он сразу поспешил ей на помощь:

– Вы поворкуйте себе там, а мы за это время тоже кое-что обдумаем. Поспешишь – людей насмешишь! Неправда ли, уважаемые господа?

– Конечно, – согласился Бентли. – Дамам всегда надо уступать.

– Пожалуйста, пожалуйста, – вторил ему Гарт, тоже сообразив, в чем тут дело.

Вильмовский и Смуга обменялись многозначительным взглядом.

Салли и Томек вышли на веранду. Как только они очутились наедине, девушка возбужденно воскликнула:

– Ах, вот как, Томми? Ты готов отправиться в экспедицию хоть сегодня? Я вижу, что ты обо мне совершенно забыл!

– Что ты, Салли! Как тебе не стыдно так говорить? – возмутился Томек.

– Не стыдно, потому что ты забываешь о том, что всего важнее для меня, – ответила Салли, чуть не плача.

– О чем это я забыл? Будь добра, напомни...

– Разве ты год назад в Лондоне не обещал, что исполнишь любое мое желание, как только я выдержу экзамен на аттестат зрелости?

Томек облегченно вздохнул. Значит только в этом дело!

– Салли, я прекрасно это помню. Я не давал тебе повода сомневаться во мне и ни в чем не нарушил обещания, соглашаясь на участие в экспедиции на Новую Гвинею. Ты же слышала сколько мне заплатят? Завтра я получу аванс и куплю тебе все, что только ты пожелаешь! Ну, скажи, ты уже не обижаешься на меня?

– Нет, Томми, я не обижаюсь. Я знаю, что ты ни за что на свете не нарушишь данное слово.

– Конечно!

– Вот и отлично. Я была в этом уверена! Поэтому теперь ты должен исполнить мое сокровенное желание!

– Завтра я куплю тебе подарок, какой только ты пожелаешь. Хорошо?

– Нет, мой дорогой! Исполнить обещание ты должен еще сегодня! Я, кроме того, прошу тебя никогда не упоминай о каких-то деньгах!

Томек, не зная что ему думать о требовании Салли, внимательно заглянул ей в глаза. Вдруг у него возникло ужасное подозрение.

– Салли... неужели ты хочешь...

Девушка заискивающе улыбнулась.

– Наконец-то ты уже, пожалуй, знаешь чего я хочу! – немного помолчав сказала Салли.

– Салли, Салли, это же совершенно исключено!

– Я знаю, что для тебя нет ничего невозможного, Томми. Ты нашел меня в буше, когда все другие уже потеряли всякую надежду! Ты вырвал меня из плена у мексиканских индейцев! Ты научил меня любить животных! Я только потому и поступаю на зоологический факультет, чтобы вместе с тобой ездить в экспедиции. Кроме того, ты дал мне честное слово, что исполнишь любое мое желание, как только я получу аттестат зрелости и вот, оно мое желание – ехать с тобой на Новую Гвинею! Мы возьмем с собой и Динго. В последнее время ты что-то перестал о нем заботиться. Наш милый песик уже на корабле. Если ты меня хоть немножко любишь, ты исполнишь мое желание, как обещал!

Аргументы Салли были столь неотразимы, что ошеломленный Томек почувствовал слабость в ногах и опустился

в кресло. Хитрая Салли ловко расставила на него сети. Но ведь ни Бентли, ни кто-нибудь из друзей Томека не дадут согласия на участие женщины в таком опасном путешествии. Томек был в отчаянии. Он не мог не сдержать данного слова и не знал как это сделать. Только после довольно долгого молчания, Томек сообразил, что если Салли хочет ехать с ним, значит она вовсе не думает об ухаживаниях кузена. Это несколько его утешило. Томек сказал почти спокойно:

– Я сдаюсь, Салли. Но так как я не могу взять тебя с собой, то и сам не приму участия в экспедиции. Жаль, конечно... деньги нам очень нужны... но я дал слово... и я сдержу его!

Салли подошла к Томеку совсем близко. Она прекрасно понимала на какую жертву готов пойти Томек ради нее. Девушка положила руки на плечи Томеку и, глядя ему в глаза, спросила:

– Ты не обижаешься на меня?

– Нет, нет, что ты! Я дал слово и я должен его сдержать. Мои друзья поедут без меня. Ах, возможно, так будет лучше. Ведь должен же кто-нибудь остаться со Збышеком и Наташей.

– Томми, неужели ты только из-за меня хочешь остаться? Что-то слишком спокойно ты отказываешься от участия в экспедиции!

– А в чем дело? Ты, видимо, опять хитришь? – встревожился Томек.

– Ничего я не хитрю! А скажи, ты взял бы меня с собою, если бы на это согласились твой папа и другие?

– А что я мог бы сделать, раз ты требуешь, чтобы я сдержал данное слово?

– Прекрасно, значит еще не все потеряно! Я видела как они считаются с твоим мнением! Даже Бентли и Гарт.

– Салли, не говори глупостей! Не согласятся ни они, ни твои родители!

– Ты так думаешь? В таком случае хорошо, вернемся к ним и ты заявишь, что отказываешься от участия в экспедиции. Но скажешь им всю правду!

III
Победит ли Салли?

Томек и Салли вернулись в кабинет. Все с любопытством посмотрели на них и сразу же прервали беседу. Не трудно было догадаться, что между молодыми людьми произошел важный разговор. На лице Салли отражалось волнение. Томек был бледен, шел с опущенной головой и избегал взглядов товарищей. Вильмовский и Смуга снова обменялись многозначительными взглядами.

– Ну и как, совещание закончилось? – беззаботно начал Новицкий. – Поэтому, уважаемые господа, давайте перейдем к делу...

– Не спешите так, капитан, – перебил его Смуга. – Пусть сначала выскажется Томек.

Юноша медленно поднял голову, взглянул на Смугу, потом перевел взгляд на отца. Поняв, что они угадали правду, он побледнел еще сильнее. Капитан Новицкий почувствовал странное беспокойство. Он внимательно посмотрел на Томека, бросил взгляд на Салли и насупил брови.

– Что ты там ему наболтала? Поссорились вы, что ли?! – вполголоса обратился к Салли капитан Новицкий.

Томек не мог больше молчать. Он собрался с духом и заявил:

– Мне очень неприятно, но я не смогу принять участие в экспедиции...

– Это почему же?! – изумился Новицкий.

– Салли...

– Можешь не говорить больше ни слова, я все уже знаю! – воскликнул моряк. – Нам не надо было при женщинах говорить о людоедах и охотниках за человеческими головами. Нет ничего удивительного, что Салли за тебя испугалась! Но не беспокойся, я ей все объясню!

– Вы ошибаетесь, – возразил Томек. – Салли выразила желание ехать в экспедицию вместе с нами и прихватить с собой Динго. В свое время я обещал, что исполню любое ее желание, как только она получит аттестат зрелости. Взять Салли на Новую Гвинею без вашего разрешения я не могу, поэтому вынужден отказаться от поездки, чтобы не дать повод к обвинению меня в нарушении данного слова.

– Салли, моя дорогая, нельзя так ставить вопрос. Ведь Томек едет в экспедицию не для личного удовольствия. Охота и ловля животных его профессия. Томек должен зарабатывать на жизнь, –

возразила миссис Аллан, подходя к дочери.

– Не говори так, мамочка! Все подумают, что я ужасная эгоистка – серьезно сказала Салли. – Я только потому поступаю на зоологический факультет, чтобы ездить вместе с Томми в экспедиции.

– Кто же осмелится назвать тебя эгоисткой, моя красавица! – воскликнул капитан Новицкий. – Ты уже не раз говорила нам о своих планах! Но почему ты, как раз теперь, уперлась ехать в эту экспедицию? Что касается Динго, то будь покойна, мы его возьмем с собой, с ним ничего не случится!

– Это была бы прекрасная практика перед началом обучения в университете, – сказала Салли. – Вы же знаете, что я не плакса и вовсе не из трусливых!

– Ты девушка молодец, ничего не скажешь, – горячо подтвердил Новицкий. – Она, уважаемые господа, весьма храбро вела себя, когда мексиканские индейцы захватили ее в плен!

– Неужели Салли участвовала в экспедиции? – удивленно спросил Гарт, который, как и Бентли, до сих пор в молчании прислушивался к беседе друзей.

– Два года назад мы с Салли гостили в Аризоне у моего деверя, – пояснила миссис Аллан. – Туда приехали и Томек с боцманом... ах, извините, с господином капитаном Новицким.

– Пожалуйста, пожалуйста, я не слишком обращаю внимание на звания, – вмешался Новицкий. – Да и экзамен на право вождения яхты я сдал только два месяца тому назад.

– Так вот, в Аризоне индейцы похитили Салли по наущению одного мексиканского ранчеро, – продолжала рассказ мисс Аллан. – Только благодаря Томми и капитану Новицкому удалось освободить Салли.

Гарт и Бентли обменялись взглядами, после чего последний обратился к мисс Аллан:

– Говорила ли вам дочь о намерении отправиться в экспедицию вместе с Томми Вильмовским? Сдается мне, что вы не очень удивлены ее предложением.

– Конечно, она уже очень давно начала об этом говорить.

– Можно ли понимать это так, что вы не возражаете против ее участия в экспедиции? – продолжал спрашивать Бентли, не скрывая удивления.

Миссис Аллан смущенно замолчала и взглянула на Салли и Томека. Они стояли рядышком. Высокий, широкоплечий Томек держал Салли за руку, словно старший брат сестренку. В глазах молодых людей отражалась немая просьба. Мисс Аллан почувствовала волнение. Она ответила тихо, но твердо:

– Нет, я не возражаю! Я не могу им отказать! С тех пор как у

моей дочери завязалась дружба с Томми, она сумела превратить наш дом в зоологический музей. Во время каникул она ловит и препарирует различных птиц, чучела которых потом продает в Европе. И все это для того, чтобы накопить средства для участия в следующей экспедиции Томми.

– Кто вас научил набивать чучела птиц? – спросил Гарт, обращаясь к Салли.

– Конечно, Томми, – ответила девушка. – Я умею также обрабатывать бабочек и других насекомых.

Директор Гарт вопросительно взглянул на Бентли. Они обменялись понимающим взглядом.

– Губернатором Папуа теперь является мой хороший знакомый сэр Хьюбер Меррей[20], – сказал Бентли. – Он пользуется известностью как прекрасный знаток обычаев обитателей Новой Гвинеи. Недавно он писал мне о чрезвычайно интересном обычае. Если группу воинов в походе сопровождают женщины, то туземцы считают это признаком мирных намерений отряда. Возможно, присутствие Салли в составе экспедиции облегчит нам выполнение нашего задания?

– Как видно, нет худа без добра, – порывисто заявил капитан Новицкий. – Ну-ка, Андрей, скажи свое веское отцовское слово!

– Мы очень просим господина Вильмовского высказаться по этому вопросу, – добавил Бентли.

Вильмовский уже давно и внимательно наблюдал за сыном и Салли. Теперь он медленно повернулся к Бентли и Гарту.

– Я не хотел бы, чтобы мои чувства по отношению к Томеку и Салли заглушили голос разума, – сказал он. – Самый опытный путешественник среди нас – это Смуга. Поэтому я прошу тебя, Ян, скажи, что ты об этом думаешь.

– Прекрасно, мы тоже заранее согласны с мнением господина Смуги, – вмешался Бентли. – Его мнение ценно еще и потому, что мы с Гартом хотели просить его взять на себя руководство экспедицией.

В комнате воцарилась тишина. Смуга медленно набил трубку табаком, раскурил ее и только после этого сказал:

– Мне приходилось уже руководить экспедициями, в которых участвовали женщины. Тогда бывало по-разному. Все зависит от того, что эти женщины из себя представляют. В данном случае Салли – дочь австралийского ранчеро. Она с детства привыкла к бушу и тяжелым условиям существования. Мне приходилось видеть чучела птиц, выполненные ею. Солидная работа. Принимая во внимание исследовательский характер экспедиции, нам, я полагаю, не придется делать больших переходов. Наоборот, следует считаться с возможностями длительных стоянок. Предлагаю поручить Салли обязанности препаратора.

– Вы это хорошо решили, – заявил Бентли. – Я хотел было взять с собой троих работников зоологического сада в Мельбурне в качестве препараторов. Но, если так, то возьму только двоих. Вознаграждение Салли Аллан за работу составит 500 фунтов.

Томек успокаивал Салли, которая плакала от радости положив голову ему на плечо, как вдруг Смуга снова потребовал внимания:

– У меня есть еще одно предложение.

– Пожалуйста, мы вас слушаем, – в один голос сказали оба директора зоологических садов.

– Говорите, говорите, – вторил им капитан Новицкий, вытирая глаза носовым платком. – Поистине Соломонова мудрость сегодня на твоих устах!

– Раз уже мы решили взять в экспедицию женщину-препаратора, то, думаю, хорошо было бы взять с собой и сестру милосердия. Во время такой экспедиции студентка медицинского факультета может нам очень и очень пригодиться. Кроме того,

двум женщинам будет легче переносить тяготы путешествия, чем одной. Предлагаю в качестве медика взять Наташу. Нам придется также решить, что поручить Збышеку Карскому, который в настоящее время находится на нашем попечении. В таком составе мы согласны участвовать в экспедиции на Новую Гвинею.

– Вы берете на себя руководство экспедицией? – еще раз, для верности, спросил Бентли.

– Да!

– Если так, то мы завтра подпишем договор, а теперь я прошу вас к себе на обед! Нам полагается достойно отметить сегодняшний день!

Прием у директора Гарта затянулся до ночи. Бентли был очень доволен. Экспедиция под руководством столь опытных звероловов и путешественников не могла не удасться. Поэтому Бентли, сидя за столом между Томеком и Салли, сиял от радости. Капитан Новицкий сыпал остротами, как из мешка. Он посмеивался над Томеком, попавшим под башмачок австралийской сороки, и предлагал Смуге прихватить с собой несколько детских сосок, чтобы кормить малолетних членов экспедиции. Томек и Смуга не оставались у него в долгу и отшучивались как могли, подсмеиваясь над Новицким и над собой. Развеселившись, моряк обратил внимание на опечаленного Бальмора, а когда тот признался, что тоже охотно поехал бы в экспедицию, капитан Новицкий до тех пор уговаривал Смугу и Бентли, пока они не согласились зачислить в экспедицию и кузена Салли. Добряк и весельчак, капитан Новицкий не выносил рядом с собой опечаленных лиц друзей или знакомых.

На следующее утро Бентли и Гарт поднялись на борт яхты, чтобы подробно обсудить детали экспедиции. Капитан Новицкий с гордостью показал гостям свою яхту. «Сита»[21] была двухмачтовой яхтой водоизмещением в двести восемь тонн. Между мачтами на палубе была большая надстройка, в которой помещались кают-компания и курильная комната. На крыше надстройки находились капитанский мостик и навигационная рубка. Солидная конструкция позволяла яхте плавать по всем морям и океанам. Пассажирские каюты, кубрик для экипажа, санитарные помещения, магазины и цистерны для пресной воды, находились внутри корпуса яхты, под палубой.

Еще накануне было решено, что морской участок пути от Сиднея до Новой Гвинеи и обратно, экспедиция проделает на яхте «Сита». Это весьма обрадовало капитана Новицкого, и он пребывал в прекрасном расположении духа. Плата за наем яхты позволяла капитану содержать экипаж из четырех человек и произвести необходимый ремонт.

Збышек, Джемс Бальмор и женская часть экспедиции еще отсыпались после вчерашнего пира. Поэтому, совершив беглый осмотр яхты, капитан Новицкий пригласил гостей в курильную комнату, где их уже ждали три друга. Капитан Новицкий угостил присутствующих чаем с ромом и совещание началось.

Бентли выложил на стол большую карту, на которой красной линией обозначил будущий маршрут экспедиции. Из Сиднея экспедиция должна была пройти на корабле через два прибрежных моря Тихого океана[22], именно: на северо-восток через Тасманово море, расположенное между юго-восточным побережьем Австралии, Тасманией и Новой Зеландией, потом должна повернуть на северо-запад и пройти через Коралловое море, граничащее с востока с Новой Каледонией, Гебридскими островами, островами Санта-Крус и Соломоновыми, с севера с архипелагом Бисмарка[23] и восточной частью Новой Гвинеи, а на западе с Большим Барьерным Рифом[24], который расположен вдоль северо-восточного побережья Австралии на протяжении около двух тысяч километров.

Почти в пятистах километрах к востоку от Торресова пролива, самого коварного для моряков места на земном шаре, маршрут поворачивал к северу, к юго-восточному побережью Новой Гвинеи, крупнейшего острова Океании[25] и второго по величине после Гренландии на земле. Там, в Порт-Морсби, где была резиденция губернатора провинции Папуа, экспедиция должна была оставить яхту и начать пешеходное путешествие в глубину страны.

Искрящимся взором смотрел Томек на огромный остров, нарисованный на карте, площадь которого почти равнялась всей Скандинавии. Остров этот некогда составлял вместе с Зондскими островами сушу, соединявшую Южную Азию с Австралией. Какие же необыкновенные приключения ожидают их на этом таинственном острове? Даже форма острова, странно удлиненная, напоминала Томеку какое-то допотопное чудовище или райскую птицу, в погоне за которой они отправляются вместе с Салли.

Через весь остров от его юго-восточного края и до западного, тянется хребет высоких гор, похожий на карте на позвоночный столб какого-то первобытного чудовища или птицы. Северная часть острова до самого морского побережья покрыта многочисленными отрогами этих гор. Восточный и западный край южного побережья, тоже гористый, но в центре виднеется обширная болотистая низменность. Горный хребет в глубине острова дает начало многочисленным ручьям, которые позднее сливаются в крупные реки: Маркгэм, Раму, Сепик и Мамберамо в

северной части острова и Пурари, Флай и Дигул – в южной.

Участники экспедиции очень интересовались реками на юго-восточном побережье. Ведь маршрут вел из Порт-Морсби на северо-запад к горному хребту, который на этом участке носил название Оуэн Стэнли. Дальше, красная линия маршрута врезалась прямо в центр горного хребта, и только почти у места впадения реки Пурари в залив Папуа, снова поворачивала к югу.

– Сто протухших китов! Да ведь это самая настоящая горная экспедиция! – разочарованно воскликнул капитан Новицкий, рассмотрев на карте маршрут.

На устах присутствующих появились улыбки, потому что они знали нелюбовь моряка к горным походам.

– Пока что это только теоретический проект маршрута, дорогой капитан, – пояснил Бентли. – Ведь вы видите сколько белых пятен еще покрывают центральные части Новой Гвинеи. До сих пор существует убеждение, что центральный горный массив представляет из себя необитаемый скальный блок, который совершенно непригоден для жизни человека. Если это действительно так, мы ограничимся только исследованием гор Оуэн Стэнли и их подножия. Недавно я встретил золотоискателя, который прошел довольно далеко вверх по Пурари. По его словам среди недоступных гор могут существовать цветущие жизнью долины. Кто знает где таится правда?

– Ба, чтобы это проверить, надо сначала взобраться на вершины гор, – сказал Новицкий. – Не люблю лазить по скалам!

– Не бойся, Тадеуш, – утешил его Вильмовский. – Ширина Новой Гвинеи не превышает семисот километров, да и то в самом широком месте, а длина составляет две тысячи четыреста километров. Во время сибирского путешествия нам приходилось преодолевать значительно большие расстояния.

– Знаю, знаю, тебе только того и надо! – ответил Новицкий, видимо, готовый покориться своей участи. – Как все географы, ты любишь совать нос туда, куда до тебя его еще никто не совал.

– Вы, капитан, должны радоваться, что примете участие в экспедиции, которой, быть может, удастся сделать новое открытие, – сказал Томек. – Впрочем, можете утешиться – обратный маршрут до самого побережья ведет по равнине.

– По болотистой и влажной низменности, – добавил Смуга и, обращаясь к Бентли, спросил: – Почему вы выбрали именно этот маршрут?

– Я как раз собирался объяснить это, – ответил зоолог. – Разрабатывая маршрут, я принимал во внимание территории, которые в недалеком прошлом уже посещались европейцами. Я бы не хотел, чтобы экспедиция все время шла по

неисследованным местам.

– Вы правы, – согласился Вильмовский. – По карте видно, что почти весь маршрут проложен по территории Папуа[26]. Я охотно послушал бы историю исследования этой провинции. Это поможет правильно оценить наш будущий маршрут.

– Мы всегда, прежде чем отправиться в экспедицию, собираем сведения о путешественниках совершивших аналогичные путешествия до нас, – пояснил Смуга. – Пожалуйста, расскажите!

– С большой охотой. Я знал, что вы будете интересоваться этим и успел подготовиться, – ответил Бентли. – Так вот, о существовании Новой Гвинеи стало известно в начале XVI века, но до последнего времени остров оставался почти не исследованным. Даже точных карт берегов острова не было. Время от времени путешественники наносили на карты отдельные участки берегов. Положение улучшилось только в XIX веке. Голландская экспедиция, организованная в 1826 году изучила юго-западное побережье острова. Семнадцать лет спустя Блэквуд на корабле «Флай» и Оуэн Стэнли на корабле «Раттлснейк» произвели картографическую съемку юго-восточного побережья острова. В 1873 году, то есть всего лишь тридцать пять лет назад, Морсби подробно изучил восточное побережье от залива Астролябии до восточного края острова и окончательно определил очертания Новой Гвинеи.

– Видимо, Порт-Морсби, откуда нам предстоит начать путешествие по острову, назван так по имени этого путешественника? – спросил Томек, который внимательно и сосредоточенно слушал рассказ Бентли об истории открытия и исследования Новой Гвинеи.

– Да, именно он открыл этот порт, – подтвердил Бентли.

– Чтобы увековечить эту экспедицию, одна из самых больших рек Новой Гвинеи, Флай, названа именем корабля, на котором совершил свое открытие Морсби, а имя Оуэна Стэнли получил горный хребет в юго-восточной части острова.

Бентли набил табаком трубку, раскурил ее и продолжал рассказ:

– Вскоре после возвращения Морсби, на юго-восточном побережье Новой Гвинеи появились миссионеры. Кроме попыток обращения туземцев в христианскую веру, они постепенно уточняли карты некоторых районов острова. Итак, Лоу и Челмерз вели оживленную деятельность на берегу залива Папуа. В 1886 году Челмерз открыл реку Уикгэм, которую папуасы зовут Алеле. Семь лет назад Челмерза убили туземцы, жители одного из прибрежных островов. В 1887 году Гартман и Хантер совершили восхождение на вершины хребта Оуэн Стэнли. Макгрегор, спустя

два года, идя вверх по реке Ванапа дошел до горы Виктории, одной из вершин этого же хребта. Зимой 1889-90 года ему удалось пройти вверх по реке Флай около 605 миль, почти до границы германской части Новой Гвинеи.

В 1870 году Новую Гвинею посетил русский путешественник Миклухо-Маклай. В первое свое путешествие он высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, участок которого назван по его имени Берегом Маклая и прожил среди папуасов свыше 15 месяцев. В 1874 году Миклухо-Маклай побывал на юго-западном берегу Новой Гвинеи (Папуа-Ковиай). В 1876-1878 годах он снова жил среди туземцев Берега Маклая. Проведя несколько лет в Сиднее, Миклухо-Маклай в 1881 году второй раз посетил южное побережье Новой Гвинеи. Умер он в России в 1886 году. Велики заслуги Миклухо-Маклая в деле изучения обычаев и языка папуасов, уважением и любовью которых он пользовался.

В 1907 году, то есть всего лишь год назад, Монктон прошел поперек всей южной оконечности острова – от истоков реки Ауре до южного берега залива Папуа. Несколько месяцев тому назад Макей и Лайтл вернулись из путешествия вдоль берегов верхнего течения Пурари. Мне удалось получить отчет об их путешествии, который я внимательно проштудировал. Это, пожалуй, в достаточной степени объясняет почему я предложил этот вариант маршрута. Мы будем идти по местам, где уже до нас побывали белые путешественники.

– Прекрасно, большое вам спасибо за рассказ, – сказал Смуга. – Из этого можно заключить, что только участок маршрута, ведущий через центральный горный массив проходит по неисследованной местности.

– Я полагаю, что делать такой вывод преждевременно, – возразил Бентли. – Практически весь маршрут ведет по необследованной территории. Упомянутые мною путешественники, не располагали возможностями подробного изучения местностей, по которым проходили. Кроме того, что удалось одним, может не удастся другим. Но все же нам кое-что известно о реке Пурари и хребте Оуэн Стэнли.

– Таким образом, нам предстоит из Порт-Морсби направиться к горному хребту Оуэн Стэнли, – сказал Смуга.

– Да, нам следует учесть, что по словам губернатора, на расстоянии около ста пятидесяти километров от Порт-Морсби находится миссионерская станция, расположенная на плоскогорье Пополе. Это первый этап нашего сухопутного путешествия. Оттуда мы направимся на северо-запад к центральному горному массиву.

– Что за племена обитают в районе Пополе? – спросил Томек.

– Их называют мафулу, – ответил Бентли.

Смуга снова стал внимательно рассматривать карту. Через минуту сказал:

– Наш маршрут ведет не только по территории, принадлежащей Австралии. А если нам придется нарушить границу Земли Императора Вильгельма[27], это не вызовет осложнений?

– Думаю, что нет, – ответил Бентли. – Правда, Новая Гвинея разделена на три части: голландскую[28], германскую и австралийскую, но границы этих колоний до сих пор проведены только ориентировочно. Ведь даже неизвестно точно, что находится в глубине острова. Граница между владениями Австралии и Голландии проведена в 1893 году. Что касается границы между колониями Австралии и Германии, то пограничная Британско-Германская комиссия должна закончить свою работу только в конце 1909 года. В глубине острова мы не встретим пограничных постов. Я думаю, что обратный путь мы совершим по реке, на лодках. Так будет легче перевезти собранные нами коллекции.

– Видимо, поэтому вы назначили обратный маршрут вдоль реки Пурари? – спросил Вильмовский. – По-моему, это весьма разумно. Возможно нам удастся обнаружить истоки этой реки.

– Все ли согласны с разработанным мною маршрутом? – спросил Бентли.

– В общем проект можно принять. Ну, а что будет на самом деле – покажет будущее, – ответил Смуга. – Ты согласен со мной, Андрей?

– Да, согласен, – ответил Вильмовский. – Может быть есть возражения у капитана или у Томека?

– В этих делах вы умнее меня, вам и книги в руки, – ответил Новицкий. – Раз вы считаете, что проект хорош, то больше и говорить не о чем!

– Я полностью согласен с мнением капитана, – заключил беседу Томек.

IV
Подготовка экспедиции

Совещание было прервано приходом обеих девушек, из-за спин которых показались Збышек Карский и Джемс Бальмор.

– Завтрак готов, – заявила Салли. – Подать его вам сюда, или вы предпочитаете перейти в кают-компанию?

– Это уж как пожелают наши гости, – ответил капитан Новицкий.

– Я предлагаю продолжить совещание за завтраком. Иначе мы потеряем много времени, – сказал Бентли.

– Ваша правда! – В таком случае, давайте позавтракаем здесь, – предложил капитан Новицкий.

– Если вы хотите послушать нашу беседу, то присаживайтесь к нам, – пригласил новоприбывших девушек и молодых людей Гарт. – Вы, господа, наверно не станете возражать?

– Ну, конечно, нет! Мы не хотели слишком рано будить нашу молодежь, но сведения Бентли могут пригодиться всем участникам экспедиции, – ответил Смуга. – Пожалуйста!

Миссис Аллан помогла девушкам быстро накрыть стол скатертью и подать блюда; не прошло и четверти часа, как прерванное совещание возобновилось.

– Пока что Бентли рассказал нам историю исследований Папуа. Теперь, чтобы полностью войти в курс дела нам будет полезно ознакомиться с историей открытия остальных двух частей Новой Гвинеи, – начал Смуга.

– Может быть начнем с голландской части, – предложил Вильмовский.

– Колониальные власти почти ничего не делают для научных исследований страны, – сказал Бентли. – До сих пор во всех трех частях Новой Гвинеи работают только геологические партии, организованные крупными фирмами горнодобывающей и металлургической промышленностей. Естественно, что их исследования касаются только залежей полезных ископаемых и минералов. Здешние геологи совершенно не интересовались туземным населением и не стремились проникнуть в тайны труднодоступных местностей[29].

До 1893 года в голландской части Новой Гвинеи никто не интересовался тем, что находится в глубине острова. Немногочисленные экспедиции проходили только по некоторым участкам побережья. Английский естествоиспытатель и путешественник Альфред Рассел Уоллес в середине XIX века

посетил Дорей на северо-западе. Он исследовал Зондские острова от Малайского полуострова до Новой Гвинеи и сделал немало ценных этнографических, лингвистических и зоологических открытий.

– Скажите, пожалуйста, не он ли предложил деление земного шара на зоогеографические зоны? – спросил Томек.

– Да, мой дорогой, это предложение внес именно Уоллес, – согласился Бентли. – После него, как я уже упоминал, в 1870-71 годах, русский путешественник Миклухо-Маклай три раза посетил Новую Гвинею. Он изучал в основном восточное побережье, названное его именем, но бывал и на западном.

– Мне приходилось читать статьи этого путешественника в русских журналах, – заметила Наташа. – Мне кажется это был необыкновенный человек. Ведь он несколько лет жил среди папуасов, научил их употреблению ножа и топора, пытался организовать содружество племен. Туземцы звали его Тамо Рус. Я ни за что не согласилась бы жить среди людоедов.

– Я тоже читал некоторые труды этого путешественника в немецких журналах, – сказал Вильмовский. – Пожалуйста Бентли, продолжайте ваш рассказ.

– Примерно в это же время итальянец Альбертис обследовал долину реки Флай и хребет Тамрау с горой Арфак на полуострове Вогелькоп, а Майер прошел от залива Мак-Клур[30] до залива Гелвинк[31], – продолжал Бентли, то и дело поглядывая в записную книжку. – Второй период исследований начался лишь после 1893 года. Путешественник Враза снова посетил места, где до него побывал Альбертис, при чем значительно расширил и уточнил знания об этом районе. В 1903 году он направился в глубину страны к востоку от залива Гелвинк. В 1904 году в южной части Нидерландской Новой Гвинеи он исследовал реку Дигул. Съемка течения рек южного побережья произведена только в прошлом году. По самым последним сообщениям губернатора из Порт-Морсби в настоящее время исследуется течение реки Мамберамо.

– А как обстоят дела в германской колонии? – спросил Смуга;

– Как только немцы появились в Новой Гвинее они организовали экспедицию возглавляемую Финшем; экспедиция произвела съемку береговой линии на протяжении около тысячи миль, – ответил зоолог. – Экспедиция открыла реку Императрицы Августы, которую туземцы зовут Сепик. Спустя два года, Дальман прошел вдоль берегов этой реки около сорока миль, а адмирал фон Шлейниц и ученый Шрадер обследовали реку Сепик на участке протяженностью в 326 миль, считая от места ее впадения в море. Другие путешественники исследовали побережье острова

между заливом Астролябии, рекой Сепик и заливом Хьюон. В 1887 году те же Шрадер и Шлейниц опять отправились исследовать реку Сепик и дошли почти до границы Нидерландской части Новой Гвинеи. Спустя девять лет Лаутербах прошел от залива Астролябии (на новых картах Астролейб) до гор Бисмарка и открыл реку Раму. Совсем недавно Даммкелер и Фрелих исследовали район между реками Маркгэм и Сепик. Как видите, исследование Новой Гвинеи на всех трех частях острова продвигается очень медленно.

– Вы совершенно правы! Организованные до сих пор экспедиции принесли очень мало сведений о центральной части острова, – сказал Смуга. – Именно тут нам придется идти по необследованной территории.

– Немцы, как и все другие, ведут в колониях беззаботную жизнь, – вмешался Новицкий. – Но мы по опыту знаем, что для туземцев даже лучше, если колонизаторы не очень спешат совать нос в их дела.

– Правильно, капитан, я даже не знаю разумно ли будет нам присоединяться к какой-либо из правительственных экспедиций. Ведь мы не стремимся к завоеванию страны. Это нам поможет в общении с туземцами[32].

– Ну, мне кажется пора приступить к подписанию договора, – заметил директор Гарт. – Предлагаю пойти к нотариусу. Я уже распорядился подготовить соответствующие документы.

– Сразу же после подписания договора все участники экспедиции получат чеки на всю сумму следуемого аванса, – добавил Бентли. – Деньги вам будут нужны на покупку необходимого личного снаряжения. Капитан, когда ваша яхта будет готова к отплытию?

– Гм, я буду готов через десять дней, – ответил капитан, после минутного размышления.

– Значит, через десять дней мы отправляемся в путь, – решил Бентли.

– А теперь, за работу, друзья!

К вечеру Смуга распределил функции и дал задания всем участникам экспедиции. Это выглядело примерно, так:

Ян Смуга – руководитель и начальник экспедиции;

Тадеуш Новицкий – охотник-следопыт и вооруженная охрана;

Томаш Вильмовский – охотник-следопыт и вооруженная охрана;

Андрей Вильмовский – научно-исследовательские работы;

Карл Бентли – научно-исследовательские работы;

Салли Аллан – препаратор животных и повар полевой кухни;

Наталья Владимировна Бестужева – медсестра и повар

полевой кухни;

Збигнев Карский – снабжение и кладовая;

Джемс Бальмор – препаратор и работы по лагерю;

Джек Станфорд – препаратор и работы по лагерю;

Генри Уоллес – препаратор и работы по лагерю.

Кроме того, во время плавания по морю все участники экспедиции входили в состав экипажа корабля и подчинялись капитану Новицкому. Постоянный экипаж яхты, состоявший из четырех индийцев, не принимал участия в сухопутном путешествии. В задачу этого экипажа входила охрана яхты во время отсутствия капитана.

Само собой разумеется, что верный Динго, полученный Томеком в подарок от Салли во время первого пребывания Томека в Австралии, тоже принимал немаловажное участие в экспедиции. Он прекрасно умел находить следы животных и нести сторожевую службу на марше и во время стоянок.

Вся следующая неделя прошла в работе с рассвета до поздней ночи. Капитан Новицкий почти не покидал борта яхты. Вместе с Динго он заглядывал во все уголки, следил за работой по внутренней перестройке судна. Остальные участники собирали на складе в парке Таронга различные припасы, купленные Бентли, сортировали их, составляли списки и упаковывали в ящики из тонкой жести, которые тщательно запаивали. В этом деле не принимала участия только Наташа, которая проходила медицинскую практику в одной из больниц Сиднея.

Томек делал все возможное, обучая Збышека его ответственному делу. Ведь малейший недосмотр мог свести на нет все усилия участников экспедиции и угрожал потерей ценного оборудования или припасов, добыть которые в глубине джунглей было совершенно невозможно. Десятки ящиков постепенно грузили в трюмы судна. Только на восьмой день Томек попросил «штаб» экспедиции проверить книги снабженца-кладовщика. Все жестяные ящики и брезентовые мешки были тщательно пронумерованы и вписаны в прошнурованную книгу с указанием цены, веса или количества упакованных предметов. Смуга медленно читал записи вслух. Сначала шли хозяйственные предметы, то есть: 2 палатки четырехместные, 2 двухместные и 2 большие с противомоскитными сетками для научной и препараторской работы, 10 противомоскитных сеток, 4 раскладные койки из бамбука с балдахинами и москитьерами, 10 гамаков, 15 теплых, легких одеял, жестяные миски, ложки, вилки, кружки, кастрюли и котелки, спиртовка, керосиновая лампа, раскладная брезентовая ванна для купанья, мыло, различные туалетные принадлежности, бидон с керосином, 3 банки спирта,

комплект слесарного инструмента и аптечка.

Далее в книге были тщательно записаны запасы продовольствия: консервы мясные и рыбные, супы и молоко в порошке, мука, крупа, рис, горох, фасоль, сахар, соль, чай, кофе, мед, сухари и табак. Из предметов необходимых для научной работы в книгу были занесены: измерительные приборы, компасы, микроскоп, фотоаппарат с необходимыми принадлежностями, приборы и химические средства, употребляемые при препарировании шкур животных и птиц, консервировании растений, сетки для ловли насекомых, ловушки, стеклянные банки, жестяные коробки и бидоны.

Личное снаряжение участников экспедиции состояло из двойного комплекта одежды, итак: для похода по джунглям припасались для каждого: мягкая полотняная шляпа, тонкая рубашка с длинными рукавами, длинные полотняные штаны, у которых нижняя часть штанин заправлялась в невысокие суконные башмаки; для похода по легкодоступной местности – короткие штаны до колен, куртка с короткими рукавами, чулки и суконные башмаки.

Кроме того, каждый участник располагал четырьмя комплектами личного белья, носками, брезентовыми куртками с капюшонами, башмаками подбитыми гвоздями для похода по горным местностям, женщины брали с собой юбки и краги.

Предпоследние страницы книги содержали записи о заменителях денег – меновых товарах для туземцев: топорах, ножах разного рода, ожерельях, зеркальцах, губных гармошках, разноцветных хлопчатобумажных тканях, жевательном табаке в черных палочках, ящиках с запасом продовольствия для носильщиков.

В конце книги находились записи о вооружении экспедиции: штуцерах, винтовках, револьверах, охотничьих ружьях, мелкокалиберных винтовках для охоты на небольших птиц, амуниции и сигнальных ракетах.

На борту яхты отдельно хранились запасы продовольствия на время путешествия по морю. Осмотр снаряжения и его проверка продолжались до самого вечера; в конце концов, «штаб» пришел к заключению, что подготовка к экспедиции закончена. По словам капитана Новицкого «Сита» будет готова к выходу в море через три дня. Поэтому гостеприимный Гарт предложил путешественникам совершить поездку на морской пляж в Наррабин.

Томек с удовольствием принял предложение. Во время прежнего пребывания в Австралии он хорошо ознакомился с Мельбурном, родным городом Бентли, и теперь обрадовался

возможности сравнить Мельбурн с Сиднеем.

На другой день утром участники экспедиции выехали в город на двух экипажах, запряженных парами лошадей. Оказалось, что директор Гарт прекрасный проводник. Экипажи сначала промчались по улочкам пригорода, буквально утопавшим в зелени садов, потом проехали через южные районы застроенные особняками и изрезанные многочисленными лагунами и заливами с множеством парусных судов. Потом посетили зоологический и ботанический сады, музеи, церкви, купили кое-что на память в торговом районе центральной части города и, в конце концов, приехали на набережную порта.

Всю дорогу Томек рассказывал молодым друзьям о всех достопримечательностях, встречавшихся по пути. Он сообщил им, например, что Сидней четвертый, а Мельбурн пятый город по величине во всем южном полушарии. Превышают их по площади и населению только южно-американские города: Буэнос-Айрес, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро[33]. Вся торговая, промышленная и культурная жизнь Австралии сосредоточена в двух городах – Мельбурне и Сиднее. Отсюда отправляются в свет основные австралийские товары: шерсть, мясо, кожа и пшеница.

Город Сидней носил характер портового города. Южная часть отделялась от северной заливом Порт-Джэксон, который врезывался в сушу языком десятикилометровой длины, тянувшемся вплоть до устья реки Парраматта. Сильно изрезанный берег изобилует здесь десятками заливов и бухт.

Наши путешественники остановились на берегу, чтобы полюбоваться видом северной части города, расположенной на противоположной стороне залива Порт-Джэксон. Они уселись на скамьях посреди обширного парка, сплошь заросшего кустарником и пальмами.

– Ну, как, Томек, нравится вам наш Сидней? – спросил Гарт.

– Не в обиду Бентли, надо признать, что Сидней, пожалуй, красивее Мельбурна. Здесь не столь правильная и симметричная застройка как в Мельбурне, поэтому город выглядит живописнее, – ответил Томек.

– Если так, то может быть вы решите поселиться здесь? Я могу предложить вам хорошую должность в управлении парка Таронга.

– Ничего из этого не выйдет! Я как-то пытался задержать Томека в Мельбурне, – вмешался Бентли. – В ответ он пригласил меня в Варшаву, после того как Польша получит независимость.

– Что ж, с течением времени суждения меняются, – со смехом сказал Гарт. – Часто на такое изменение влияют личные обстоятельства.

Томек покраснел, а Гарт добавил:

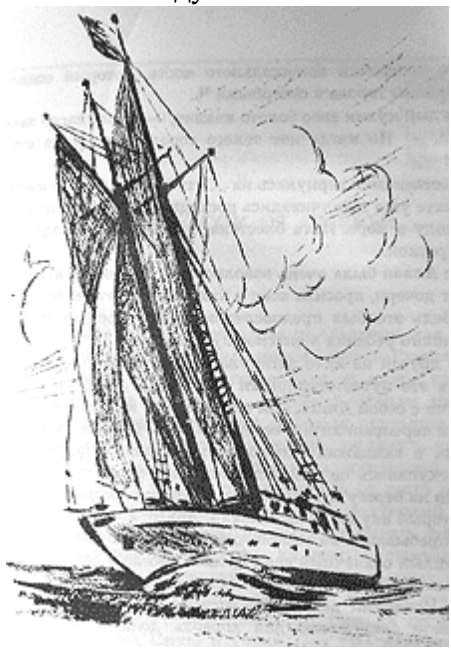
– Не спешите с ответом. Я возобновлю свое предложение после возвращения экспедиции из Новой Гвинеи.

– Спасибо, я подумаю, – ответил молодой человек.

– Как пить дать, Томек готов сесть на мель, – зычно шепнул на ухо Смуге капитан Новицкий.

– Мне тоже очень нравится Сидней, – бойко заявила Салли. – Сюда обязательно надо перенести столицу Австралийского Союза.

– Ого, вашими устами говорит жительница Нового Южного Уэльса, – возразил Бентли, поддерживая спор между Мельбурном и Сиднеем о том, какому городу быть столицей Австралийского Союза, основанного в 1900 году.



– Вы убедитесь, что в будущем Сидней станет еще красивее[34], – сказал Гарт. – Я слышал о проекте, который придаст городу еще большую монументальность и красоту. Я думаю о проекте постройки колоссального моста, который соединит южные районы города с северными[35].

– Каждый кулик свое болото хвалит, – громогласно заявил Новицкий. – Но нигде нет такого города, как наша старая Варшава!

Путешественники вернулись на «Ситу» в прекрасном настроении. На яхте уже заканчивались последние работы по подготовке к выходу в море. Яхта блестела, как зеркало. Везде пахло свежей краской.

Миссис Аллан была очень взволнована. Она ни на шаг не отходила от дочери, просила всех и каждого оберегать ее от

опасностей. Ведь это был предпоследний день перед отъездом ее единственного ребенка в опасное путешествие.

Беседа друзей на яхте затянулась до глубокой ночи, но несмотря на это путешественники вскочили с коек на рассвете.

Захватив с собой Динго, они направились к пристани, откуда на пароме переправились в северную часть Сиднея. В обществе Гарта они в экипажах отправились на пляж Наррабен. Все охотно искупались не опасаясь нападения акул, так как пляж находился на берегу лагуны, соединяющейся с морем проливом, через который акулы не заплывали. Динго, которому порядком надоело пребывание на тесной яхте, прямо таки ошалел от радости. Теплый солнечный день прошел весело и беззаботно.

Вечером все иллюминаторы яхты «Сита» ярко светились. Капитан Новицкий давал торжественный, прощальный обед. На рассвете следующего дня корабль должен был сняться с якоря.

V
На волосок от смерти

Яхта «Сита» на всех парусах шла по гладкому, как зеркало, океану. На руле стоял опытный моряк, индиец Рамасан, который уверенно вел корабль на север, точно по курсу, вдоль восточного побережья Австралии. Поэтому капитан Новицкий, хотя и выходил время от времени, словно по привычке, из каюты и поднимался на капитанский мостик взглянуть на полосу суши на западе, сразу же исчезал в навигационной рубке[36]. Он часто склонялся над картой, лежавшей на столе в навигационной рубке; внимательно просматривал вахтенный журнал, куда дежурные офицеры обязаны были вписывать данные обо всем, что было замечено во время их вахты. Встречая в журнале свои поправки к несоответствующим морскому коду записям, капитан снисходительно улыбался, потому что вахтенными офицерами на «Сите» были его ученики по морскому делу: Вильмовский, Смуга и Томек. Они уже многому научились. Во время рейса с Дальнего Востока в Индию, и потом в Австралию, они принимали деятельное участие во многих работах на яхте. В трудной и ответственной профессии моряка, до сих пор только Томек мог похвастаться серьезными успехами. Даже капитан Новицкий не мог найти в записях Томека, сделанных во время вчерашней вахты, каких-либо ошибок. А записано было вот что:

> «Брисбен»[37], 21 января 1909 года, четверг.
>
> В 9.15 утра «Сита» пришвартована[38] к пирсу в порту Брисбен, тем самым закончен первый участок пути из Сиднея. «Сита» прошла 460 морских миль за 5 дней при средней скорости от 3 до 4 узлов[39]. Причина малой скорости – встречное восточно-австралийское течение, которое отклоняло судно от курса. «Сита» стояла в порту 7 часов. Во время постоя пополнялись запасы: взято на борт: 3000 литров свежей воды, поданной насосом в главный резервуар, ящик помидоров, 10 вилков капусты, 50 килограммов картофеля, 20 килограммов бататов, ящик яблок и 20 килограммов свежей говядины. В 4.15 пополудни отдали швартовы и покинули порт. Вахтенный офицер
>
> *– Томаш Вильмовский".*

Из дальнейших записей можно было убедиться, что «Сита» около двенадцати часов назад оставила за собой мыс Санди-Кейп на северной оконечности островов Фрейзера расположенный на расстоянии ста семидесяти миль от Брисбена. Капитан Новицкий сделал нужные расчеты и определил положение яхты на карте. Оказалось, что яхта прошла уже три четверти пути, то есть триста двадцать пять морских миль от Брисбена до Рокгемптона на реке Фицрой. Это был последний порт на Австралийском материке, в котором должна была задержаться «Сита». По расчетам капитана Новицкого «Сита» придет в Рокгемптон утром следующего дня.

На рассвете почти весь экипаж «Ситы» поднялся на палубу яхты, чтобы в блеске безоблачного дня полюбоваться южной оконечностью Великого Кораллового Рифа или Барьера, как его называют. С тех пор как в 1770 году англичанин Джемс Кук[40] прошел через рифы Великого Кораллового Барьера и очутился на внутренних водах материка, барьер этот считался одним из чудес мира. Как раз «Сита» проходила по естественному широкому каналу, левый берег которого был Австралийским материком, а правый состоял из множества островов, разбросанных по Коралловому морю.

Салли Аллан впервые довелось увидеть грозные коралловые рифы Великого Барьера, возбуждающие такой страх у всех моряков. Поэтому она, сгорая от любопытства, подбежала к Томеку, стоявшему у правого фальшборта.

– Томми, как называются эти живописные острова? – спросила она, придерживая за ухо Динго ласкавшегося у ее ног. – Далеко ли еще до рифов?

– Это так называемая группа Козерога, по латыни Каприкорн, а мы идем по проливу Каприкорн, моя красавица, – весело ответил Томек, подражая голосу капитана Новицкого. – Ты спрашиваешь далеко ли до рифов? Вот они, присмотрись-ка хорошенько, только не высовывайся слишком далеко за борт, а то еще свалишься в воду.

– Ну и что же, – ответила Салли, пожимая плечами. – Я хорошо плаваю, и кроме того, такой знаменитый путешественник и рыцарь как ты, наверняка спас бы меня!

– Конечно, только вряд ли было бы что спасать... Ты же знаешь, что здешние воды кишат акулами! А ты для них – лакомый кусочек!

– Ты в самом деле считаешь меня лакомым кусочком? – кокетливо спросила Салли, лукаво посматривая на Томека.

– Гм, если я так сказал... – буркнул Томек смутившись и отвернулся.

– Ты сильный, Томек! С тобой и Динго, я ничего не боюсь, но,

пожалуйста, не смейся надо мной. По-твоему это риф?! Хотя мне и не приходилось бывать в этих краях, я все же могу отличить живописный островок от опасного барьера, созданного Великим Коралловым Рифом!

– Я вовсе не насмехаюсь, – возразил Томек. – Группа островов Каприкорн – это самая южная оконечность Великого Барьера, который вопреки распространенному мнению вовсе не является сплошной преградой. Значительная его часть состоит из множества мелких рифов, островков и островов и только лишь на севере, на протяжении шестисот миль, рифы стоят сплошной стеной. Впрочем, вскоре ты в этом сама убедишься.

– Честное слово я думала, что ты подшучиваешь надо мной! – недоверчиво ответила Салли.

– Спроси кого хочешь, если не веришь мне. По дороге из Сибири в Австралию мы все видели Великий Коралловый Барьер, а папа много нам о нем рассказал.

– Значит меня ввело в заблуждение название «барьер»!

– Дело в том, Салли, что название Великий Коралловый Барьер относится к роду рифов, из которых он состоит. Ты, пожалуй, помнишь из уроков географии, что различают три рода рифов: береговые, то есть прилегающие непосредственно к берегу, барьерные, или находящиеся на некотором расстоянии от береговой линии и отделяемые от нее лагунами и, наконец, атоллы имеющие форму кольца с лагуной внутри. Великий Коралловый Риф относится к роду барьерных рифов.

– Да, да, я теперь вспомнила! Кроме того, рифы бывают подводными и надводными, – воскликнула Салли.

Беседу молодых людей прервала зычная команда капитана Новицкого:

– Эй, вы, там, голубки! Довольно ворковать! Все наверх! Грот и бизань – на гитовы[41]!

С капитанского мостика то и дело раздавались краткие команды. Весь экипаж, за исключением рулевого и матроса, измерявшего лотом глубину воды работал на мачтах и реях. Матросы крепили паруса к гикам[42] гафелям и реям, привязывая их тонким тросом и тщательно выравнивая фалды.

«Сита» шла теперь только лишь на фок-стапселе[43] и скорость хода значительно уменьшилась. По приказу капитана Новицкого Смуга и Томек, стоя на носу судна несли обязанности впередсмотрящих; они выискивали глазами подводные рифы по курсу корабля. Вскоре судно пришвартовалось к пристани в Рокгемптоне, небольшом порту, удобном для малых судов.

Рокгемптон, городок с несколькими десятками тысяч жителей был в Австралии центром фермерско-молочного производства,

поэтому капитан «Ситы» распорядился запастись здесь молочными продуктами, в особенности сырами, без которых не представлял себе хорошего завтрака. Стоянка в Рокгемптоне была короткой. Как только экипаж «Ситы» взял на борт продовольствие и пополнил запас пресной воды, «Сита» отдала концы и направилась на восток к островам пролива Каприкорн. Капитан Новицкий намеревался остановиться на ночь у одного из островов, чтобы избегнуть опасного плавания в темноте среди коралловых рифов.

Курс, назначенный капитаном Новицким был полностью одобрен его друзьями, мнением которых, как известно, капитан очень дорожил. После ночной стоянки у островов Каприкорн курс корабля вел к восточному краю островных рифов, группа которых носит название Суэйн-рифы[44]. Отсюда, выйдя на просторы открытого Кораллового моря, корабль должен был повернуть на север вдоль наружной стены Великого Кораллового Барьера, идя на некотором расстоянии от него. Барьер этот, начиная от тропика Козерога до Новой Гвинеи, словно стена защищал восточное побережье Квинсленда.

На первом участке пути капитан Новицкий соблюдал сугубую осторожность, так как корабль шел здесь по внутренним водам Великого Кораллового Барьера. По курсу корабля здесь находилась южная оконечность рифа, лежащая на расстоянии почти ста миль от берегов Австралии. Только дальше к северу, на траверсе города Боуэн, Большой Коралловый Барьер несколько приближался к материку и в районе мыса Мелвилл подходил к нему почти вплотную, так как расстояние от барьера до берега материка не превышает здесь семи миль. В северной части Большого Кораллового Барьера почти полностью исчезают проходы между рифами, довольно частые на юге, а к северу от мыса Мелвилл, Большой Коралловый Риф встает сплошной, непроходимой стеной, отделяя берега Австралии от открытого моря. Капитан Новицкий не хотел рисковать судном и стремился как можно скорее уйти от опасных рифов, поэтому назначил Рокгемптон последним портом на берегах Австралийского материка на пути в Новую Гвинею, где намеревался остановиться в Порт-Морсби.

Яхта на одном только фок-стапселе медленно приближалась к рифам в проливе Каприкорн. Почти весь экипаж находился наверху. Два человека на носу яхты напряженно высматривали подводные рифы, немедленно сообщая о них капитану, остальные – восхищенно глядели на живописный пейзаж страны коралловых полипов[45].

Необыкновенные по красоте виды открылись перед

путешественниками при плавании по протоке между Большим Коралловым Барьером и материком, с гористыми в этом месте берегами. Прямо из глубины моря вырастали островки высотой в несколько десятков метров, окруженные кольцом прибрежных рифов. Склоны их и вершины покрыты тропической растительностью, наполнены суетой и голосами тысяч разнообразных птиц. В изумрудных волнах моря, между живописными островками, дремлют длинные или круглые по очертаниям, таинственные тени, которые на близком расстоянии превращаются в обманчивые отмели из камней, отливающих всеми оттенками голубого, опалового и зеленого цветов. Это не что иное, как подводные коралловые рифы. Некоторые из них, показывающиеся из воды во время отлива по форме напоминают извилины головного мозга[46], а другие, пористые, отличаются отверстиями в стенках, ведущими к разветвленным канальчикам, устланным живыми полипами самых фантастических расцветок. Среди великолепных по красоте коралловых подводных рифов, носились в воде стаи столь же красочных рыб, плавали медузы, морские ежи, моллюски и другие животные южных морей. Чудесный подводный мир напоминал сказочные леса или мифические райские сады.

Незабываемые по красоте виды, по-разному воспринимались членами экипажа «Ситы». Молодежь восхищалась таинственной красотой подводного мира, ученые – Вильмовский и Бентли – изумлялись богатству и разнообразию жизни в южных морях, а капитан Новицкий мрачно вперял взгляд в опасные для моряков подводные рифы.

– Прямо-таки трудно поверить, что ничтожные по размерам коралловые полипы способны образовать столь мощные скалы, – говорила Салли, заглядывая через борт судна.

– Дело в том, моя милая, что хотя коралловые полипы, животные скромные, они сыграли громадную роль в истории геологии, – заметил Бентли. – Остатки их скелетов находятся в виде окаменелостей в' отложениях почти всех геологических эпох. Еще около четырехсот миллионов лет назад коралловые полипы образовали крупные рифы на дне тогдашних морей. Эти древние рифы теперь обнаружены во многих местах восточной Австралии и Тасмании, убедительно свидетельствуя о том, что некогда там были древние моря.

– Это и в самом деле удивительно, в особенности если сравнить малый размер животных с образованными ими прочными и мощными отложениями, – сказала Наташа.

– Если уж быть абсолютно точным, то надо сказать, что коралловые рифы образуются также благодаря мшанкам и

известняковым водорослям, – уточнил Вильмовский.

– Кончайте-ка ваши восторги, дорогие друзья! Неужели вы забыли сколько превосходных судов пошло на дно из-за этих дьявольских рифов? – возмутился капитан Новицкий. – Своей болтовней вы готовы накликать на нас беду!

После слов суеверного капитана, громкая беседа сразу же притихла. Выражение лица капитана не сулило экипажу ничего хорошего. Ведь капитан, чтобы прервать лишние, по его мнению восторги, способен заставить членов экипажа еще раз швабрить палубу. Один только Динго не обращал внимания на плохое настроение капитана. Опершись передними лапами о планшир фальшборта, он внимательно следил за полетом птиц над живописными островками.

* * *

Погруженный в глубокий сон, Томек повернулся на койке, переменив положение тела. Чуткий Динго сразу же подхватился со своего места. Он тихо заскулил, но это не разбудило хозяина, и Динго коснулся его лица шершавым, влажным языком. Томек улыбнулся сквозь сон. Ему как раз снилось, что Салли, в благодарность за подаренное великолепное перо райской птицы, поцеловала его в щеку. Потеряв терпение, Динго крепче лизнул хозяина. Молодой человек проснулся, открыл глаза и увидел рядом морду своего любимца.

«Ах, это ты!..» – разочарованно буркнул Томек, и окончательно пришел в себя, убедившись, что в каюте совсем светло.

«В чем дело?» – удивленно подумал Томек. – «Мы должны были сняться с якоря на рассвете, а на судне до сих пор тихо и не чувствуется движения?»

Томек выглянул в иллюминатор. Увидев светлую голубизну неба, встревожился еще больше. Почему «Сита» до сих пор у причала? Капитан Новицкий отличался пунктуальностью и-на яхте строго придерживался раз заведенного порядка. Томек бросил взгляд на койку Джемса Бальмора, своего сожителя по каюте. Его койка была застлана так, будто он и не ложился вовсе. Томек вспомнил, что Джемс с двенадцати ночи до четырех утра должен был стоять на вахте. По-видимому, Джемс заснул и не разбудил смену.

«Не хотел бы я быть в его шкуре», – буркнул Томек и одним прыжком вскочил с койки.

Быстро одевшись, Томек в сопровождении Динго выбежал в

коридор. Минуту спустя очутился на палубе. Осмотрелся вокруг и необъяснимая тревога охватила его. Услышал тихий лай своего друга, Динго. Собака стояла у левого борта, рядом с лежавшей там одеждой. Томек подбежал к Динго и сразу же узнал зеленую курточку Джемса. Насупил брови. Томек не любил хладнокровного и немного спесивого англичанина.

Тихо скуля, Динго внезапно оперся передними лапами о поручни фальшборта, словно пытался заглянуть за борт.

«Видимо, Джемс хотел искупаться и полез в воду...» – подумал Томек. С тревогой в сердце он выглянул наружу. На расстоянии каких-нибудь двухсот метров от яхты, зеленели берега небольшого кораллового островка. Там, на песчаном пляже у самого обреза воды Джемс Бальмор занимался утренней зарядкой.

В первое мгновение Томек хотел было направиться в каюту капитана. Кроме Новицкого, там ночевали Смуга и старший Вильмовский. Достаточно было их разбудить, чтобы Джемс получил от них изрядную головомойку за самовольную отлучку. Однако прежде чем он дошел до двери каюты им овладело чувство стыда. Несмотря на неприязнь, которую чувствовал Томек по отношению к Бальмору, он не хотел быть ябедником. Вернулся обратно к борту судна. Стал давать Джемсу знаки. Вскоре англичанин заметил его усилия. Махнул в ответ рукой и прыгнул в воду, намереваясь вплавь добраться до яхты.

В этот момент за спиной Томека послышался сердитый голос капитана Новицкого:

– Сто дохлых китов в зубы! Почему вахтенный не просигналил подъем?! Мы уже полчаса назад должны были сняться с якоря! Вахтенный, ко мне!

Прежде чем Томек успел что-нибудь сказать, на палубе появился Смуга.

– Где Бальмор? – спросил он. – Бальмор держал ночную вахту!

– Знаю! Сейчас я ему покажу, кузькину мать, – с гневом ответил капитан. – Алло, а чья это одежда? Кого там за бортом высматривает Динго?!

– Не сердитесь, капитан, – примирительно сказал Томек. – Джемс Бальмор уже плывет к яхте... Если бы вы не проснулись так рано...

Тем временем Динго упорно пытался взобраться на фальшборт и тихо скулил.

– Что? Купаться ему захотелось во время вахты?! Честное слово, посажу его в карцер на хлеб и воду, – пенился капитан.

– Тихо, вы оба! Смотрите! – вдруг воскликнул Смуга, изменившимся от волнения голосом.

Перегнувшись через борт, он вглядывался в спокойную глубину моря. Лицо у Смуги побледнело. Заинтересованные возгласом Смуги, капитан Новицкий и Томек подбежали к нему. Смуга молча протянул руку вперед. Друзья посмотрели по направлению его руки и замерли от ужаса. На некотором расстоянии от яхты, на небольшой глубине, медленно двигалась серовато-голубая, грозная тень похожая сверху на вытянутое веретено. Форма головы, приплюснутая и выдвинутая вперед словно длинный клюв, треугольные плавники на спине, из которых передний был больше заднего и крупные, широкие серповидные грудные плавники, позволяли сразу же определить опасную, хищную акулу[47].

Капитан Новицкий первый подумал о необходимости помочь беззаботно плывшему Джемсу Бальмору. Не говоря ни слова, капитан бросился в каюту и вернулся оттуда с заряженной винтовкой.

Увидев в руках капитана оружие, Смуга побледнел еще сильнее и тихо сказал:

– Ты с ума сошел?! Не стреляй, если хочешь сохранить парню жизнь! Он не должен знать, что ему грозит опасность!

– Надо предупредить Джемса, он еще не заметил акулы! – взволнованно возразил Томек.

– Молчите и ведите себя спокойно, будто ничего не случилось, – настойчиво потребовал Смуга. – Спасти жизнь в таком положении может только человек, который не сознает грозящей ему опасности. Если Джемс увидит акулу, то испугается и начнет плыть изо всех сил. Станет производить резкие движения, которые, как мне приходилось слышать, только способны привлечь внимание акулы.

– Так что же, будем смотреть на трагедию пассивно?! – с дрожью в голосе спросил Томек.

– В данном случае с одного выстрела акулу не убьешь. А раненая акула будет еще опаснее, чем теперь. Если она не голодна – не нападет. Здесь много рыбы…

– Если бы у Бальмора был нож, он мог бы защищаться, – понуро сказал капитан Новицкий.

– Никто не сможет подплыть к акуле так близко, чтобы левой рукой схватить за нижний грудной плавник, а правой разрезать ей брюхо. Да и самое лучшее лезвие ножа не пробьет твердой шкуры акулы, – ответил Смуга.

Они умолкли, а тем временем Бальмор, совершенно не подозревая о грозящей ему опасности, спокойными взмахами рук рассекал воду и постепенно приближался к судну. До борта яхты оставалось не больше сорока метров. Акула двигалась вслед за юношей. Она делала широкие круги, постепенно уменьшая расстояние отделявшее ее от легкомысленного пловца.

– Смотрите, смотрите! Вон налево! Вторая акула… – в ужасе прошептал Томек.

– Вижу… – тихо сказал Смуга.

– Теперь Джемсу не уйти… – мрачно буркнул капитан. На лицах друзей, в бессилии стоявших у борта судна показались капли пота. В отчаянии они следили за поведением пловца и за движениями его загорелых рук. Две морские бестии приближались к нему.

Пораженному ужасом Томеку показалось, что прошла целая вечность, пока Джемс Бальмор схватился за нижнюю перекладину веревочного трапа, свисавшего с левого борта яхты. Но вот он уже показался из воды и быстро стал взбираться вверх. Только теперь Джемс смог взглянуть на лица, поджидавших его на палубе друзей. Он чрезвычайно удивился их необыкновенному виду. Динго, оскалив зубы зловеще ворчал, поглядывая вниз через фальшборт. Бальмор машинально тоже взглянул вниз. У трапа в воде виднелись два мощных тела хищных акул-людоедов. Джемс замер будто пораженный молнией. Он сразу понял в чем дело. Побледнел, как полотно, зашатался на ступеньках трапа и вдруг обессиленно опустил голову на грудь. Чуть не потерял равновесие… К счастью, Смуга быстро подхватил его под мышки. Томек тоже поспешил на помощь. Общими силами они вытянули Бальмора на палубу.

Подобно большинству моряков, капитан Новицкий ненавидел акул. Поэтому, как только Бальмор очутился на палубе, капитан молниеносно подхватил винтовку и выстрелил вниз. Звук выстрела сухо раздался в утренней тишине. Одна из медленно плывших акул резко свилась, как пружина и сильно ударила хвостом в обшивку судна. Новицкий выстрелил еще раз.

Серовато-стальные бестии скрылись в морской глубине.

Выстрел всполошил остальных членов экипажа и они выбежали на палубу. Конечно, прежде всего пришлось заняться, потерявшим сознание Бальмором, который не давал признаков жизни. Только после того, как Наташа подсунула ему под нос бутылочку с нашатырным спиртом, Джемс глубоко вздохнул и открыл глаза. Испуг, бивший из его глаз несколько остудил гнев капитана, который забыл о карцере и только резко сказал:

– Послушай-ка, молодой человек! По своей глупости ты чуть-чуть не попал на завтрак чертовым акулам. Если на этом судне ты еще раз сделаешь что-нибудь без моего приказания, я высажу тебя на берег и мы с тобой распрощаемся навсегда.

– Не было запрещения купаться, а об акулах я забыл, – смущенно оправдывался Джемс.

– Поблагодари Смугу, это он спас тебя от верной смерти, – сказал Томек. – Мы хотели предупредить тебя об акулах, когда ты плыл. Если бы мы это сделали, ты погиб бы. Ну и нагнал ты нам страху!

– Всех акул надо истребить, – заметил Збышек, который все еще оставался под впечатлением неприятного приключения Джемса.

– Это слишком поспешный вывод и непродуманное предложение, – ответил Бентли. – Достойна наказания только легкомысленность Джемса Бальмора. Вопреки общему мнению, не все виды акул опасны для человека. Крупнейшие из них, например гигантская акула и подстать ей – сельдевая – питаются только планктоном и мелкой рыбой. Кроме того, с некоторой точки зрения акулы полезны, так как пожирают падаль и тем очищают моря[48].

– Правильное замечание. Особенно надо опасаться тигровой акулы и небольшой по размерам барракуды, – добавил Вильмовский. – Нынешний случай с Джемсом свидетельствует о том, что даже акула-людоед не всегда нападает на человека.

VI
Пираты Южных морей

Джемс Бальмор был удручен выговором, полученным от капитана. Правда, все избегали разговоров с ним на эту тему, но, несмотря на это Джемс стыдился своего легкомыслия и старался не вмешиваться в разговоры. Он тщательно выполнял все приказания, усердствовал на палубных работах, но в свободное время уединялся в каком-нибудь уголке и хмурым взглядом следил за Томеком. Конечно, он не мог винить Томека ни в чем. Ведь Томек повел себя по-товарищески и даже получил за это нагоняй от капитана Новицкого. Но этот нагоняй еще больше подчеркнул благородство Томека, которому Бальмор втайне давно завидовал.

«Томек, вероятно, не упал бы в обморок, увидев акулу-людоеда» – с горечью думал Джемс.

А ведь он так хотел понравиться Салли! Разве она теперь не может посчитать его трусом? Повесив нос, Джемс не обращал внимания на виды простиравшиеся с палубы яхты. Он не слышал восторгов остальных членов экипажа.

Между наружной стеной рифов, к которой подходила яхта и зоной коралловых островков, в глубине моря, часто можно было видеть покрытое песком дно, усеянное живыми разноцветными кораллами. Около полудня на горизонте показалась группа островов Суэйн-риф, тянувшаяся по курсу яхты на расстоянии свыше 50 миль. Между островками вился истый лабиринт проток. Географические условия весьма своеобразно отразились на пейзаже островов. С наветренной стороны их берега покрыты чистым песком, с подветренной – густыми мангровыми лесами, сквозь которые не может пробиться даже довольно сильный морской бриз. Поэтому в воздухе чувствовались запахи болотных испарений и гниющей растительности. Фауна тоже соответствовала особенностям болотистой местности. В глубокой воде плавали рыбы, а по дну, среди подвижных моллюсков и ползающих крабов, копошились стаи различного вида мелких червей и других безногих существ.

Капитан Новицкий опасался риска связанного с плаванием в коварном лабиринте протоков между островками. «Сита» шла, обходя острова широкой дугой с юга на север, направляясь в открытое море и оставляя группу Суэйн-рифов с левой стороны. Вверху над судном носились неисчислимые стаи различных птиц.

Молодежь не спешила уходить в каюты. Томек внимательно

изучал взглядом низкие песчаные берега островов. В поле зрения бинокля ему несколько раз попадались борозды прорытые в песке, тянувшиеся прямо из моря к дюнам, поросшим кустарником. Была пора кладки яиц черепахами. Поэтому, по мнению Томека, борозды в песке проложены самками зеленой черепахи[49], ежегодно выходившими на сушу, чтобы отложить яйца. Зеленые черепахи принадлежали к морскому виду этих земноводных и по строению тела значительно отличались от своих родственников речных и болотных черепах. Передние лапы зеленых черепах почти ничем не отличаются от рыбных плавников, пальцы задних лап – перепончатые. Ничего удивительного, что черепахи чувствуют себя лучше в воде, чем на суше и только самки в определенное время выходят на сушу, чтобы закопать в песок яйца.

К вечеру яхта обошла южный и восточный край Суэйн-рифов. Капитан Новицкий изменил курс на северо-восточный и облегченно вздохнул. Минуту назад он вернулся с кормы корабля, где измерил лагом скорость хода корабля[50]. Скорость «Ситы» составляла примерно восемь узлов. Яхта оказалась в зоне благоприятного, северо-западного течения. Таким образом, при попутном ветре яхта уже через шесть суток должна бросить якорь в бухте Порт-Морсби.

К северу от Суэйн-рифов, вдоль всего материка тянулась главная, внешняя часть Большого Барьерного Рифа, стоявшего на краю выдвинутого в море шельфа, который в этом месте круто падал вниз в глубину океана.

Чем дальше к северу уходила «Сита», тем реже встречались на ее пути проходы, по которым суда могли бы подойти к материку. В этом месте Большой Коралловый Барьер оставлял впечатление сплошной стены, построенной между открытым морем и тропической лагуной. На внутренних водах этого естественного, коварного канала в изобилии встречались неисчислимые подводные и наводные рифы и островки, кишевшие различными животными и рыбами. С наружной стороны Коралловый Барьер погружен в воду, показывается из нее только во время отлива и почти полностью лишен жизни. На протяжении многих миль, в волнах стоит гладкая, твердая, блестящая стена. Мощные морские валы перекатываются через нее во время прилива, растут и усиливаются до невиданных размеров во время тропических бурь, и тараном бьют в гладко отполированную стену Барьера, но тот стоит неприступно, чрезвычайно медленно поддаваясь силам водной эрозии. Здесь идет неустанная борьба между постоянно растущей коралловой стеной и мощными разрушительными силами природы.

Томек и его друзья проводили на палубе яхты все свободное время. Уникальное на Земном шаре создание мельчайших полипов – Великий Коралловый Барьер, магнитом притягивал их внимание.

Бентли не скупился на пояснения. По его мнению удары морских волн не так угрожали кораллам, как губительные для их жизни потоки пресной воды, сопутствующие тропическим ливням во время циклонов. Пресная вода, устремляясь с берегов материка по бесчисленным рекам и ручьям, попадает в канал между материком и Коралловым Барьером, от чего коралловые полипы погибают. Бентли утверждал также, что малодоступная наружная часть Барьера чрезвычайно интересна. Правда, наружная сторона, показывающаяся из воды во время отливов совершенно бесплодна и лишена признаков жизни на ней, но часть круто спускающаяся вниз, на глубине нескольких метров от уровня океана кишит неисчислимым множеством морских созданий. Однако об их жизни почти ничего не известно, так как доступ к рифам со стороны открытого моря чрезвычайно труден и опасен, даже в самую тихую погоду.

Тем временем «Сита» бойко шла на север. Уже давно остался позади проход, известный под названием прохода Флиндерса, по которому можно пройти к городу Боуэн; дальше к северу яхта миновала проход Магнетик-пассаж, потом – проходы Графтон, Крузер, Ларк и вблизи небольшой группы островов Оспри-риф, стала наконец отходить от коварного Барьера.

С этого момента Томек большую часть дня стал проводить в навигационной рубке, чтобы вести корабельный журнал, и записывать туда все события, случившиеся во время плавания. Кроме результатов навигационных наблюдений и расчетов, а также распоряжений и приказаний по кораблю, в журнале отмечались все встреченные на пути суда, пройденные острова, мысы, маяки, приметные точки на побережье, причем Томек, будучи прекрасным географом, давал в журнале интересные сведения по географии пройденных мест. Капитан Новицкий с интересом читал поучительные замечания своего любимца, а поскольку сам не любил марать бумагу, приказал Томеку вести журнал, даже во время своей вахты. Томек не жаловался на дополнительную работу; часто он разнообразил монотонную вахту, определяя положение яхты на карте морских корабельных путей, которая со стороны походила на негатив географической карты с морями, усеянными таинственными знаками и материками, представленными в виде белых пятен.

Как раз кончалась вахта Томека. Он уже определил положение судна, нанес его на карту и сделал соответствующую

запись в журнале. За истекший час скорость яхты значительно снизилась. Несмотря на это, Томек отправился на капитанский мостик в прекрасном настроении. До Порт-Морсби оставалось не больше полутора суток пути. Оттуда должно было начаться сухопутное путешествие в глубину таинственного острова.

Томек остановился у борта. «Сита» медленно шла по глади открытого моря. Большие паруса висели на реях почти неподвижно. Ничего странного в этом не было. В тропиках бывают полосы затишья, где воздушные течения почти неощутимы. Жара усиливалась.

«Хорошо бы немного дождя для прохлады» – подумал Томек. С удовольствием отметил, что небо на северо-восточном горизонте как бы несколько потемнело. Томек знал, что в зоне затишья в вечерние или предвечерние часы почти ежедневно проходят дожди.

В это время на палубе показался Збышек Карский. По трапу он поднялся на капитанский мостик. Остановился рядом с Томеком.

– Твой отец прав, утверждая, что путешествия многому учат, – сказал он, обмахиваясь носовым платком, как веером. – Во время уроков географии я не раз задумывался почему самый большой океан Земного шара назван Тихим. Мне казалось, что огромные водные пространства чрезвычайно опасны. Мне ведь приходилось столько читать о грозных тайфунах и циклонах[51]. А на самом деле действительность развеяла опасения. Огромный Тихий океан и в самом деле ведет себя тихо и совсем не страшен.

Томек улыбнулся и весело ответил:

– Только не говори так при капитане Новицком! Ты помнишь, как он возмущался нашими восторгами по поводу красоты коралловых рифов? Я, конечно, не так суеверен, как он, но в море не чувствую себя уверенно. Эти воды назвал Тихим океаном Фердинанд Магеллан[52], который за три месяца своего путешествия через весь океан ни разу не переживал бури. В зоне пассатов такие периоды затишья бывают часто. Но мне уже приходилось переживать циклон в открытом море.

– Ты мне никогда об этом не говорил! Когда это было? – с любопытством спросил Збышек.

– Это было мое первое боевое крещение во время путешествия в Австралию. Я тогда здорово перепугался.

– Разве циклон возник неожиданно и захватил вас врасплох?

– События происходили довольно быстро, – ответил Томек. – Сначала на горизонте появилась небольшая, черная как смола, тучка. В воздухе царила необыкновенная тишина. Только короткая волна стала будоражить поверхность моря. Вскоре небо

покрылось темными тучами. Упали первые капли дождя, потом начался ужасный ливень. Ветер подул со страшной силой. Корабль, взлетая на водяные горы и падая вниз в морскую пучину, трещал по всем швам, словно вот-вот готов был развалиться.

– Томек, посмотри-ка на горизонт! – вдруг перебил его встревоженный Збышек. – Небо почернело совсем так, как ты рассказывал только что!

Томек стал пристально всматриваться в небо на северо-востоке. Темноватая полоска на горизонте, на которую он уже обратил внимание раньше, теперь сильно почернела. Томек насупил брови и побежал в навигационную рубку. Вскоре он снова показался на палубе.

– Беги, зови капитана! Давление резко упало! – воскликнул он.

Не прошло и двух минут, как на капитанский мостик поднялся Новицкий. Видимо, его внезапно разбудили от послеобеденного сна, потому что он на ходу застегивал пуговицы кителя.

– Барометр падает, капитан, – докладывал взволнованный Томек. – Посмотрите, пожалуйста, на норд-ост!

Новицкий посмотрел на небо, потом отправился в навигационную рубку. Томек шел за ним следом. Старый морской волк взглянул на барометр и сразу же склонился над картой.

– Это что? Приближается циклон, да? – тревожно спросил Томек.

– Как пить дать. Можешь быть уверен, – ответил капитан. – Кто сейчас у руля?

– Джемс Бальмор...

– Пусть его сменит Рамасан, – приказал Новицкий. – Командуй всех наверх! Надо сменить паруса. Прежде чем циклон дунет на нас, на мачтах должны быть штормовые паруса[53], понятно?! Я тем временем посмотрю в бинокль. Здесь где-то неподалеку находятся коралловые острова. Хорошо бы спрятаться в какой-нибудь тихой лагуне.

Томек выбежал из рубки. В предвечерней тишине раздались острые звуки свистка. Весь экипаж немедленно выбежал наверх. Новицкий довольно улыбнулся, услышав первые команды Томека.

«Молодец паренек!» – подумал капитан. – «Придет время – назначу его своим заместителем...»

Вооружившись огромным морским биноклем, капитан вышел на мостик. Он долго изучал горизонт; потом нагнулся к отверстию рупора, намереваясь предупредить рулевого об ожидающих судно маневрах и заодно проверить его готовность.

– Алло, у руля! – крикнул он в рупор.

– Есть, сагиб капитан, рулевой слушает[54], – был ответ.

Довольный ответом, Новицкий улыбнулся, он знал Рамасана как образцового матроса. На него можно положиться во всем.

– Быть наготове! – приказал капитан. – Три оборота влево!

– Есть, быть наготове, сагиб капитан! Три оборота влево, – как эхо ответил Рамасан.

Новицкий опять приложил бинокль к глазам. На палубе все еще слышались пронзительные свистки команд. Экипаж работал напряженно, потому что порывы ветра уже вздымали безмятежную прежде гладь океана.

Не прошло и часа, как главные штормовые паруса захлопали на мачтах. Капитан ежеминутно давал команды по акустическому телефону. Управляемая опытной рукой яхта, смело разрезала короткие, словно сердитые волны.

Офицеры, включая Бентли, поднялись на капитанский мостик. Приложив бинокль к глазам, Новицкий пытался что-то высмотреть на западной стороне.

– Томек говорил, что ты намерен переждать циклон в укромной лагуне, – сказал Смуга. – Что-нибудь уже видно на горизонте?

В этом районе, судя по карте, должны быть коралловые острова, где в случае нужды можно спрятаться и переждать бурю, – ответил Новицкий.

– Пока что я ничего не заметил, – вмешался Томек.

– Не печалься, браток, волна сейчас высокая и трудно с расстояния заметить островок, только чуть-чуть возвышающийся над водой, – утешил Томека капитан. – Как только его, наконец, заметим, свернем паруса за несколько минут.

Воцарилось довольно долгое молчание. Черные тучи на западе огромным полукругом покрывали небо. Порывистый ветер – авангард циклона – ударял в паруса «Ситы», все время ускоряя ее ход.

– Не лучше ли совсем свернуть паруса? – наивно спросил смущенный Бентли. – Ведь циклон может нас догнать прежде, чем найдем какую-либо пристань, и тогда порывы урагана могут перевернуть яхту вверх килем.

– Без парусов яхта потеряет управление и мы, как пить дать, разобьемся вдребезги на первом рифе. Разве вы не видите, что циклон несется с востока на запад, то есть прямо на Великий Коралловый Барьер? Сразу видно, что вы не очень сведущий человек в морских делах! – ответил Новицкий.

– Капитан, капитан, посмотрите! Какой-то корабль на курсе! – воскликнул Томек.

– Корабль, говоришь? – ответил Новицкий. – А ну-ка, взгляни на него в бинокль!

– Может быть это военная эскадра бросила якоря в лагуне? – быстро говорил Томек. – Вижу целый лес мачт...

Он умолк, приложив бинокль к глазам, потому что вскоре маячившие в поле зрения мачты превратились в великолепный тропический лес, выраставший, казалось, прямо из океана.

– Остров! – обрадованно воскликнул Томек.

– Атолл, браток, атолл и лагуна, где мы сможем спокойно переждать бурю, – добавил Новицкий. – Я давно уже невооруженным глазом заметил на горизонте этот спасательный круг за бортом!

Капитан очень удачно сравнил коралловый остров со спасательным крутом. Коралловые острова, как правило, возникают там, где вершина подводного вулкана не достигла поверхности океана во время извержения. На вершине погасшего вулкана селились мириады мелких морских животных с известковым скелетом, то есть красные водоросли и глубинные коралловые полипы. Они отмирали, но на их скелетах селились новые поколения. Таким образом, вокруг кратера погасшего вулкана постепенно нарастал круг белой известковой скалы. Когда подводное сооружение приближалось к поверхности океана, водоросли продолжали занимать наружный, подводный край скалы, а на месте глубинных кораллов стали появляться настоящие рифообразующие коралловые полипы, живущие сплошными колониями на совместном основании. Как известно, их существование обусловлено непосредственной связью с водами открытого океана, очень солеными и находящимися в непрерывном движении. Поэтому из глубин океана появлялось только кольцо известняковых пород, обрамляющее кратер бывшего вулкана. В океане образуется кольцеобразный островок со стоячим озером в центре. Позже волны и ветер наносят на берега нового острова семена различных растений; белое кольцо атолла становится зеленым. Со временем на нем появляется веер из стройных и гибких кокосовых пальм.

Однако в этот опасный момент никто не обратил внимания на образное сравнение капитана. С мостика раздались новые команды, которые экипаж бросился немедленно исполнять. Вильмовский сидя в корзине на носу яхты, измерял лотом[55] глубину океана, остальные сворачивали паруса или дежурили у кабестана[56], готовясь бросить якорь, как только яхта окажется на водах лагуны. Капитан Новицкий искусно направлял судно прямо в проход видневшийся в конце атолла. Ширина прохода была вполне достаточна для «Ситы». Несмотря на это, из-за сильного

волнения и прибоя яхту ожидал очень опасный маневр. Поэтому все члены экипажа старались молниеносно выполнять все команды, и напряженно следили за приближающимся берегом.

Издали представлялось, что атолл весь покрыт буйной тропической зеленью, но вблизи оказалось совсем не так. Вся растительность острова состояла из кокосовых пальм и редкого кустарника. Человеческого жилья нигде не было видно.

«Сита» благополучно проскочила через проход в кольце атолла. Якорь, брошенный моментально, осадил ее на месте. Качка прекратилась почти совсем, так как пальмы прикрывали лагуну от порывов ветра, а узкая полоса суши защищала ее от волн.

Только теперь капитан Новицкий получил возможность свободно вздохнуть. Черные тучи покрыли уже почти все небо. Несмотря на полуденную пору, над островком царил сумрак. Северо-восточный горизонт, казалось, приблизился, потому что черные, тяжелые тучи спустились низко, и словно соединились с поверхностью воды. Что это значит, капитан Новицкий знал превосходно. Циклон нес с собой мощный ливень, во время которого казалось целые потоки воды льются с небес. К счастью, яхта находилась уже вне опасности.

В этот момент на палубе «Ситы» послышались крики.

– Корабль, второй корабль! – кричали матросы.

Вильмовский, Смуга, Томек, а вслед за ними и остальные поспешили на капитанский мостик.

– Мы здесь не одни. На противоположной стороне лагуны стоит какое-то судно, – сказал Вильмовский.

– Двухмачтовое, – добавил Томек.

– Вероятно спряталось здесь от бури, так же, как и мы, – догадалась Салли.

Недовольный собой, капитан Новицкий поднес к глазам бинокль. Он не мог себе простить, что не заметил судна, стоявшего на якоре почти рядом. Зато теперь он внимательно изучал в бинокль соседа, осмотрел мачты, обследовал палубу.

– Странно! – сказал капитан, опуская бинокль. – На мачте нет флага, на борту никого не видно!

– Ты не смог прочесть название судна? – спросил Смуга.

– Нет, на носу надписи нет, – ответил Новицкий.

– Может быть, на этом судне что-нибудь случилось? – вмешался Збышек Карский. – Я читал о судне, экипаж которого погиб от заразы из-за отсутствия помощи.

– Сказки, молодой человек, ведь в таком случае они бы подняли желтый флаг, – в сомнении сказал капитан Новицкий.

– А может быть, это судно оставлено своим экипажем? –

высказала предположение Наташа.

– Без экипажа корабль сам в лагуну бы не вошел и не стал бы на якорь, – заметил Смуга. – Кроме того, кто бы отважился поселиться на необитаемом, бесплодном островке?

– Ваша правда, сто дохлых китов черту в зубы! – выругался капитан. – Где корабль, там должны быть и люди! Томек подай сигнал ракетой! Скорее, а то того и гляди циклон начнет свой дьявольский танец!

Вскоре с палубы «Ситы» понеслась вверх белая светящаяся полоса – след траектории ракеты, выпущенной Томеком. Ракета прочертила в небе широкую дугу. Все внимательно наблюдали за судном, лишенным признаков жизни. На сигнал ракетой ответа не было.

– Что там могло произойти? Мне кажется это очень загадочным, – изумился Новицкий. – Выглядит так, будто на судне и в самом деле живого духа нет!

Несколько минут капитан в молчании смотрел на корабль, потом рассмотрел в бинокль окрестный берег.

– Дай-ка мне бинокль, капитан, – попросил Смуга.

– Черт возьми, это какое-то таинственное судно, – сказал Новицкий, вручая Смуге бинокль. – Сдается мне, что нос недавно покрашен. Не нравится мне это дело...

– Видимо, случилось что-то необычайное, – подтвердил Вильмовский. – Возможно им нужна помощь...

Солидарность моряков перед лицом грозящей кому-либо опасности сразу же призвала капитана к действию.

– Мне нужны три добровольца, – обратился Новицкий к членам экипажа. Все мужчины сразу же подняли руки, выражая охоту подчиниться всем требованиям капитана.

– Это дело касается меня как руководителя экспедиции, поэтому я отправлюсь на чужое судно, – заявил Смуга.

– Извините, пожалуйста! Это на суше вы руководитель, на «Сите» я капитан и я решаю, – возразил Новицкий.

– Прекрасно, если так, то прошу считать меня добровольцем, – ответил Смуга.

– У меня есть основания для выбора кого-нибудь другого, – решительно заявил Новицкий. – Вы, по-видимому, будете больше необходимы здесь.

Говоря это, капитан провел глазами по лицам остальных членов экипажа.

– Андрей! – сказал Новицкий после минутного молчания. – Возьми с собой Бентли и Бальмора. Постарайся проверить, что происходит на той калоше! Спустить шлюпку! Оружие взять только одному Вильмовскому!

– Ты с ума сошел! – прошипел Смуга прямо в ухо капитану. – В случае опасности эти трое ничего не сделают!

– Помолчи-ка! – потребовал Новицкий. – Вот в этом то и дело!

Вскоре шлюпка уже колыхалась на воде лагуны. Вильмовский последним вступил на ступеньки штормтрапа. Новицкий нагнулся к нему и что-то тихо сказал. Вильмовский выслушал его, кивнул согласно головой и шепнул:

– Ты правильно поступил, уж я знаю что делать!

– Скорее, вам надо успеть еще до начала бури, – громко крикнул капитан.

Бентли и Бальмор сели на весла. Вильмовский взялся за руль. Шлюпка стала отходить от яхты. Томек подошел к Смуге.

– Почему капитан был так невежлив с вами? Какая муха его укусила?

– Его право, он здесь начальник, – спокойно ответил Смуга. – Во всяком случае он доказал, что умеет логически мыслить.

– Я вас не понимаю?..

– Приготовить винтовки! – послышалась команда капитана. Добровольцы,
находившиеся на шлюпке уже не могли слышать эту команду. Они молча подходили к совершенно, казалось, безжизненному кораблю. Все быстрее работали веслами. Темнота сгущалась, в душной атмосфере чувствовалась тишина, какая бывает перед бурей. Когда они пристали к левому борту судна, Вильмовскому пришлось зажечь фонарь. Ажурная балюстрада фальшборта находилась на высоте трех метров от уровня воды. Вильмовский бросил вверх крюк с прикрепленной к нему веревкой. Крюк зацепился за борт только после второго броска. Вильмовский с

помощью товарищей взобрался на борт. Вслед за ним там очутились Бентли и Бальмор. Они привязали шлюпку к поручням и последовали за Вильмовским, который уже начал обследовать палубу судна. Вдруг Вильмовский остановился над люком, закрытым деревянной крышкой. Ему показалось, что оттуда доносятся приглушенные голоса.

– Поднимите крышку, я вам посвечу, – шепнул он друзьям.

Они с усилием подняли один конец крышки. Вильмовский сунул руку с фонарем внутрь лаза. В слабом свете фонаря видны были человеческие фигуры, сидящие на полу помещения. Их ноги были продеты в двойные, деревянные колоды и закованы в железо. Из мрачного отверстия повеяло невероятно тяжелым, спертым воздухом.

– Судно работорговцев! – тихо воскликнул Вильмовский, пораженный небывалым открытием.

Он отступил на шаг, пытаясь достать револьвер. Его товарищи, изумленные не меньше, чем он, выпустили крышку из рук. Она упала с глухим стуком.

В этот момент резко распахнулась дверь надстройки на носу судна. Добровольцы увидели группу вооруженных людей.

– Руки вверх, если вам жизнь мила! – грозно крикнул по-английски широкоплечий великан, целясь в них из револьвера.

Бентли и Бальмор подчинились приказу машинально, но Вильмовский храбро вышел несколько шагов вперед и возмущенно заявил:

– Я офицер судна, идущего под английским флагом. Если вы тронете хотя бы волос на наших головах, будете висеть на реях! Отсюда вам не уйти, наш экипаж превосходно вооружен!

Великан в капитанской фуражке медленно подходил к Вильмовскому, держа его на мушке своего револьвера. За ним следовала группа вооруженных верзил. Они шли в молчании, готовясь к внезапному прыжку.

Вильмовский не отступил перед ними. Он стоял, чуть наклонившись вперед. Незаметно взглянул на «Ситу». На топе мачты горел фонарь. Внезапным движением он выхватил из кармана револьвер и выстрелил вверх. В этот момент толпа врагов бросилась на него.

– Пираты! – что есть силы крикнул Бальмор, так что голос его разнесся по всей лагуне.

С «Ситы» грянул винтовочный залп. Над палубой пиратского судна просвистали нули. Пираты повалили почти не сопротивлявшегося Вильмовского на доски палубы. Теперь, под прикрытием фальшборта бросились к Бальмору и Бентли.

Охваченный ужасом Бальмор был убежден, что все они

погибнут. Вильмовский лежал без движения, к нему тянулись вооруженные лапы пиратов. В отчаянии, Бальмор грохнул ближайшего нападающего кулаком в подбородок, молниеносно подскочил к борту и словно олень прыгнул через него. Бальмор прекрасно плавал, поэтому выплыл только в нескольких метрах от судна работорговцев.

VII
Капитан Новицкий атакует

На «Сите» услышали сигнальный выстрел Вильмовского и крик Бальмора. По команде капитана Новицкого с «Ситы» прогремел винтовочный залп, но, конечно, так чтобы пули прошли выше палубы пиратского корабля. Капитан Новицкий не отрывал глаз от бинокля. В полумраке видимость была плохая, но несмотря на это капитан заметил момент поражения своих товарищей и прыжок Бальмора в воду. Новицкий приказал немедленно спустить шлюпку.

Томек, Смуга и два матроса уселись за весла. Новицкий, не выпуская из рук винтовки, сел за руль. Они быстро подошли к пловцу. Капитан помог Бальмору взобраться на борт шлюпки, которая потом, уже без всяких осложнений, вернулась к яхте.

Как раз в этот момент упали первые капли дождя. Порывистый ветер усилился, и вскоре превратился в настоящий ураган. Дождь перешел в ливень. Вода сплошным потоком лилась на качающуюся палубу корабля. К счастью, судно ставшее на якорь в относительно тихой, защищенной от ветра лагуне, находилось в безопасности. Беснующийся в темноте ураган, не позволял пиратам напасть на судно. Поэтому капитан Новицкий оставил на палубе только дежурных индийских матросов, а сам с остальными членами экипажа удалился в кают-компанию на совет.

Сначала Бальмор рассказал присутствующим обо всем, что произошло на пиратском судне. Все внимательно выслушали его рассказ; когда Джемс Бальмор умолк, капитан Новицкий сказал:

– Ого, мы уже вторично встречаем работорговцев во время наших экспедиций. Первый раз это было в Африке. Помнишь, Томек, нахала Кастанедо?

– Конечно, помню! Ведь вы вели с ним настоящий бой!

– Да, силен был, верзила! Жизнью заплатил за свою позорную торговлю! Но теперь положение у нас гораздо хуже. Кроме несчастных рабов, пираты держат у себя наших товарищей.

– Ведь ты предусматривал, что на судне наши могут встретиться с опасностью! – заметил Смуга.

– Ну, что и говорить! Этот корабль, якобы оставленный экипажем, сразу возбудил у меня подозрение, – признал Новицкий.

– Почему же вы поступили столь легкомысленно и послали туда моего отца, который – вы знаете это прекрасно – не признает

употребления оружия, даже против преступников, – взорвался Томек. – Вдобавок, в помощь ему вы дали Бентли и Джемса!

– Не вини капитана в легкомыслии, – возразил Смуга. – По-моему он поступил очень разумно. Не зная что происходит на судне, которое, казалось, оставлено своим экипажем, капитан послал туда людей умных, не увлекающихся применением оружия по любому поводу. Правда, посланцы попали в переплет, но зато есть кому им помочь.

– Как пить дать, это самое я и думал! – согласился капитан. – Если приключится что-нибудь плохое одному из наших, пираты ответят своими головами!

– Подумай-ка, Томек, – продолжал Смуга. – Ведь пираты могли сразу же пристрелить пленных, но не сделали этого. Они не стреляли даже в бегущего Джемса.

Томек понурил голову и сказал:

– Извините, пожалуйста... но я очень беспокоюсь об отце и Бентли. Что нам теперь делать?

– Сидеть сложа руки не будем, – утешил его капитан Новицкий. – Кто атакует первым, тот легче побеждает!

– У тебя есть уже план? – спросил Смуга.

– Какой бы я был капитан, если бы у меня не было плана! – ответил Новицкий. – Мне в Рабауле говорили, что британские корабли несут патрульную службу в Торресовом проливе. Эти торговцы рабами по всей вероятности скрылись здесь совсем не от бури! Видимо, кто-то преследовал их!

– Ты, возможно, прав. Я слышал, что в последнее время англичане вынуждены были серьезно взяться за «блекбердинг»[57]. Позорная деятельность людей наживающихся на «блекбердинге» привела к обезлюдению побережья залива Папуа и одиноких островков в океане, – сказал Смуга.

– Что такое «блекбердинг»? – спросила Наташа.

– "Блекбердинг", или охота на черных дроздов, это ни что иное, как ловля и продажа в рабство туземцев Новой Гвинеи. Это весьма выгодное дело. Еще и теперь австралийские плантаторы из Квинсленда платят высокие суммы за рабов, – ответил Смуга.

– В последнее время у нас стали осуждать это позорное явление, – сказал Станфорд, препаратор, включенный в экспедицию Бентли. – Блекбердинги или, как их еще зовут – стервятники Тихого океана, здорово наживались на торговле рабами. Теперь, пожалуй, золотые времена для них уже кончились! По закону, если их поймают с поличным им грозит виселица.

– Скажите, капитан, ведь мы не оставим несчастных туземцев в руках пиратов?! – воскликнула Салли.

– Дело трудное, – с сомнением сказал Станфорд. – Работорговцы, как правило, набирают на службу людей из самых подонков общества, авантюристов, преступников, каторжников, бежавших из ссылки на Полинезийские острова, вообще людей, стоящих вне закона. Они способны пойти на все. Без борьбы они свою добычу не отдадут!

– Ну, что ж, поживем – увидим! – ответил Новицкий, грозно насупив брови. – Я выполню свой долг!

– Что ты думаешь делать? – снова спросил Смута. – Если ты намерен ударить первым, то бушующий циклон, лучший наш союзник!

– Ты прямо-таки читаешь мои мысли! – ответил капитан Новицкий. – Я решил вывести пиратское судно из строя. Тогда они будут вынуждены принять наши условия.

– Значит ты стремишься избежать открытого боя? – с недоверием спросил Смуга. – Я думал, что ты намерен каким-нибудь способом освободить рабов и с их помощью ударить на пиратов.

– У нас тогда было бы численное преимущество, – добавил Томек. – Их можно расковать, воспользовавшись тем, что беснуется буря...

Новицкий тяжело вздохнул. Он с превеликим удовольствием расправился бы с пиратами в открытом бою, но капитан «Ситы» нес личную ответственность за безопасность корабля и экипажа. Новицкий тряхнул головой, словно пытаясь отвести искушение и сказал:

– У меня самого руки чешутся, как только вспомню о подлецах-работорговцах, но я не имею права подвергать опасности своих людей. Расправлюсь с пиратами и без кровопролития!

Смуга и Томек остолбенели от изумления. До сих пор Новицкий никогда не пытался избегнуть борьбы. Совсем наоборот, он часто сам искал случая ввязаться в драку. Они ожидали, что и теперь капитан воспользуется моментом. Новицкий, как видно, заметил их изумление, потому что сразу же стал оправдываться:

– У меня на борту две женщины... Кроме того, освобождение рабов нам ничего не даст. Они нас не знают, а всех белых они ненавидят. Как возбудить у них доверие, и как объяснить им, что мы хотим помочь? Мы можем рассчитывать только на собственные силы.

– Я не подумал об этом! Вы правы, капитан, отец будет гордиться вами! – восторженно воскликнул Томек.

– Согласен, на «Сите» ты командир! Как ты думаешь вывести

из строя пиратское судно? – спросил Смуга.

– Мы испортим рулевое управление на их корабле! – ответил Новицкий.

– Замечательная идея! – похвалил Томек. – Но если они начеку, и охраняют судно, придется драться?!

– Ну что же, тогда вы все будете свидетелями, что я пытался избежать кровопролития, – ответил Новицкий с трудом подавляя радость, охватившую его при одной лишь мысли о возможности открытой борьбы.

– Можете рассчитывать на меня, капитан, – серьезно сказала Наташа.

– На всех нас, – добавила Салли. – Я проберусь вместе с вами на пиратское судно. Буду стоять на страже, пока вы...

– Не говори глупостей, голубушка! – прикрикнул на нее Новицкий. – Хвалю за отвагу, но это мужское дело. Прикрывать меня будут Смуга и Томек. Кто из вас поможет мне сфабриковать мину?

– Я! Мне приходилось уже делать бомбы для моих товарищей в России, – предложила Наташа.

– Прекрасно, давай, иди в мою каюту. Как только циклон чуть ослабнет мы начнем дело.

Не прошло и двух часов, как на койке капитана лежала готовая, довольно большая коробка, завернутая в брезент. Новицкий вызвал в кают-компанию весь экипаж «Ситы». Трое смельчаков явились одетыми в плотно прилегающие брюки и рубашки, темного цвета. Они были подпоясаны кушаками с заткнутыми за них револьверами и длинными охотничьими ножами.

– На время моего отсутствия на судне команду поручаю Рамасану, – кратко заявил Новицкий. – Вот тебе, Рамасан, моя капитанская фуражка, но лучше не носи ее! Она тебе велика, и ветер может ее унести!

– Есть, капитан! – по уставному ответил Рамасан.

– Я уже привык к ней, сидит на голове, как приклеенная. Теперь слушай внимательно: если на пиратском корыте послышатся выстрелы, и мы не вернемся до рассвета, немедленно на всех парусах пойдешь в Порт-Морсби. Там обо всем доложишь губернатору. Тот уж будет знать, что ему делать.

– Есть, капитан.

Распоряжения капитана Новицкого оказали на присутствующих гнетущее впечатление, но сам капитан, видимо, нисколько не был взволнован предстоящей опасностью. Смуга и Томек тоже держались бодро. За ужином Томек быстро покончил с едой и стал утешать испуганных девушек, которые даже не

дотронулись до еды. Бальмор не мог оторвать глаз от Томека, потому что сам чувствовал страх при одном лишь воспоминании о пиратах...

Рамасан со своими людьми вступил на вахту. Остальные члены экипажа ждали в кают-компании, когда буря позволит приступить к делу. Однако Рамасан вошел в кают-компанию только лишь за каких-нибудь три часа до рассвета.

– Сагиб капитан, буря несколько утихла! – доложил он.

– Шлюпка готова? – спросил Новицкий.

– Так точно, готова! Двоих я назначил на весла.

– Поехали! Снимите ботинки, возможно нам придется плавать, – сказал Новицкий, вставая с кресла.

В темноте они вышли на верхнюю палубу. Дождь еще шел, но ветер несколько приутих. Из своей каюты капитан Новицкий вынес большую, тяжелую коробку завернутую в брезент, и бутылку с письмом-ультиматумом[58] к пиратам. Все это он осторожно погрузил в шлюпку. Подпоясался веревкой с крюком на конце и сел у руля. Томек нежно простился с Салли, которая вполголоса просила его поберечь себя, и занял место в шлюпке рядом со Смугой. Два моряка вскочили в шлюпку только после того, как она была спущена на воду. Оттолкнулись от борта.

Новицкий направил шлюпку к берегу. Некоторое время они молча шли на веслах вдоль берега, окружая лагуну. Томек и Смуга помогали матросам, потому что довольно сильное волнение норовило выбросить шлюпку на берег. По их лицам струился пот. Однако вскоре они заметили темный силуэт пиратского судна. Ни на палубе, ни на мачтах не было огней. Свист ветра и грохот волн заглушали все звуки.

Капитан Новицкий смело подвел шлюпку к борту судна в носовой его части, с правой стороны. Таким образом, шлюпка очутилась между кораблем и береговой линией. Шлюпка слегка коснулась якорной цепи, торчавшей из клюза[59]. Смуга и Томек, ухватившись за цепь, подтянули шлюпку вплотную к борту корабля. Новицкий привязал шлюпку к цепи. Знаком приказал им придерживать цепь, чтобы не звенела, а сам стал взбираться по ней. Вскоре он очутился у самого клюза, овального отверстия, из которого выходила якорная цепь. Ухватившись рукой за край клюза, капитан подтянул все тело вверх. Придерживаясь ногами, он свободной рукой развернул веревку с крюком, которой был подпоясан. Зацепил крюк за фальшборт судна.

Соблюдая осторожность, Новицкий мягко ступил на палубу и присел, спрятавшись за балюстрадой фальшборта. Внимательно осмотрелся кругом. Никого не заметил и, крадучись направился к стоявшей в нескольких метрах от него рулевой рубке. Короткая

волна, ударяя в левый борт судна слетка раскачивала его. На мокрой палубе было скользко, так как дождь все еще продолжал идти.

Медленно и осторожно ступая, Новицкий пробрался к рулевой рубке. Заглянул туда. Всего лишь на расстоянии вытянутой руки в рубке сидел вахтенный. Закрытая капюшоном и опущенная на грудь голова, свидетельствовала о том, что вахтенный спит. Новицкий достал из-за пояса револьвер. Тихо скользнул в рубку. Рукояткой револьвера ударил вахтенного по голове; рукой поддержал падающее тело. Достал из кармана бечеву и кляп. Быстро сорвал капюшон и брезентовый плащ. Опытной рукой завязал вахтенному рот, всадив туда предварительно кляп. Связал матроса по рукам и ногам. Забросив его себе на спину, Новицкий направился на полубак. Там он положил потерявшего сознание вахтенного у фальшборта и привязал его к балюстраде. Обеспечив себя с этой стороны, Новицкий направился к противоположному борту. Троекратно подергал за веревку с крюком на конце, давая сигнал товарищам, что путь свободен. Вскоре на борту появился Смуга, а вслед за ним – Томек. Соблюдая осторожность, они втянули на борт тяжелую коробку.

– Вахтенный связан, пошли в рулевую! – шепнул Новицкий.

– Ночная вахта кончается в четыре, теперь около трех часов. Времени у нас довольно, – шепотом сказал Смуга.

– Лишь бы нам не помешали… – буркнул Томек.

Они внесли коробку в рулевую рубку. Новицкий подал Томеку брезентовый плащ с капюшоном.

– Надень и притворись вахтенным, – приказал он. – Если заметишь что-либо подозрительное, свистни два раза.

Томек надел брезентовый плащ, глубоко насунул на брови капюшон. Остановился у борта, откуда мог наблюдать за всем что происходит в надстройке и на палубе… Ежеминутно поглядывал в сторону рулевой рубки. Как раз там показался скудный желтоватый свет.

«Готовят мину» – подумал Томек. Невольно всадил правую руку под плащ и нащупал рукоятку револьвера, заткнутого за пояс…

К счастью, на судне царила невозмутимая тишина. Слышались только отголоски удаляющейся бури, шум дождя, да грохот волн. Томек внимательно прислушивался ко всем звукам и оглядывался вокруг. На палубе, вблизи надстройки виднелись контуры люка. Томек вспомнил сообщение Бальмора.

«Видимо, там они держат рабов» – промелькнуло у него в голове.

Томек сделал несколько шагов по направлению к люку. Однако быстро сообразил, что неосмотрительный поступок может повлечь за собой неудачу всего предприятия. С трудом преодолел искушение.

Время тянулось медленно... Наконец, у входа в рулевую рубку показалась тень. Это был Смуга.

– Уходим, Новицкий поджигает бикфордов шнур. Через минуту произойдет взрыв... – шепнул он.

Томек и Смуга тихо проскочили к правому борту и по очереди спустились в шлюпку. Сразу же отвязали ее от якорной цепи. Индийские матросы сидели на веслах, готовые по первому сигналу отчалить от пиратского судна.

В это время Новицкий, стоя на коленях пытался поджечь шнур. Ветер уже погасил в его руках две спички. Дождь все еще шел, и воздух был насыщен влагой.

«Ах, черт запальный шнур может погаснуть...» – подумал Новицкий, беспокоясь за исход дела.

Оставив попытку поджечь шнур спичками, Новицкий приоткрыл дверку керосинового фонаря, который держал в руках, и приставил огонь к концу шнура. По бикфордову шнуру, с легким шипением, побежал резвый огонек. Новицкий закрыл дверку фонаря, и не спеша вышел наружу. Недалеко от входа в рулевую рубку поставил бутылку с закупоренным внутри письмом. Довольный капитан, вздохнул всей грудью. Через несколько секунд взрыв уничтожит рулевое оснащение корабля, вместе с рубкой. Новицкий уже собрался было перелезть через балюстраду, как вдруг дверь надстройки распахнулась. Новицкий увидел высокого, плечистого мужчину, освещенного желтоватым светом, бившим из притворенной двери. Новицкий спрыгнул с баллюстрады, на которую уже было взобрался.

Мужчина направился к рулевой рубке.

«Смена вахты» – догадался Новицкий, и как змея пополз к новому вахтенному. Надо было спешить. Если вахтенный войдет в рубку и заметит шнур, он погасит его в последний момент.

Вдруг мужчина задел ногой бутылку, поставленную Новицким и нагнулся, чтобы ее поднять. В ту же секунду Новицкий подскочил к нему. Ударил кулаком по голове. Мужчина упал на колени, но, как видно, он обладал недюжинной силой, потому что сразу же вскочил на ноги. Новицкий ударил его в подбородок. Мужчина отпрянул верхней частью корпуса назад будто падая, но вдруг, совершенно неожиданно бросился в атаку сам. От сильного удара между глаз, Новицкий, ошеломленный, отступил на полшага; он выхватил из-за пояса револьвер. Как ураган прыгнул на противника. Мощный удар рукояткой

револьвера по голове, и победа явно склонилась на сторону капитана Новицкого. Капитан отдавал себе отчет в том, что взрыв может произойти с секунды на секунду. Поэтому он охватил обессиленного мужчину в охапку, подбежал к борту, перелез через балюстраду…

Взрывная волна отбросила его от судна. Новицкий погрузился в воду, но не выпустил из рук добычи. Как только ему удалось вынырнуть на поверхность, Новицкий левой рукой схватил, начавшего приходить в себя пленника за шиворот и поплыл к шлюпке.

Смуга и Томек сначала втянули в шлюпку пленника, находившегося в полубессознательном состоянии, потом капитана Новицкого. Шлюпка стала быстро отходить от пиратского судна, крики ужаса на палубе которого стали уже мешаться со словами команды. С борта судна заметили отчалившую шлюпку. Раздалось несколько выстрелов, к счастью, безвредных, потому что темнота не позволяла взять на мушку, качающуюся на волнах шлюпку.

– Ты чего там копался так долго? – спросил Смуга у Новицкого, связывая пленнику руки. – Это он тебе помешал?

– А как же, я уже лез через фальшборт, как он вышел на палубу, – ответил Новицкий. – Я боялся, что он погасит шнур. Пришлось его обезвредить.

– Зачем ты его взял с собой? – упрекнул Новицкого Смуга. – Ты же сам мог погибнуть!

– Если бы я оставил его в беспамятстве около рулевой рубки, он полетел бы в тартарары вместе с ней, – объяснил свой поступок Новицкий. – Вяжи его крепче – это твердый парень! Рубанул меня кулаком между глаз и чуть не оглушил совсем… Видимо, наградил меня порядочным синяком…

Услышав это, Смуга стал крепче затягивать узлы на веревках, опутывающих пленника. Новицкий был известен своей силой, и обыкновенный человек вряд ли мог оглушить его.

Томек и Смуга схватились за весла, чтобы помочь индийским матросам. Пиратское судно постепенно скрылось во мраке ночи. Теперь Новицкий уже без всяких опасений мог направить шлюпку прямо к «Сите». Вскоре показался темный силуэт яхты.

– Эй там, на яхте! – крикнул капитан.

– Есть, капитан! Мы готовы, уже бросаем гини[60]. Все ли у вас в порядке?! – ответил Рамасан.

– Все в порядке!

Через несколько минут участники вылазки уже были на борту. Капитан развязал пленнику ноги и помог ему выйти из шлюпки.

– Посветите мне, – приказал капитан.

Он внимательно присмотрелся к широкоплечему пленнику. Внешний вид пирата совсем не соответствовал его позорному занятию. Он, правда, бросал на экипаж «Ситы» мрачные взгляды, но все же было видно, что это человек не лишенный некоторых признаков интеллигентности. Новицкий подозвал Рамасана и приказал:

– Отведи пленника в карцер и поставь стражу у двери. В случае попытки к бегству – пуля в лоб!

– Я требую, чтобы меня направили к капитану этого судна. Я должен кое-что сказать ему, прежде чем мои товарищи начнут гулять, воспользовавшись моим отсутствием, – потребовал пират. – Предупреждаю, что позже нам не о чем будет говорить!

– Ты хочешь говорить с капитаном?! – удивился Новицкий. – Хорошо. Будь по-твоему! Рамасан, дай мне фуражку!

Полным достоинства движением, Новицкий надел на голову капитанскую фуражку, окинул пленника суровым взглядом и сказал:

– Кто ты, что требуешь беседы с капитаном?!

– В моем положении нет смысла скрывать правду, – ответил пират. – Я капитан того судна.

Жестом руки Новицкий успокоил волнение среди членов своего экипажа, наклонился к пленнику и спросил:

– Ты – капитан судна?! С каких это пор атаман шайки пиратов, получил право называть себя капитаном, а корыто, неспособное выйти в море – судном?!

Лицо широкоплечего пирата покрылось красными пятнами гнева. Не обращая внимания на связанные руки, он сделал шаг в сторону Новицкого и прошипел:

– Нахал! Твое счастье, что я лишен возможности загнать назад в твою глотку дерзкие слова! Это корыто, как ты осмелился назвать мой корабль, легко обошло три британских корвета[61], которые пытались его догнать! Если бы не они, мы никогда бы не встретились здесь!

– Ага, ты сам признался, что за тобой гнались британские корабли! – с триумфом подхватил капитан Новицкий. – Я тоже плаваю под британским флагом, и выполню свой долг! Отправлю тебя…

– Не бросай слов на ветер! Возможно, потом пожалеешь о них! – перебил пират. – От моей судьбы зависит и судьба твоих людей, пойманных на моем судне! Во время борьбы с тобой я слышал взрыв на борту. Доведенные до отчаяния мой молодцы легко укокошат пленных. Поэтому в наших интересах поскорее найти общий язык.

– За моих людей ты отвечаешь головой, – предупредил Новицкий.

– Не обольщайся пустыми надеждами, ты ведь не знаешь моих ребят, капитан! Поняв, что им грозит петля, они никого не пощадят! Мое отсутствие может стать причиной нежелательных последствий для нас всех.

– Ты что, не уверен в своих людях? – удивился Новицкий.

– Поворачиваться к ним спиной опасно, – двусмысленно ответил пират.

– Давай, договоримся пока не поздно... Я вас не трогал и трогать не хочу. Разойдемся так, будто мы и не встречались.

– Ишь ты, прыткий какой! Это я здесь диктую условия, а не ты! – возмутился Новицкий. – Мы вывели из строя рулевое управление на твоем корабле. Вы не в состоянии выйти в море. У меня есть время вызвать помощь. Тогда все вы повиснете на реях[62]. Однако я готов на небольшую уступку. Верни мне моих людей и отдай несчастных рабов. Тогда я пойду в Порт-Морсби и только там доложу о событиях этой ночи. Выбирай, что лучше, да... поскорее!

Пират молча обдумывал предложение. До австралийских берегов отсюда совсем близко. Туда можно добраться даже на шлюпках. Они попали в ловушку, выбора нет...

– Хорошо, я принимаю ваши условия, – после минутного молчания ответил пират. – Я потерял корабль, поэтому вынужден прекратить охоту за черными дроздами. Попытаю счастья на золотых россыпях Новой Гвинеи[63].

– Ну гляди, чтобы мы там с тобой не встретились! Тогда нам пришлось бы за все рассчитаться, – пригрозил Новицкий.

– Ничего не имею против такой встречи в джунглях, – ответил пират.

– Я тоже. А петлю можно повесить на суку не хуже, чем на рее – сказал капитан Новицкий.

VIII
Проводник из племени мафулу

По заключенному соглашению, капитан Новицкий позволил атаману шайки пиратов вернуться на его корабль. На рассвете пират сел в ялик и поплыл к пиратскому кораблю. Однако белый флаг появился на мачте корабля только лишь спустя четыре часа. Это был условный знак, что работорговцы принимают условия капитана Новицкого.

После бурной ночи настал жаркий, солнечный день. «Сита» уже была готова к отправлению в дальнейший путь. Как только на «Сите» заметили белый флаг, поднятый на пиратском судне, «Сита» снялась с якоря. Новицкий медленно подошел к пиратскому кораблю. Он предпринял все нужные меры предосторожности; сам дежурил на капитанском мостике, не отрывал глаз от бинокля, расставил всех членов экипажа вдоль правого борта с оружием в руках. «Сита» остановилась в нескольких десятках метров от пиратского корабля.

Капитан пиратов вышел на палубу. Увидев за ним Вильмовского и Бентли, капитан Новицкий успокоился. Они не были связаны. Видимо, им сообщили о заключенном соглашении, потому что они махали платочками, приветствуя «Ситу».

– Вижу наших! – обрадованно крикнул Новицкий. – Они целы и невредимы! Дадим в их честь приветственный салют!

– Стрелять вверх! – скомандовал Смуга. Раз, два, три... огонь.

Грохот выстрелов и свист пуль, вызвал переполох среди пиратов, но резкая команда их капитана быстро навела порядок. Одни из пиратов стали спускать шлюпки, другие открыли люки, ведущие в трюм, где сидели несчастные рабы. Вскоре на палубе показались папуасы с темно-коричневыми, а у некоторых и с совершенно черными лицами. Подгоняемые вооруженными пиратами, они с опаской становились вдоль левого борта. Все они были почти нагими, и мужчины, и женщины. Они тревожно поглядывали на своих преследователей.

С борта пиратского судна спустили веревочный трап. Пираты грубо толкали рабов в шлюпки, которые поочередно подходили к «Сите». Вот уже последняя группа освобожденных рабов стала спускаться по трапу в шлюпку, как вдруг из надстройки выскочил молодой папуас и бросился на колени перед Вильмовским. Один из пиратов ударил юношу по спине и схватил рукой за кучерявые волосы. Одним ударом кулака Вильмовский свалил пирата с ног. Несколько других бросились на помощь своему товарищу. Но в

этот момент капитан пиратов заслонил Вильмовского своим мощным корпусом. В его руках блеснул револьвер. Это сразу же остудило пыл у взбешенных молодчиков.

С борта «Ситы» раздался предупредительный залп. Капитан с гневом стал что-то объяснять Вильмовскому; он очевидно пытался задержать молодого папуаса. Однако Вильмовский не уступал. Он решительно отстранил капитана от молодого раба и стал осторожно отступать к левому борту. Казалось, на пиратском судне вновь разгорится борьба; рослый атаман грозно наклонился к Вильмовскому, словно готовился к прыжку.

Капитан Новицкий быстро отложил бинокль в сторону. Поднял карабин с оптическим прицелом. Раздался выстрел... с головы пирата слетела шапка, пробитая пулей.

Теперь, Вильмовский без всяких препятствий сошел по трапу в шлюпку. Не прошло и получаса, как «Сита» вышла из лагуны в открытое море.

Только тогда друзья обнялись и стали рассказывать о пережитых волнениях.

Молодой папуас, чуть-чуть не ставший причиной новой битвы на пиратском судне, возбудил любопытство у всего экипажа «Ситы». По рассказу Вильмовского, атаман пиратской шайки назначил юношу своим личным боем[64], и вопреки обещанию об освобождении всех рабов, не хотел отпустить его на волю. Только лишь вмешательство Вильмовского и решительность, проявленная белыми путешественниками спасли папуаса, который очутился на «Сите» в числе других освобожденных пленников. Молодой туземец не присоединился к группе своих соплеменников, разместившихся на полубаке корабля. Он ни на шаг не отходил от своего спасителя. Ежеминутно обнимал его и терся носом о нос Вильмовского. Заметив это, капитан Новицкий сказал:

– Посмотрите, пожалуйста! Дикарь, а умеет быть благодарным. Видать, это хороший парень, но у него оригинальный способ проявлять чувства... Благодарю судьбу, что это не я его спас!

Как видно папуас знал несколько английских слов, потому что догадался, что речь идет о нем и воскликнул:

– Канак[65] быть хороший парень! Ол райт[66]! Добрый мастер[67] спасти канак. Теперь бой служить добрый мастер. Ол райт.

Речь юноши, хотя ее трудно было поначалу понять, очень заинтересовала Бентли. Перед отправлением в экспедицию он несколько месяцев занимался новогвинейскими языками и знал, что папуасские племена, даже живущие в соседних деревнях часто

говорят на совершенно разных языках. Кроме того, в голландской части острова некоторые туземцы пользуются при общении жаргоном[68] малайских охотников. Что касается германской и английской частей Новой Гвинеи, то переводчики пользовались там языком англо-пиджин[69]. Это весьма забавный язык, в котором английские слова в своеобразном произношении получили малайское склонение и окончания. Папуасы, например, не могли употреблять личные местоимения, несвойственные их родному языку, не умели запоминать английские фамилии, и в конце каждого предложения обязательно добавляли «ол райт», то есть «хорошо».

Узнав, что молодой человек владеет немного английским, Бентли обрадовался. Он сразу же обратился к папуасу по-английски, на англо-пиджин:

– Канак уже не бой. Ты вернуться домой, твоя деревня!

– Нет, нет! – возразил папуас. – Деревня далеко. Ол райт. Только один белый отец попасть туда, но злой дух влезть ему внутрь и трясти его крепко, крепко. Ол райт. Белый отец умереть, канак остаться сам на великий вода, злой мастер опять поймать канак, если канак не быть бой у добрый мастер. Ол райт. Моя хороший, очень хороший бой, моя уметь варить чай и яйцо. Ол райт. Теперь моя быть бой очень добрый мастер. Добрый мастер спасать канак. Ол райт.

Чтобы доказать свою безграничную благодарность, папуас обнял Вильмовского за колени.

– Вот болтун, проглоти его сто дохлых китов! – вмешался капитан Новицкий. – Вы что-нибудь поняли из этой болтовни? !

– А как же, я немного знаком с англо-пиджин, – ответил Бентли. – Он рассказал мне печальную историю. Служил боем у какого-то миссионера, с которым из глубины острова пришел на побережье. Миссионер заболел малярией и умер, а беднягу поймали работорговцы. Он хочет стать боем у Вильмовского, так как надеется, что это помешает работорговцам снова его поймать. Уверяет, что умеет готовить чай и варить яйца.

– Ничего нет удивительного в том, что миссионер переселился в лучший мир, раз питался только чаем и яйцами. Что же нам делать с этим упрямцем?

– Я слышал, что ново-гвинейские слуги отличаются верностью и преданностью по отношению к своим хозяевам, – сказал Бентли. – Лучше всего передать его властям вместе с остальными освобожденными рабами.

– Можете вы узнать у него к какому племени он принадлежит, – внезапно отозвался Томек.

– Верно, – согласился Вильмовский. – Может мы будем

проходить недалеко от его деревушки.

– Он сказал, что его родная деревня где-то очень далеко, – пояснил Бентли. – Я думаю, он не очень хорошо ориентируется в расстояниях. Не в обычае жителей центральных районов Новой Гвинеи совершать далекие путешествия.

– Спроси его, как называется племя, из которого он происходит, – предложил Новицкий.

– Как называть твоя люди? – обратился Бентли к папуасу.

– Моя мафулу, – был ответ.

– Мафулу обитают на возвышенности Пополо, через которую ведет первый этап нашего маршрута, – воскликнул Томек.

– Ты не ошибаешься, парень попал как раз туда, куда надо! Мы можем отвести его в родную деревню, согласился Бентли.

Он немедленно сообщил об этом папуасу, который, вместо ожидаемой радости был явно обеспокоен. Он подошел к Вильмовскому и шепотом предупредил:

– Очень хороший мастер не ходить туда! Там близко, близко за рекой живут таваде. Они очень злой люди. Они каи-каи человек...

– Он говорит о людоедах? – спросил Вильмовский.

– Я думаю, да! – подтвердил Бентли.

– Значит он нас предупреждает об опасности, – заметил Томек.

– Этот парень может нам пригодиться, – сказал Смуга. – Если хочет – пусть идет с нами.

* * *

К утру следующего дня на небе снова появились свинцовые тучи. Порыв сильного юго-восточного ветра надул паруса «Ситы». Весь экипаж яхты был поднят наверх, потому что сильный ветер сносил корабль к мелководному Торресовому проливу, усеянному

подводными рифами. Однако на этот раз центр циклона находился несколько южнее «Ситы». Через несколько часов распогодилось и Новицкий мог взять правильный курс. Определив положение «Ситы», он установил, что буря отклонила яхту к западу.

Еще до обеда на горизонте замаячила полоска суши. Это была Новая Гвинея. За узкой полосой низкого берега виднелись темно-зеленые грани мощного горного хребта. Вдали, на фоне ясного неба, выделялся силуэт крупнейшей вершины хребта Оуэн Стэнли – горы Виктории[70], расположенной к северо-востоку от Порт-Морсби[71].

Весь экипаж «Ситы» поднялся на палубу, чтобы разглядеть землю таинственного острова, но капитан Новицкий никому не позволил праздно любоваться открывшимися видами. Вход в порт отнюдь не отличался легкостью и" изобиловал многими опасностями. Среди однообразной голубизны чистых морских глубин виднелись желтоватые пятна мелей. Из-под воды здесь и там торчали огромные скалы и вершины коралловых рифов, среди которых часто виднелись акулы, по внешнему виду напоминавшие торпеды.

Берег приближался. Вдоль песчаных коралловых пляжей, обрамленных рощами кокосовых пальм, на пирогах с боковыми поплавками носились туземные рыбаки. На горизонте громоздилась, все яснее выделявшаяся горная цепь, поросшая тропическим лесом.

Салли и Наташа стояли на капитанском мостике, откуда можно было в бинокль превосходно видеть все побережье.

– Капитан! Я вижу деревушку, построенную в море на сваях, – воскликнула Салли. – У берега стоит на якоре оригинальное парусное судно! На палубе судна – бал! Танцуют мужчины и женщины.

– Скажите, капитан, что это за деревушка? – спросил Вильмовский.

– Я полагаю это Хануабада, или как ее называют туземцы – Кила-Кила, от которой до Порт-Морсби всего лишь несколько миль, – ответил Новицкий.

– Об этой деревушке мне говорил губернатор, – вмешался Бентли. – Хануабада и соседняя деревушка Элевада славятся превосходными керамическими изделиями, которые пользуются большим спросом.

– А я думала, что это рыбаки празднуют удачный улов, – сказала Салли.

– Здешние жители не занимаются рыбной ловлей, – сказал Бентли. – Женщины работают на гончарных промыслах, мужчины

возят их изделия по морю даже в довольно отдаленные места. Мы подъезжаем к Новой Гвинее как раз в пору, когда начинает дуть юго-восточный муссон, поэтому мужчины готовятся в далекий путь, продолжающийся иногда несколько месяцев. Женщины, видимо, прощаются с мужчинами и устроили танцы.

– Кое-кто из них очутится в брюхе акулы! – добавил капитан Новицкий. – В заливе Папуа бури не редкость...

– Думаю, что морские бури представляют огромную опасность для столь оригинальных моряков, – сказал Бентли. – Капитан такого судна не посещал морское училище. Правильное направление он находит инстинктивно или, чтобы не сбиться с пути, идет вдоль берегов.

– Можно ли подойти немного ближе к берегу, – попросила Наташа. – Интересно взглянуть на этот странный парусник с близкого расстояния.

– Мне приходилось видеть такие суда на иллюстрациях, – сказал Джемс Бальмор. – Их называют катамаранами.

– Но ведь это судно совершенно лишено корпуса! – изумился Збышек.

– Вы правы. По сути дела это ни что иное, как большой плот, – сказал Бентли. – Судно сделано чрезвычайно просто. Несколько выдолбленных из древесных стволов челнов связывают по шесть или десять в ряду. После этого загруженные горшками плоты располагают в длинный ряд. На этом плоту кладут пол из бамбукового тростника, на котором устанавливают бамбуковые домики, покрытые сверху циновками. На палубе ставят мачты, на них вешают два огромных паруса, прикрепленные к рамам, что делает судно похожим на допотопную птицу с крыльями диковинной формы.

– Разве в Хануабада только женщины занимаются гончарным мастерством? – спросил Вильмовский.

– Да, это их наследственная профессия, – ответил Бентли. – У них есть соответствующая организация и разделение труда. Одни из них разрабатывают модели, другие занимаются обжигом. Модельщицы голыми руками искусно придают глине нужную форму. Другие женщины в течение нескольких дней сушат изделия на солнце, а потом обжигают их на раскаленных угольях или на костре.

Вскоре «Сита» подошла к берегу ближе. Несколько папуасов из числа освобожденных из рук работорговцев были, видимо, жителями этих мест, потому что на яхте послышались гортанные крики радости. На катамаране и на берегу началась суматоха. Многие туземцы стали сталкивать на воду длинные лодки с поплавками по бокам. Некоторые из них бросились к «Сите»

вплавь.

Волей-неволей капитану Новицкому пришлось дать команду свернуть паруса и бросить якорь. Пловцы и целая стая лодок окружили «Ситу». Теперь уже не было такой силы, которая могла бы удержать папуасов, собравшихся на носу корабля. Все они один за другим стали прыгать за борт, прямо в воду. Один только мафулу остался на яхте, хотя и он тоскливо посматривал на близкий берег. Тронутый верностью молодого папуаса, Томек подошел к нему и спросил:

– Почему ты не приветствуешь своих соплеменников? Не бойся, мы обязательно возьмем тебя в экспедицию.

– Моя не умеет плавать, – с искренним сожалением ответил мафулу. Томек расхохотался и присоединился к остальным членам экипажа, собравшимся у левого борта яхты, с которого был спущен веревочный трап. Несколько туземцев уже взбирались по трапу на палубу судна. Они торжественно приветствовали капитана Новицкого и благодарили его за освобождение земляков из рук работорговцев. Стали приглашать членов экипажа принять участие в танцах, но Новицкий отказался, так как еще сегодня хотел войти в бухту Порт-Морсби.

Танцы на катамаране, прерванные было неожиданным возвращением похищенных рабов, возобновились. Снова оттуда послышалась музыка. Улыбающиеся молодые женщины, одетые только в шелестящие, короткие, до колен юбочки из стеблей травы, пели и танцевали вокруг музыкантов. Их коричневые тела были покрыты оригинальной татуировкой, головы с короткими, пушистыми черными волосами украшали венки из цветов и ракушек. Мужчины, одетые в короткие набедренные повязки из цветных материалов и с цветами кетмии[72] в кудрявых волосах, бойко отбивали такт ладонями и сами охотно начинали танцевать.

Экипаж и пассажиры «Ситы» с интересом наблюдали за танцами, любуясь живописной их картиной. Невдалеке находилась деревушка из домов на сваях, возвышавшихся над водами залива. У каждого деревянного дома виднелись платформы, или веранды, пристроенные к торцевой стене, сверху

частично прикрытые свисающими концами крыш, покрытых травой. Подступ к домам был возможен только на лодке или вплавь, что защищало жителей деревушки от нападения воинственных горных племен, обитавших в глубине острова. Их воины, живя вдалеке от моря не умели плавать и не могли брать с собой в далекий поход тяжелые лодки. Впрочем, на узкой полосе песчаного берега тоже стояло несколько домов на сваях. Близ них играли толпы детей. Подражая старшим, они пускали на воду игрушечные бамбуковые катамараны, пели и танцевали.

Збышек и Наташа печально смотрели на веселье счастливых туземцев. Их охватила тоска по родине, по оставленным там близким. Стихийное веселье папуасов с особой силой подчеркивало горькую долю изгнанников из родного края. Занятые своими делами, Томек и Салли не обращали внимания на них, но Вильмовский вскоре заметил их подавленный вид. Он подошел к молодым людям и спросил:

– В чем дело, мои дорогие? Почему у вас вдруг испортилось настроение?

Збышек вздрогнул, словно его внезапно разбудили.

– Я как раз думаю, почему все люди не могут жить так беззаботно и весело, как обитатели этого острова... – ответил он, тяжело вздыхая.

– Столько здесь счастья и радости! Я бы охотно поселилась на каком-нибудь из островов Тихого океана, – добавила Наташа.

– Я вас прекрасно понимаю, раньше и я мучился подобными мыслями и искушениями, – печально ответил Вильмовский. – На первый взгляд экзотические островки Тихого океана кажутся легендарным раем, обитатели которого ведут идиллическую жизнь. Тихие лагуны, залитые солнцем пляжи поросшие стройными пальмами, танцующие и поющие жители с разукрашенными цветами головами... Картина влекущая, но куда как обманчивая!

– Дядя, но ведь все веселятся, по-настоящему! – возразил Збышек.

– Минуту назад мы беседовали на эту тему с Бентли, мой друг, – ответил Вильмовский. – Долгие месяцы женщины деревушки работали, не, покладая рук, над своими изделиями. В

это время мужчины оберегали их спокойствие от нападений со стороны грабительских горных племен, добывали пищу. Сегодня женщины прощаются с отцами, мужьями и братьями, которые повезут изделия их рук в дальние страны на продажу. Это опасная дорога... Не все вернутся домой. Во время бури, бушующие волны океана могут поглотить не одного из них. Другие, прельщенные легким заработком, пристанут к ловцам жемчуга... Поэтому в проводах принимают участие все жители деревушки. Они хотят напоследок провести время вместе. Но как только паруса катамарана растают на горизонте, в деревушке воцарится печаль. Женщины по вечерам будут плотно закрывать двери своих изб.

– Возможно, в горной, малодоступной Новой Гвинее и правда жизнь нелегка, – заметила Наташа. – Но я охотно поселилась бы на каком-нибудь небольшом, одиноком коралловом островке... Я так жажду спокойной жизни!

– Слой плодородной почвы на коралловых островах, как правило, очень мал, да и плодородие ее весьма относительно. Там растут только кокосовые пальмы и некоторые виды неприхотливого кустарника. Я бы советовал избрать для поселения островок континентального или вулканического происхождения. Благодаря влажному морскому и тропическому климату, такие островки отличаются плодородием и обильной растительностью[73], – сказал Вильмовский, задорно улыбаясь бойкой Наташе. – Но я все равно уверен, что и там вы не нашли бы покоя, которого жаждете.

– Это почему же, разрешите вас спросить?

– Во-первых потому, что тропический климат Океании европейцы переносят с трудом. Во-вторых, циклоны, тайфуны и ураганы, которые, если даже не учитывать людских и материальных потерь, часто опустошают острова Океании, и почти всегда влекут за собой голод. Кокосовые пальмы и хлебные деревья, дающие основную пищу обитателям этих островов погибают совсем, затопленные волнами океана, либо на несколько лет теряют способность к плодоношению. Поэтому жители островов живут впроголодь даже и в те годы, когда стихийных бедствий не было. Я уже не говорю о землетрясениях и извержениях вулканов...

– Неужели обитателям Океании приходится переживать столько ужасных бедствий? – удивилась Наташа.

– Я еще не закончил рассказ о них, моя дорогая, – продолжал Вильмовский. – Через Океанию ведут морские пути из Америки в Азию и Австралию. Поэтому велико стратегическое значение

островов, расположенных на обширных пространствах Тихого океана. Борьба за исключительное обладание ими ведется вот уже свыше ста лет. В середине XIX века ожесточенное соперничество шло между Англией, Францией и Испанией. В конце прошлого столетия Германия овладела рядом островов, вытеснив оттуда испанцев. Теперь этими островами заинтересовались и Соединенные Штаты Северной Америки[74].

Носовое кольцо, нагрудник и браслет

Сначала на островах появляются миссионеры. За ними идут торговцы-спекулянты, охотники до жемчуга, кокосовых орехов, копры, сандалового дерева и перьев райских птиц. Потом появляются военные гарнизоны, белые губернаторы, плантаторы и вместе с ними болезни и, неизвестные до того приемы жесточайшей эксплуатации. Изнурительная работа на плантациях приводит к вымиранию местного населения. Вот как на самом деле выглядит жизнь в экзотическом «раю» на островах Океании.

– Я уже не завидую бедным папуасам их маленькой радости, – тихо сказала Наташа.

На катамаране танцы прекратились. Наступила обеденная пора. К «Сите» подошла лодка, груженная вкусно пахнущими блюдами из рыб, ямса и таро. Путешественники не отказались от угощения, и в свою очередь подарили туземцам некоторое количество коробок с мясными консервами. Вскоре капитан Новицкий дал команду к отправлению в дальнейший путь. Туземцы дружественными криками проводили яхту, медленно тронувшуюся к Порт-Морсби.

IX
На пороге неисследованной страны

Солнце клонилось к закату. На небосклоне от самого горизонта до зенита пылала чудесная радуга цвета расплавленного янтаря, золота и пурпура, вплоть до нежных оттенков фиолетового и зеленого цветов. Окрестные горы, поросшие джунглями и равнина, простирающаяся у их подножия, пылали красноватым заревом заката. Казалось, в жаркой глубине острова пылает огромный пожар.

Взобравшись на камень, лежащий на вершине скалистого холма, Томек присел отдохнуть. Как зачарованный смотрел он на открывавшийся с вершины холма великолепный и одновременно грозный вид. Ему казалось, что сама природа предостерегает от попытки проникнуть в тайны Новой Гвинеи, забытой людьми.

Как только экспедиция выгрузилась в Порт-Морсби, на каждом шагу стали возникать трудности и препятствия. Губернатор, вопреки прежним обещаниям и посулам, пытался отсоветовать путешествие в глубину острова. По непроверенным сообщениям в стране племени фьюджи, где находился миссионерский округ Мафулу, первая цель экспедиции, разразилась война. Будто бы войну начало жестокое племя таваде. Земли таваде до сих пор отмечались на карте белым пятном. Еще никому из белых не удалось проникнуть на их территорию. Губернатор не мог дать экспедиции военный конвой. Немногочисленные британские офицеры контролировали только некоторые округа на побережье. Опасаясь неожиданных нападений, губернатор запретил туземцам находиться в Порт-Морсби после заката солнца.

Все же, в конце концов, после переговоров, Бентли удалось получить от губернатора разрешение на путешествие в глубь острова. Ведь экспедиция была довольно многочисленна и превосходно вооружена. Во главе ее стояли опытные путешественники. Несмотря на это, Смуга в качестве официального руководителя вынужден был дать письменное обязательство в том, что без действительной надобности, вызванной внезапной опасностью, не будет въезжать в деревушки и стоянки туземцев в ночное время и разбивать вблизи биваки.

Не успел Смуга закончить хлопоты с получением разрешения, начались другие препятствия. Среди членов племени мотуан, обитающих вокруг Порт-Морсби, не оказалось охотников нести багаж экспедиции. Туземные жители южного побережья как огня

боялись жителей горных районов страны, которые часто нападали на их деревушки, грабили продовольствие и уводили в плен женщин.

Совершенно неожиданно делу помог самозванный бой Вильмовского, освобожденный из плена у работорговцев, Айн'у'Ку, или в переводе с языка племени фьюджи[75] – «сладкий картофель», как звали юного мафулу; он с воодушевлением расписывал своим соплеменникам сверхъестественное могущество белых опекунов. Среди местного населения была очень распространена вера в духов и колдунов, поэтому молодой мафулу везде находил внимательных слушателей. Для них было вполне понятно, что только могущественные чародеи могли без боя вынудить пиратов освободить пленных рабов. Возможно, «белые мастеры» были даже сами духами, раз они могли во время бурной ночи проникнуть на корабль пиратов, притом так, что их никто не заметил, а потом столь же таинственным образом уйти оттуда, прихватив с собой капитана корабля. По мнению суеверных туземцев именно духи и злые колдуны были единственной причиной человеческих несчастий, болезней и даже смерти. Поэтому рассказы Айн'у'Ку убедили их лучше, чем обещание высокого заработка, что в обществе белых путешественников они будут в совершенной безопасности. Таким образом, благодаря болтовне Айн'у'Ку, удалось нанять сотню папуасов, согласившихся нести багаж экспедиции до миссионерской станции в горах Пополе.

Смуга по достоинству наградил Айн'у'Ку за оказанную им услугу, назначив его «босс-боем», то есть начальником над всеми носилщиками, и, кроме того, позволил молодому мафулу носить карабин. Правда, из опасения несчастного случая при неосторожном обращении с оружием, Смуга не дал патронов Айн'у'Ку, но тот и без того был в величайшем восторге от оказанного доверия. Айн'у'Ку стал слепо выполнять все распоряжения белых хозяев, причем иногда сильно перебарщивал в усердии и послушании.

Размышляя над положением, в котором очутилась экспедиция, Томек радовался, что в их распоряжении есть преданный туземец. С его помощью они смогут завоевать доверие обитателей внутренних областей острова.

Солнечный диск почти скрылся за гранями высоких гор. Пурпур заката значительно побледнел. Последние красноватые лучи солнца отражались на западе от краев темных туч, слабо освещая узкую горную тропинку. Хорошо заметный в блеске дня Порт-Морсби, расположенный на узком побережье залива, теперь совсем исчез в туманной дымке. Как это всегда бывает в

тропических областях, ночь упала на землю внезапно, без длительных сумерек.

– Томми!.. Томми!.. Иди ужинать! – раздался многократно усиленный эхом призыв Салли.

Сидевший у ног юноши Динго пошевелил ушами. Гибким движением вскочил на все четыре лапы и глухо залаял, поглядывая на хозяина. Томек очнулся от обуревавших его мыслей. Погладил рукой шерсть своего любимчика и бодро крикнул:

– Иду уже!..

Встал с камня; побежал по тропинке вниз по склону. Динго вырвался вперед. Вскоре Томек очутился в кругу палаток, разбитых на стоянке. Его товарищи сидели у костра, на котором висел котел с горячим супом. Томек уселся рядом с капитаном Новицким.

– Где это вы, уважаемый, так долго гуляли? – спросила Салли, ставя перед Томеком жестяную миску с супом.

– Я был на вершине холма. Любовался великолепным закатом солнца, – с улыбкой ответил Томек. – Пурпурное зарево заката походило на отдаленный пожар в западной стороне острова.

– Ты того и гляди начнешь вирши писать, – иронически заметил капитан Новицкий.

– Откуда вы взяли такую глупость? – возмутился Томек.

– Ну что ж, браток, сначала человек увлекается красотами природы, потом тяжело вздыхает и поглядывает на даму своего сердца, как баран на новые ворота, а в конце концов начинает писать стихи. Все влюбленные молокососы всегда так делают.

– Вы в самом деле думаете, что Томек влюблен? – кокетливо спросила Салли.

Желая скрыть охватившее его смущение, Томек низко нагнулся над миской, а капитан Новицкий продолжал:

– А как же. Только не одного его угодила стрела Амура[76]. Сдается мне, что и Джемс Бальмор часто любуется луной и что-то задумчиво пишет в тетрадке.

Бальмор покраснел и поперхнулся горячим супом. Томек, однако, успел оправиться от смущения и сказал:

– Что касается меня, то вы попали пальцем в небо, капитан! В жизни я не написал ни одной строчки стиха!

– Жаль, браток, очень жаль, – ответил Новицкий. – В будущем было бы что почитать твоим детям! Насчет уменья складно писать, ты собаку съел! Я сам с удовольствием слушал чтение твоих писем, которые ты посылал одной австралийской голубушке! Да и твои записи в корабельном журнале тоже ловко написаны. Многие могли бы кое-что полезное почерпнуть о мире

из твоих записей. По-моему тебе обязательно надо их напечатать.

– Превосходная идея, дорогой капитан! – подхватила Салли. – У меня собралось немало писем Томека, высланных из разных экспедиций, в которых он принимал участие.

– Кончайте этот пустой разговор, – сказал Томек, пожимая плечами. – Кого могут интересовать мои письма к тебе?!

– Ты так полагаешь? – возмутилась Салли. – Хорошо, если ты на меня не рассердишься, то я могу тебе кое-что рассказать!

– Не рассержусь! – уверил ее Томек.

– Честное слово?

– Конечно!

– Это было еще в школьном интернате в Австралии. Однажды я получила от тебя письмо из Африки, написанное в поезде, шедшем из Найроби к озеру Виктория. Было поздно, и я вечером смогла прочесть письмо только один раз. Твои описания страны были так захватывающе интересны, что утром следующего дня, сидя на первом уроке я украдкой стала перечитывать твое письмо. Занятая интересным чтением, я забыла обо всем на свете. Вдруг кто-то выхватил письмо, которое я держала в руках под верхней доской парты. Учительница с немым укором во взгляде суровых глаз вернулась с письмом к кафедре и стала про себя его читать. Я думала, что мне от нее здорово достанется. Тишина длилась не меньше четверти часа. Учительница вызвала меня к доске и спросила, кто этот молодой путешественник, приславший письмо. Я ответила...

Тут, всегда бойкая Салли вдруг покраснела и в смущении умолкла. Однако взяла себя в руки и продолжала:

– Ну, это неважно, что я ей ответила. Во всяком случае миссис Карлтон пожелала мне всего самого наилучшего и просила, чтобы я не скрывала от других столь интересные письма из разных стран. С тех пор я на уроках географии читала все твои письма вслух в качестве дополнительного чтения. Мистрис Карлтон всегда утверждала, что эти письма должны быть опубликованы в печати.

– А, что я говорил? – с триумфом ответил Новицкий. – Честное слово, браток, у тебя есть новая специальность, которую сможешь использовать в старости!

Томек что-то буркнул в ответ. Он искоса следил за молодой девушкой, а Джемс Бальмор укоризненно заметил:

– И все же ученицы не должны на уроках заниматься письмами от молодых людей.

– Сразу видно, что вы до сих пор не получали приятных писем, – вмешалась Наташа.

– Ваше замечание не относится к делу. Во время уроков надо

заниматься уроками, – упрямо твердил свое Бальмор.

– Ах, не будьте таким педантом, видимо, не только в уроках дело, – улыбаясь заметил Новицкий.

– Не всегда и не все ведут себя на уроках как нужно, Джемс, – заявил Бентли. – Думается, что каждый из нас в школе иногда грешил.

– Совершенно верно, например, я любил на уроках дергать за ухо товарищей сидевших впереди, – признался капитан Новицкий. – За это мне не раз доставалось линейкой по лапе от учителя, потому что ученики не отваживались ответить мне тем же!

– Да, да, в школе капитан был немалым шалунишкой, – сказал Вильмовский, который в свое время сидел с Новицким на одной парте. – Однако следует отдать ему справедливость, – он всегда выступал в защиту слабейших товарищей.

– Мне мама говорила, что в школе, где учился Томек, учителя тоже считали его большим шалуном и нарушителем спокойствия, – заметил Збышек Карский. – Он ненавидел подлиз и всегда подстраивал им каверзы. Но учился превосходно!

– Если бы я была мальчиком, хотела бы быть такой же, как он! – порывисто сказала Салли.

– И я тоже, – добавила Наташа.

– Время заняться делами, – перебил беседу Смуга. – Надо подготовиться в дорогу и пораньше лечь спать, потому что мы тронемся в путь на рассвете. Завтра нам предстоит трудный участок пути.

– И верно, горы уже перед нами, – вздохнул капитан Новицкий.

– Томек, с вечера становись на часы, – приказал Смуга. – В двенадцать я тебя сменю, в два часа ночи мое место займет капитан, который объявит подъем, как только начнет светать.

– А вы не считаете, что пора молодежь привлекать к участию в лагерных делах? – спросил Новицкий. – Все должны научиться держать вахту по ночам. Вот, например, может быть Салли поупражнялась бы с Томеком?

Смуга удивленно взглянул на капитана, который подмигивал ему одним глазом. Догадавшись о чем думает моряк, Смуга улыбнулся и ответил:

– Правильное замечание, капитан, если, конечно, Салли не имеет ничего против и не слишком устала.

– Что вы? Я хоть сейчас готова в дальнейший путь! – обрадованно воскликнула девушка. – Я охотно буду бодрствовать вместе с Томеком.

– Хорошо, но через два часа ты должна обязательно лечь

спать, – добавил Смуга.

По уверениям Бентли, что подтвердил Айн'у'Ку, ночью в Новой Гвинее белым путешественникам ничто не угрожало со стороны туземцев. Дело в том, что необыкновенно суеверные папуасы опасались выходить по ночам из дому; они свято верили, что ночью джунгли становятся обиталищем злых духов. А духов они чрезвычайно боялись. Поэтому ночная служба на стоянке путешественников заключалась, в основном, в наблюдении за порядком в лагере.

Ложка для смешивания бетеля

Весьма добросовестный при исполнении своих обязанностей Томек, ни в чем не мог упрекнуть Збышека, который уже через три дня марша взял на себя обязанности не только кладовщика, но и хозяина лагеря. Продовольствие к ужину было уже всем роздано, ящики с продуктами и другим багажом отсортированы и уложены в определенном месте и в полном порядке.

Томек и Салли заглянули по очереди во все палатки. Белые участники экспедиции спали на отдельных койках. Томек с удовлетворением отметил, что ножки коек, как и полагалось, вставлены в коробки из-под консервов, наполненные водой, для того, чтобы не допустить к спящим разных лесных насекомых. Москитьеры над койками были плотно закрыты. Поскольку в горных районах Новой Гвинеи ночи бывали довольно холодными, в разных местах лагеря были собраны запасы валежника, чтобы подкладывать его в горящие костры, вплоть до самого рассвета.

– Молодец Збышек, – похвалил Томек кузена, закончив обследование лагеря.

– Збышек весьма самолюбив! Он образцово выполняет возложенную на него работу, – сказала Салли. – Ты должен обратить внимание на Збышека, а то он иногда работает сверх сил. Ведь он еще не пришел в себя после тяжелых переживаний в

Сибири.

– Я знаю и помню об этом, Салли, – ответил Томек. – Я говорил на эту тему с отцом. Он считает, что трудности экспедиции только закалят Збышека.

– Твой папа всегда думает обо всем, – сказала Салли.

Беседуя так, Томек и Салли подошли к кострам, у которых намеревались провести ночь носильщики-папуасы. Они как раз кончали ужин. Как всегда после обильной еды у них было хорошее настроение. Они зажарили на костре поднесенную им Смугой свиную тушу и по-братски разделили ее между собой. Одни туземцы еще копались в пепле костра, выискивая оставшиеся бататы, ели их запивая водой из импровизированных кружек, свернутых из листьев, другие – жевали бетель, коллективно курили трубки, или, лежа у костров расчесывали волосы бамбуковыми гребешками, похожими на искривленные вилки.

Сосуд из дыни для хранения бетеля

Молодой Айн'у'Ку важничал среди папуасов. Одетый в слишком большую для его роста сорочку Томека, спускавшуюся у него ниже колен, он что-то громко говорил соплеменникам на своем гортанном языке. Довольно большая группа папуасов молча и сосредоточено прислушивалась к его словам, потому что в стране, где все ходят нагишом, одежда придает человеку важности. Поэтому гордый Айн'у'Ку ежеминутно оглядывал и оглаживал расстегнутую на груди рубашку, и не выпускал из рук незаряженного карабина.

Вдруг один из туземцев стал напевать меланхолическую песню. Несколько других сейчас же подхватили мелодию. Папуасы вскочили и начали танцевать вокруг костров. Темно-коричневые, нагие силуэты туземцев среди голубоватого дыма многих костров были похожи на фантастические, колышущиеся тени.

Салли с тревогой наблюдала за танцами. С самого начала

похода от Порт-Морсби, ужин туземцев всегда кончался коллективным танцем, продолжавшимся до глубокой ночи. Салли обратилась к Томеку.

– Послушай, Томми, я опасаюсь, что наши носильщики скоро совсем выбьются из сил. Ведь они почти не отдыхают после дневных маршей.

– Ты опечалена тем, что они танцуют? – спросил Томек.

– Вот именно...

Томек улыбнулся и ответил:

– Не беспокойся за них! Если туземцы танцуют, это значит они наелись и веселы. Хороший знак для нас. Ведь мы опасались, что они завтра откажутся нести наш багаж дальше. А завтра мы уже очутимся на землях, куда не заглядывают офицеры и чиновники губернатора.

– Ага, это потому Смуга распорядился выдать туземцам на ужин целую свиную тушу? – догадалась Салли.

– Да, моя дорогая! У туземцев мясо считается настоящим лакомством. В Новой Гвинее почти не водится крупный зверь. Поэтому папуасы поневоле вегетарианцы[77] и не отличаются мощным строением тела. Их повседневная пища – бататы, таро, дикая фасоль, кукуруза, огурцы, корни некоторых кустарников, сахарный тростник, бананы, плоды пандануса[78], а по большим праздникам – ямс. Туземцы разводят свиней, но колют их только в очень торжественные дни. Иногда тому или другому из охотников удастся подстрелить попугая, дикого голубя или райскую птицу. Бывает, что охотник подстрелит небольшого медведя коала, казуара или дикого кабана, вот и все, что здесь можно встретить.

– Откуда ты знаешь все эти подробности? – удивленно спросила Салли.

– Вчера вечером я долго слушал в палатке беседу отца с Бентли. Ты же знаешь, что мой папа собирает научные материалы.

– Конечно, я это знаю! Когда он примется рассказывать о разных странах, то слушаешь и не наслушаешься. Я готова слушать его до утра, не смыкая глаз.

– Я тоже, но теперь вспомни, что тебе приказал Смуга. Время спать. Завтра у нас тяжелый день.

– Томми, милый, позволь мне остаться еще немного, хорошо?

– Только на минутку. Посмотри, на небосклоне показалась луна!

Как раз в это время из-за вершин горной цепи выглянул сияющий край лунного диска. Было полнолуние и огромный блестящий, с красноватым оттенком шар, медленно поднимался

по серебристо-белесому небу.

Откуда-то снизу, из-за холмов покрытых джунглями послышался тягучий вой. Эхо разносило его по склонам гор, и вскоре во многих местах раздался ответный вой, протяжной звук которого терялся где-то вдали. Салли испуганно придвинулась к Томеку. Он покровительственно обнял ее и сказал:

– Не бойся, это ново-гвинейские собаки воют на луну.

– Собаки!.. Дикие псы?.. – недоверчиво шепнула Салли. – Томми, а может быть это и в самом деле неизвестные существа призывают друг друга ночью в джунглях?

Томек улыбнулся.

– Забудь о наивных рассказах суеверных туземцев! – ответил он. – Возможно в джунглях Новой Гвинеи кроются нераскрытые еще тайны, но можно быть уверенным, что там нет ни чудовищ, ни духов. Зловещий вой, который мы слышим, это голоса собак, обитающих в туземных деревнях.

– Ты думаешь?..

– Можешь мне верить, – убеждал девушку Томек. – Один путешественник говорил Бентли, что близ Мерауке[79] в лунные ночи он часто слышал завывание домашних собак, которое всю ночь сопутствовало луне в ее путешествии по небосклону. Псы Новой Гвинеи отличаются тем, что совершенно не умеют лаять и воют во время восхода луны.

– Томми, австралийские дикие псы, динго, хотя и лают, но их лай тоже переходит в неприятное завывание, – заметила Салли, несколько успокаиваясь.

– До сих пор не установлено родственны ли здешние псы австралийским динго. Во всяком случае они появились в Новой Гвинее вместе с людьми и до сих пор не потеряли с ними связи, а вот австралийские динго теперь совершенно одичали.

В этот момент у их ног раздалось тихое подвывание. Салли нагнулась, чтобы погладить своего любимчика и сказала:

– Милая собачка, думала, что мы говорим о ней.

В ответ Динго потерся лбом о ее колени и тихо залаял, глядя на Томека.

– Молодец, Динго. Он пришел напомнить, что его хозяйка уже давно должна лежать в постели, – сказал Томек. – Спокойной ночи, Салли!

– Спокойной ночи, Томми! Динго, проведи меня домой!

– Динго, береги хозяйку, чтобы ей не приснились злые духи джунглей, – шутливо сказал Томек, ласково гладя собаку по голове.

– Дорогой Томми, когда ты и Динго находитесь вблизи. я почти ничего не боюсь.

Салли и Динго исчезли в палатке. Томек уселся на камень; окинул взглядом стоянку, В палатках погасли огни. Его друзья уже спали. Среди туземцев тоже восстанавливалась тишина. Пение и танцы кончились. Папуасы один за другим ложились около костров и засыпали. Но сон их был и не глубок, и не долог. Время от времени кто-нибудь из них поднимался и подбрасывал в костер несколько веток валежника, потому что в горах ночи были довольно холодны.

Томек вглядывался в темную даль. На светлом фоне неба выделялись вершины горных цепей. Вниз, в долину, простирающуюся у его ног, медленно спускался туман. В лагере уже умолкли песни. Слышалось только звонкое монотонное пение ночных сверчков.

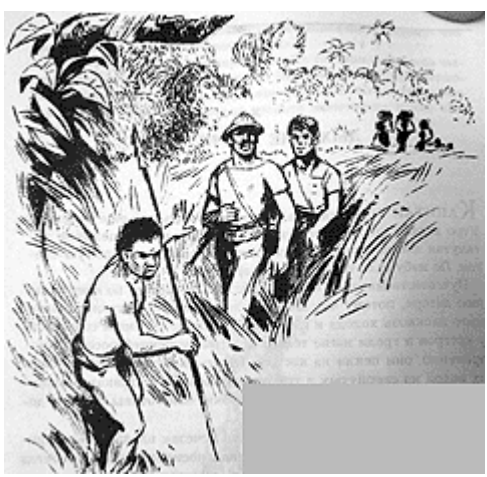
X
Дыхание джунглей

Капитан Новицкий дал сигнал к подъему еще затемно. Утро встало холодное и туманное. Долина внизу, целиком затянутая дымкой тумана, походила на равнину, покрытую снегом. По небу шли низкие, кучевые облака.

Путешественники с охотой взялись за работы по свертыванию лагеря, потому что это несколько спасало от пронизывающего насквозь холода и сырости. Иззябшие туземцы собрались у костров и грели нагие тела, покрытые утренней росой. Одновременно, они пекли на кострах бататы и завтракали, запивая их водой из свернутых в трубку листьев. Позавтракав и выкурив оригинальные бамбуковые трубки, они готовы были в дорогу.

Тучи вскоре разошлись, медленно исчезая вдали. Стало припекать солнце, разгоняя туман. Среди носильщиков, как всегда при распределении груза, возникла суматоха. Каждый из них пытался заполучить себе по возможности легкую и удобную ношу, так что Смуге, с помощью усердного Айн'у'Ку, пришлось довольно долго наводить порядок.

Неизведанная и совершенно дикая дорога вела поначалу по ровной возвышенности, поросшей остролистной травой кунаи, достигающей высоты почти человеческого роста. Широкая равнина, покрытая травянистой растительностью напоминала зеленовато-желтое море, совершенно неподвижное в безветренную погоду, над которым, здесь и там, как и в австралийской степи, поднимались вверх островки эвкалиптовых деревьев.



Поход через саванну, поросшую травой, в которой низкорослые туземцы скрывались с головой, вынудил Смугу предпринять особые меры предосторожности. Экспедиция шла по местам, совершенно не исследованным белыми, куда не заходили даже военные патрули, а в траве кунаи легко было нарваться на засаду. Ведь губернатор Порт-Морсби говорил, что часто в мнимо безлюдной степи путешественников встречал град отравленных стрел и копий. Поэтому Смуга построил караван по-походному. Вместе с Томеком и Динго он выдвинулся несколько вперед, составив авангард. Они внимательно следили за поведением пса, который не раз в прошлом предупреждал их об опасности. Томек и Смуга внимательно всматривались в дрожащее марево на горизонте и тщательно оглядывали местность вокруг; время от времени один из них становился на плечи другому и через бинокль изучал окрестности.

За ними впереди каравана ехали Вильмовский и Бентли. Затем следовали девушки в обществе Бальмора и Карского; далее тянулась цепь туземных носильщиков, идущих гуськом. Арьергард каравана состоял из капитана Новицкого и двух мельбурнских препараторов, Станфорда и Уоллеса. В таком порядке караван шел несколько часов.

К полудню равнина стала переходить в холмистую местность. Саванны низменности все чаще уступали место лесистым холмам, которые вскоре перешли в отроги главной горной цепи являющейся как бы становым хребтом всего острова. Вдали, на горизонте вырастая основной массив горной цепи, с отдельными высокими вершинами, выделяющимися на фоне раскаленного добела неба, как древние рыцарские замки.

Смуга довольно долго любовался горным пейзажем. Потом обратился к Томеку;

– Не понравится это нашему капитану... Он не любитель лазить по горам.

– Горы всем нам за шкуру влезут, – ответил юноша. – Однако прежде чем мы дойдем до них, нам придется пробиться через джунгли. Я только что видел джунгли в бинокль.

– Ты прав, в этой стране нам скучать не придется.

– Я как раз сегодня утром об этом думал, – сказал Томек. – Нам удалось хорошо ознакомиться с островом от моря, а теперь мы знакомимся с ним, так сказать, изнутри.

– Давай задержимся на том холме и подождем подхода каравана, – предложил Смуга. – У нас есть в запасе немного времени. Прошу тебя, расскажи о своих наблюдениях. Интересно, отличаются ли они от моих?

– Хорошо! На последней нашей стоянке я сделал в путевом

журнале следующую запись относительно топографии[80] Новой Гвинеи.

Томек уселся на камень; достал из кармана записную книжку и стал читать:

> "Южное побережье острова с обеих сторон отличается обрывистыми, влажными берегами, за которыми простирается холмистая местность, поросшая травой кунаи, с редкими, отдельно стоящими деревьями. Если идти с юго-восточного края острова по направлению на запад, то в низких местах можно встретить кокосовые пальмы и великолепный буш. За ними простираются обширные болота, по которым текут крупные реки, позволяющие проникать в глубь болотистой местности.
>
> К северо-западу от юго-восточного побережья в глубь острова ведут холмистые саванны, поросшие коварной травой кунаи и группами диких фруктовых и эвкалиптовых деревьев. По мере удаления от берегов, саванна постепенно переходит в сильно пересеченную местность и исчезает у подножия горных хребтов, отрогов главной цепи, проходящей через весь остров с востока на запад. Горные склоны и долины покрыты тропическими джунглями".

– Ты очень верно описал природу и строение острова, Томек, – похвалил Смуга. – Я с тобой совершенно согласен. Продолжай тщательно записывать все, что достойно внимания, ведь мы входим в совершенно неизведанные края.

– Приму это во внимание, – ответил юноша. – Но вот, подходят наши.

– Все ли в порядке, Ян?! – воскликнул встревоженный Вильмовский, который вместе с Бентли быстро выдвинулся вперед.

– Пока что да. В порядке! – ответил Смуга. – Впереди начинаются джунгли. Нам надо сплотить ряды, и не растягиваться в слишком длинную колонну.

Некоторое время караван продолжал идти по широкой долине, но вскоре группы эвкалиптовых деревьев превратились в сплошную колоннаду древесных стволов, окрашенных в светлые тона от красноватого до желтого. Экспедиция была уже на пороге джунглей, которые вскоре показались перед ней во всей красе.

Наташа, Збышек и Джемс Бальмор впервые очутились в тропическом лесу. Пораженные его величием, они умолкли и даже несколько испугались его вида. Они представляли себе

джунгли как некую труднопроходимую сумрачную чащу деревьев, кустарников и лиан[81]. В действительности же они очутились среди высоких, слабо разветвленных деревьев с редкими листьями, благодаря чему они пропускали достаточно света. Даже там, где лианы сплошь опутали верхушки деревьев, солнечные лучи, отражаясь от толстых, блестящих, кожистых листьев освещали джунгли тонкими полосками света и мерцающими бликами.

Вопреки представлениям молодых друзей Томека, джунгли отнюдь не были одинаковыми по виду и колориту. Над вершинами низких деревьев вздымались высоко вверх настоящие лесные великаны, что вызывало суеверную тревогу. Кроны различных, растущих рядом деревьев поражали разнообразием форм; одни из них были конусообразными, другие круглыми, третьи и четвертые узкими или наоборот широкими. Отдельные стволы резко выделялись своей светлой окраской от зелени подлеска. Деревья редко врастали в землю глубокими корнями. Чтобы, однако, противостоять сильным бурям, они широко простирали когтистые корни по поверхности земли, иногда из середины ствола выпускали так называемые придаточные корни, которые внизу поддерживали дерево, опираясь о землю, иногда корни срастались сплошной стеной, создавая мощные, вертикальные ограждения, за которыми удобно было скрываться и людям, и животным.

Разнообразные лианы, которые в зоне умеренного климата принадлежат к травянистым растениям, здесь, благодаря обилию солнечного света и влаги в большинстве случаев превращаются в древесные виды. Они обвивают стволы деревьев, их ветви переходят с одного, дерева на другое, опоясывают одеревенелые стебли бамбука, достигающие нескольких метров высоты. Стебли лиан, иногда толщиной в руку, похожи на прочные витые канаты или на плоские изогнутые пояса. Некоторые из них душат[82] в своих объятиях дерево-кормильца, которое начинает сохнуть с вершины.

Обилие влаги и света благоприятствует развитию эпифитных растений, то есть проводящих всю свою жизнь на других растениях. В отличие от паразитов, эпифиты питаются не за счет соков других растений, а получают пищу из окружающей среды. Некоторые виды эпифитных водорослей, папоротников и мхов растут прямо на земле, другие устраиваются на толстых, горизонтальных ветвях деревьев, в трещинах коры и в изгибах лиан. Кроме споровых растений, на деревьях селились также сосудистые – папоротники и цветоносные. Благодаря этому джунгли походили на огромную оранжерею, наполненную

тяжелым ароматом цветов, свисающих с деревьев ярко-желтыми и ярко-красными фестонами. Молодые путешественники восхищались видом разнообразных по цвету орхидей, головки которых выглядывали из зеленой чащи.

Белые какаду

– Какие красивые орхидеи! – воскликнула Салли, останавливаясь у свисающей ветви дерева. – Томек, достань мне хотя бы один цветок!

Но юноша, вместо того, чтобы исполнить просьбу Салли, резко оттолкнул ее и прежде чем она сумела сообразить в чем дело, одним ударом приклада штуцера размозжил голову зелено-желтой древесной змее.

Салли побледнела, но быстро совладала с собой и сказала:

– Ах, Томми! Ты напрасно ее убил, ведь она, кажется, не ядовитая.

– Ты права, но я это сделал инстинктивно, – ответил Томек. – С тех пор, как я тебя нашел, заблудившейся в австралийском буше, ненавижу змей. Все мы тогда очень боялись, что тебя укусила ядовитая гадина.

– Ты все еще помнишь это? – обрадовалась Салли и обняла Томека.

– Динго тоже пострадал от укуса ядовитой змеи в Африке. Ведь он тогда, вероятно, спас мне жизнь, – добавил Томек.

Слушая эту беседу, старшие члены экспедиции улыбались, а толпа папуасов окружила Томека и Салли, приветствуя их криками радости. Предприимчивый Айн'у'Ку успокоил носильщиков и, радуясь не меньше их, спрятал еще судорожно дергающееся тело змеи в свою корзину с продуктами.

– Молодой мастер хороший глаз, быстрый рука, ол райт, – удовлетворенно сказал он. – Вечером моя изжарит змея. Моя будет хороший ужин, ол райт.

– Томек, неужели он и в самом деле собирается есть эту гадость?! – недоверчиво спросил Збышек.

Прежде чем Томек успел дать ответ, послышался зычный голос капитана Новицкого, который как раз подошел во главе

арьергарда.

– Что ж тут удивительного? Африканские негры тоже пожирают змей. У них это большое лакомство! В свое время я тоже пробовал съесть кусочек. Мясо – белое и вкусом напоминает угря.

– В самом деле? Вы не шутите?! – возмутился Джемс Бальмор. – Думаю, что цивилизованный человек не притронулся бы к такой гадости!

– Видимо, наш капитан «дикарь», – шутливо заметил Томек. – Во время многочисленных экспедиций он приобрел странные вкусы. Например, в Хотане, в Китайском Туркестане, он с удовольствием лакомился пиявками в сахаре, которых я ему подбрасывал со своей тарелки в качестве закуски.

– Ты, браток, прекрасно это придумал, – признался капитан. – Благодаря этому я выиграл дуэль на рюмки со знакомым Пандита Давасармана, потому что пиявки, будучи обитателями вод, непрерывно возбуждали у меня жажду.

– Что ж, обладая столь неприхотливыми вкусами можно не умереть с голоду даже в джунглях, где обычно мало съедобной дичи. Зато здесь множество насекомых, пауков, членистоногих, огромных дождевых червей, ужей и ящериц, – с притворной серьезностью вмешался Бентли.

– Эти яства я еще не пробовал, но кто знает, как это будет, когда кишки начнут играть марш? – ответил Новицкий.

– В путь, господа, в путь! – скомандовал Смуга. – Скоро вечер, и нам надо выбрать место для ночлега.

Густой и высокий подлесок сильно затруднял движение по джунглям. Здесь, как и всюду в светлых лесах, преобладали папоротники с вертикально расположенными листьями. Среди них часто встречались древовидные папоротники, увенчанные большими кронами листьев, достигавшие большой высоты и часто поддерживаемые придаточными корнями. Встречался также и бамбук, разные виды бегонии с яркими листьями странной формы и другие, неизвестные нашим путешественникам, растения с пестрыми хвостатыми листьями, обсыпанные цветами и разноцветными плодами.

Теперь впереди каравана шли два туземца, вооруженные длинными ножами. Им приходилось прорезать ими дорогу среди колючего кустарника, состоявшего преимущественно из панданусовых растений. От колючек, которыми усеяны стволы панданусов очень страдали нагие туземцы. Кроме того, различные насекомые впивались в кожу между пальцами босых ног папуасов, причиняя им немалые страдания.

Несколько часов ходьбы по тропическим зарослям сильно

измучили путешественников. Поэтому они все чаще стали спотыкаться о корни и камни, с трудом перебирались через поваленные бурей стволы деревьев, которые были так изъедены разными насекомыми и грибами, что рассыпались в прах, даже под легким давлением ноги. Они уже не могли любоваться белыми чашечками цветущих розелл с красными лепестками цветов. Громкие крики попугаев казались им издевательским смехом птиц, удивленных бессилием людей перед лицом грозной мощи беспредельной тропической пущи.

Однако Смуга не обращал внимания на усталость девушек и непрерывно требовал ускорить шаг. На этой географической широте, как правило, погода к вечеру ухудшалась. Вечерние дожди выпадали здесь ежедневно, притом с удивительной регулярностью, независимо от поры года, причем в период дождей шли дольше и были интенсивнее. На небосклоне, который просвечивал между кронами деревьев уже виднелись темные тучи.

Смуга хотел разбить лагерь еще до начала дождя; всем путешественникам необходимо было хорошенько отдохнуть. Поэтому, как только он заметил холм с росшим на нем мощным деревом с раскидистой кроной, он дал сигнал остановиться на ночлег.

Белые путешественники немедленно взялись за разбивку палаток, для которых выбрали место в тени дерева; туземцы принялись рубить ветви кустарников, из которых строили себе шалаши для укрытия от дождя. Развели костер. Прежде чем девушки выбрали продукты к ужину, первые, крупные капли дождя с шумом упали на твердые листья дерева-великана. Молния прорезала черные тучи, по окрестным горам прокатилось эхо грома. На землю ручьем полился дождь. Костер погас. Мужчины стали крепить расчалки палаток, спасать от дождя багаж экспедиции. Острые слова команды Смуги кое-как удерживали порядок среди работающих, но порывистый ветер срывал брезент, причинял новые беды. Вскоре все промокли до нитки. У подножия холма образовался шумный ручей. Под ударами бури деревья в джунглях клонились долу и зловеще трещали. Вой ветра в лесу наполнил его таинственными звуками и голосами.

– Все – в палатки! – скомандовал Смуга, убедившись, что старания путешественников напрасны, потому что тропический ливень усилился, и им не избегнуть урона в багаже от бури и дождя.

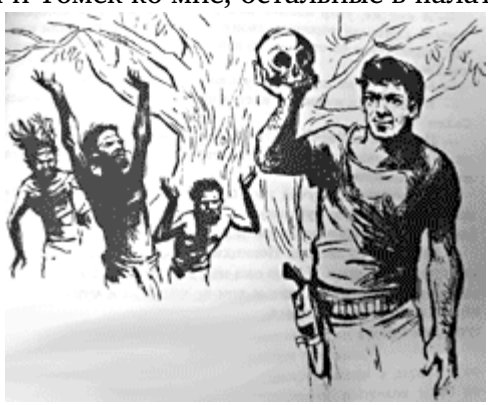
Как вдруг над самым холмом небо разверзлось ослепительной молнией. Раздался оглушительный гром.

Огненный шар ударил в огромное дерево, стоявшее на вершине холма. Столетний великан в одно мгновение превратился в пылающий факел. В лагере послышались крики испуга; с вершины расколотого ствола на головы путешественников полетели горящие ветки и... человеческие черепа и кости.

Жуткие подарки, посыпавшиеся с дерева во время сильной бури, произвели потрясающее впечатление. При свете молний лагерь казался разрытым кладбищем. Испуганные девушки спрятали лица на груди Вильмовского, случайно оказавшегося вблизи; Джемс Бальмор побледнел, казалось он сейчас упадет в обморок; Збышек Карский и остальные стояли ошеломленные близким ударом молнии и падающими вокруг человеческими останками.

Один лишь Смуга не потерял присутствия духа. Он сразу же сообразил, какое впечатление произведет на суеверных туземцев этот странный случай. Поэтому, как только понял, что все его товарищи целы и невредимы, Смуга, стараясь перекричать шум бури громко скомандовал:

– Новицкий и Томек ко мне, остальные в палатки.



– Сто дохлых китов в зубы! – выругался Новицкий. – Что за дьявольская идея, бросать в человека мертвыми башками, как мячами?!

– Я в первый момент испугался, – добавил тяжело дыша Томек, так как ветер мешал ему говорить. – Что это вы держите в руке?!

Новицкий подсунул приятелю под нос человеческий череп и сказал:

– Мне это ударило в спину!

– Ужасный подарок... – буркнул Томек, недоверчиво поглядывая на треснувший, горящий ствол дерева.

– Надо успокоить туземцев, – крикнул им Смуга. – Они наверное перепугались... Утром не оберемся хлопот с ними.

Прежде чем три друга очутились в большой палатке, где их

товарищи готовили ужин, прошло немало времени.

– Носильщики очень перепуганы? – обратился к друзьям вошедший в палатку Вильмовский.

– А как же, удар молнии как раз в то дерево, на котором жители джунглей хоронили своих мертвецов они приняли как предупреждение со стороны духов умерших предков, – ответил Смуга.

– Мы все не на шутку испугались, – заметил Бальмор.

– Я впервые в жизни по-настоящему боялась, – призналась Салли.

– Придется нам всю ночь сторожить лагерь, – сказал Бентли. – Если носильщики нас оставят, мы окажемся в очень тяжелом положении.

– С нами такой случай уже был в Африке, – заметил Томек, снимая мокрую рубашку. – К счастью, здешние туземцы боятся ходить ночью по джунглям.

– Верно, – согласился Новицкий. – Они сидят в шалашах, как суслики в норах. Ночью они нам не подстроят каверзы.

– Я с вами согласен, ночью они не уйдут, а к утру придется их как-нибудь воодушевить, – сказал Смуга. – Они очень суеверны.

XI
«Таинственные силы»

Буря прекратилась только к вечеру, когда уже совсем стемнело. На безоблачном небосклоне засияла луна. Цикады начали свою монотонную песню.

Путешественникам пришлось взяться за уборку лагеря. Они собрали упавшие с дерева человеческие останки и закопали их в яму. Потом привели в порядок багаж, уложив его так, чтобы не подмок. Развесили одежду на веревках для просушки. Спать легли только поздней ночью, выставив часовых.

Смуга опасался, что случайный удар молнии в дерево с останками покойников испугает суеверных папуасов и те откажутся идти дальше. Поэтому он решил вместе с Новицким и Томеком не ложиться спать этой ночью, чтобы при случае помешать носильщикам бежать ранним утром. Сопровождаемый Динго, он обошел лагерь, и сел у костра рядом с друзьями. Задумавшись, стал набивать трубку табаком.

– Разнюхали что-нибудь новое? – шепотом спросил Новицкий.

– Во всяком случае, для нас ничего хорошего, – ответил Смуга. – Носильщики собираются по несколько человек у костров, будто бы для того, чтобы выкурить трубку и, если никого из нас нет вблизи, о чем-то советуются вполголоса.

– Вы правы, после такого совещания они могут заартачиться. Не надо было устраивать стоянку под деревом-кладбищем.

– Откуда мы могли знать, что на дереве лежат останки покойников? – возразил Томек. – Наши носильщики тоже ничего не знали. Трудно перед выбором места на ночлег осматривать в джунглях все соседние деревья...

– Ты помнишь, браток, похороны Черной Молнии в Мексике? Индейцы тоже положили его тело на ветви дерева, – сказал Новицкий.

– Правильно, капитан! Обычай хоронить покойников на деревьях довольно распространен среди первобытных племен.

– Черти меня берут, как подумаю, что эти кости лежали здесь на дереве спокойно многие годы, и как раз сегодня вздумали посыпаться на наши головы, – возмутился Новицкий. – Видно какой-то дьявол наслал на нас эту бурю!

– Дорогой капитан, наши носильщики думают так же, как вы, – заметил Томек и тихонько засмеялся.

Смуга тоже улыбнулся, потому что знал суеверие добродушного моряка. Выпустил из трубки синее облачко

табачного дыма и спросил:

– Время уходит, Томек. Не придумал ли ты какой-нибудь волшебный трюк для наших носильщиков?

– Есть у меня одна идейка, – ответил Томек, хитро улыбаясь.

– Фокус? Какой? – заинтересовался моряк.

– Не сразу, капитан, не сразу! – возразил Томек. – Волшебники неохотно делятся своими секретами с другими!

– Руки у меня чешутся, как услышу твои шутки, – с нетерпением сказал Новицкий.

Хорошо зная слабости капитана, Смуга улыбнулся. Томек подмигнул Смуге, но удовлетворить любопытство Новицкого не спешил.

– Говори, браток, что ты выдумал!

Томек помолчал еще немного, поддразнивая капитана, но потом сжалился над ним и сказал:

– Что ж, по старому знакомству скажу только, что я намерен пригрозить туземцам большим несчастьем. Я подожгу воду в ручьях и реках.

– Ой, браток, не говори чепухи! Хотя я и знаю, что ты хитрющая лисица, но боюсь, что близкий удар молнии развалил клепки в твоей башке! Ведь тебе придется доказать им, что можешь поджечь воду, но это же ерунда!

– Сразу видно, что вы не очень прилежно учили физику в школе, – отрезал Томек, – Весь фокус – проще простого и даже, можно сказать, наивен. Достаточно использовать различие в удельном весе двух жидкостей.

– Скажите, Смуга, что за околесицу несет этот парень? – спросил сбитый с толку моряк.

– Он совершенно прав, – ответил Смуга, который сразу догадался что решил предпринять Томек. – Хорошо, согласен, горящая вода может поразить воображение туземцев.

– Послушай-ка, браток, возьми меня в помощники. Ты знаешь, что меня хлебом не корми, только дай позабавиться фокусами, – обратился Новицкий к Томеку.

– Что вы думаете об этом? – притворяясь серьезным, спросил Томек у Смуги.

– Если не согласишься на просьбу капитана, я сам готов сгореть от любопытства, – ответил Смуга.

– Что ж, нельзя рисковать жизнью столь важной личности. Хорошо, согласен, будете мне помогать,

Обрадованный капитан хлопнул Томека по спине, нагнулся к нему и воскликнул:

– Ну, теперь говори!

Смуга снова набил табаком трубку. Искоса взглянул на

Динго. Пес спокойно лежал у костра. Он только время от времени поднимал голову, прядал ушами и вслушивался в тишину ночи.

Новицкий вел с Томеком тихую беседу. Он удовлетворенно похлопывал его по спине и торжественно обещал образцово сыграть свою роль.

Завтракали путешественники на рассвете. У костров, где собрались туземцы царила тревожная тишина. Сегодня они не очень спешили к завтраку. Они передавали из рук в руки длинные, толстые бамбуковые трубки. Не выполняли приказаний Айн'у'Ку. Наконец один из носильщиков встал. Его примеру последовали еще несколько человек. Они подозвали Айн'у'Ку и стали что-то объяснять ему. Встревоженный бой бросал смущенные взгляды в сторону белых путешественников; в конце концов, он подошел к ним в сопровождении толпы носильщиков.

– Они не идти дальше, мастер, ол райт! – кратко заявил Айн'у'Ку. – Они требовать деньги сейчас, ол райт.

– Договор был, что они дойдут с нами до Пополо, – ответил Смуга. – Скажи им, что плату они получат только в Пополо.

Айн'у'Ку перевел носильщикам слова Смуги. Они долго советовались друг с другом, после чего один из них обратился к бою.

– И что же они решили? – кратко спросил Смуга.

– Они дальше не идти, они вернуться без плата, ол райт, – ответил Айн'у'Ку.

– Почему они срывают договор? – продолжал спрашивать Смуга.

– Духи говорят: не идти дальше. Идти дальше, кости твои лежать на земле. Духи послать гром и предупредить, ол райт, – пояснил бой.

– Мы не позволим никому обидеть наших носильщиков. В Пополо они получат плату и вернутся в свои деревни. Скажи им это, – приказал Смута.

Несмотря на длительные убеждения боя, который, видимо, пользовался и своими собственными аргументами, ему не удалось переубедить носильщиков. С их стороны последовал лаконичный ответ:

– Духи говорят не идти дальше. Канак не идти, – перевел Айн'у'Ку. – Злые духи делать так, что канак погибнуть! Дальше джунгли жить очень много злой людей.

– Злые люди ничего вам не сделают. У нас есть карабины, а духов мы успокоим своими заклинаниями. Скажи им, что с нами они будут в полной безопасности и могут не бояться, – ответил Смуга.

Айн'у'Ку перевел туземцам слова Смуги. С сомнением кивая

головами, они снова стали долго совещаться. В конце Айн'у'Ку объявил решение:

– Они говорить мастер не есть шаман, мастер не может заклинать злые духи. Плохие люди боятся только колдовство, ол райт!

– Мы сильнее ваших злых людей и духов, – резко заявил Смуга. – Если носильщики не пойдут с нами в Пополо, мы сожжем воду в реках. Вы все умрете от жажды...

Айн'у'Ку недоверчиво повторил туземцам слова Смуги. На этот раз он вызвал только кратковременный спор и смех. Полностью сбитый с толку, бой сказал:

– Мастер не может гореть вода, вода гасить огонь, ол райт!

– Ах, вы так считаете? Прекрасно, мы вам покажем нашу силу. Дай одному из них ведро, пусть принесет воды из ручья!

Приказ был исполнен незамедлительно, потому что капитан Новицкий вручил ведерко самому старшему носильщику. Прежде чем тот вернулся с ведром воды, весть о колдовстве разнеслась по всему лагерю.

Любопытные туземцы мигом окружили Смугу, который с совершенно равнодушным видом курил трубку.

Обыкновенно папуасы носили воду в толстых бамбуковых стволах, закупоренных с обеих сторон деревянными пробками, поэтому туземец, неся воду в открытом ведре растерял по дороге чуть не половину ведра.

– Айн'у'Ку, скажи им пусть попробуют, вода ли это, – приказал Смуга, когда ведро очутилось перед ним.

Несколько носильщиков, зачерпнув пригоршнями воду, отпили немного и утвердительно кивнули головами в знак того, что у них нет сомнений. Впрочем, они видели, что воду принес из ручья один из их товарищей.

Не спеша, Смуга выбил пепел из трубки и подозвал Томека.

– Теперь очередь за тобой, дружище, – по-польски сказал он. – Сыграй свою роль так, как когда-то в Африке!

Томек кивнул головой и нагнулся над ведром.

– Почему так мало вода? – спросил он на ломанном английском языке, чтобы как можно больше носильщиков поняли его слова. – Моя зажигать целые реки! Айн'у'Ку, долей еще много-много вода! Дай мне ту, которую ты принес нам сегодня утром!

Капитан Новицкий только этого и ждал. Он немедленно подал бою ведерко. Туземцы, сгорая от любопытства теснее сплотились вокруг Томека, а их товарищ собственноручно долил доверху ведро, стоявшее перед Томеком.

– Теперь ваша хорошо смотреть! – громко сказал Томек. Он выпрямился перед ведром и, протянув вперед обе руки, стал

делать ими кабалистические знаки. Остановился в неподвижности и стал медленно произносить «заклятие» на польском языке:

"Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье,
Тот дорожит тобой, как собственною кровью.
Кто потерял тебя. Истерзанный чужбиной
Пою и плачу я лишь о тебе единой."[83]

Услышав такой «призыв к сверхъестественным силам», Смуга чуть-чуть не разразился смехом. Чтобы не выдать себя. он быстро спустил голову на грудь. Вильмовский покраснел и закрыл лицо ладонями. Збышек Карский от удивления широко открыл рот. Капитан Новицкий не хуже других своих соотечественников знал знаменитое произведение «Пан Тадеуш» Мицкевича и с превеликим трудом пытался сохранить подобающую серьезность. В конце концов, он овладел собой и воскликнул:

– Ах, чтоб тебя кит проглотил!

А Томек, не сводя глаз с толпы туземцев мрачным голосом закончил «заклинание» и воскликнул на ломанном английском языке:

– Вода гореть!

Медленно достал из кармана коробок со спичками, вынул одну из них. зажег и поднес к поверхности «воды» в ведре

Из уст папуасов вырвался стон ужаса и величайшего изумления. Вода в ведре горела ярким пламенем. Сгорбившись они с опаской, шаг за шагом стали отходить от ведра в котором пылала вода.

Из-под полуприкрытых век Томек следил за их поведением. Радуясь впечатлению, которое он вызвал у туземцев колдовством, Томек снял куртку и быстрым движением накрыл ведро. Через минуту открыл. Вздох облегчения вырвался у туземцев. Огонь погас.

– Спроси у них, Айн'у'Ку, пойдут ли они с нами теперь. Если не пойдут, я прикажу поджечь воду в ручье, – заявил Смуга.

Пораженный и испуганный невиданным колдовством бой, спешно обратился с вопросом к товарищам. На этот раз ответ был получен немедля.

– Теперь они все идут до Пополо, ол райт! – сказал бой. – Мастер много великий шаман!

– Уже поздно, быстрее распределяй багаж и в путь! – приказал Смуга. На этот раз носильщики без споров и пререканий брали на плечи багаж, по указаниям Айн'у'Ку; они все еще находились под впечатлением «колдовства» и обсуждали необыкновенное событие. Тем временем друзья окружили Томека.

– Томми, как ты это сделал? Я впервые видела такой фокус! – голосом полным восторга кричала Салли.

– Ты был великолепен! – восхищалась Наташа.

– Вода ли была во втором ведерке, поданном тебе капитаном? – с сомнением спросил Джемс Бальмор. – Видимо, в этом кроется весь секрет твоего фокуса?!

– Сегодня утром, как только я проснулся капитан затребовал у меня литр керосина... – сказал Збышек Карский.

– Я сразу догадался, – добавил Бальмор. – Должен сказать, что даже в цирке мне не приходилось видеть столь мастерски разыгранного фокуса!

– Если не захочешь писать книг, как тебе советовал Новицкий, то на старость у тебя будет еще одна специальность в руках! Можешь стать неплохим престидижитатором, – пошутил Збышек.

– Перестаньте насмехаться надо мной, – возмутился Томек. – Это же очень плохо, что на свете есть люди, которых можно одурманить подобными глупостями!

– Правильно, мы согласны с тобой, но ведь не мы виноваты в том, что колониальные правительства не заботятся о просвещении папуасов, которые отличаются суеверием и предрассудками, – ответил Збышек.

– Чем более отстали в своем развитии завоеванные народы, тем легче ими управлять, – серьезно сказала Наташа. – Подобную политику по отношению к туземным народам ведет и царизм в Российской империи. Но я верю, что скоро пробьет час их освобождения.

– Мы очутились в трудном положении, и у нас не было выбора, – вмешался Бальмор. – Никакие разумные аргументы не убедили бы так наших носильщиков, как непонятный им, но чудесный опыт с горящей водой.

– Только поэтому я и согласился проделать этот фокус, – сказал Томек. – Папа возражает против таких методов. Посмотрите, как он нахмурился.

– О, господин Вильмовский это весьма благородный человек, – сказал Бальмор. – Он наверное хорошо понимает наше положение и не винит тебя.

– Я это знаю, но мне все равно неприятно, – ответил Томек. – Напомните мне сегодня вечером, чтобы я рассказал вам, как в Африке мне пришлось применить подобный фокус для того, чтобы сломить сопротивление злого шамана, которому я потом объяснил в чем заключается мой опыт и рассказал об этом всем нашим носильщикам.

– Ты действительно здорово поддел этого шамана, – смеясь, признала Наташа.

– Я лишил его возможности обманывать наивных людей его племени, – закончил беседу Томек.

* * *

Караван опять шел полувоенным строем. Люди медленно взбирались на пологий горный склон по едва заметной, дикой тропе. По сторонам росли группы пандануса, похожих на огромные свечи с зелеными языками пламени.

Смуга и Томек значительно выдвинулись вперед. Время от времени они, дойдя до сравнительно чистого места, останавливались, и в бинокль смотрели не сбился ли караван с пути.

Салли, шедшая с группой молодежи, высмотрела Томека в авангарде, когда тот остановился на вершине скалы, чтобы через бинокль наблюдать за растянувшимся караваном, и воскликнула:

– Ого, они опять остановились и смотрят на нас в бинокль! Поэтому мы тоже можем минуту отдохнуть!

– Хорошо, носильщики отстали от нас, подождем пока подойдут – согласился Вильмовский.

Бентли присел на поваленный ствол дерева. Остальные последовали его примеру. Вильмовский раскурил трубку, молодежь стала с любопытством осматриваться вокруг. Среди многочисленных отрогов горной цепи, дремали туманные долины, по которым вились быстрые горные речушки. Глубокие долины и ущелья в горах манили взор своей кажущейся близостью, но в действительности, чтобы добраться до них, надо было совершить многодневный переход, то спускаясь, то взбираясь на крутые горные склоны. С вершины горного хребта, по которому пробирался вперед караван, казалось, что местность покрыта толстым, пушистым, зеленым ковром.

– Как же живописны эти вечнозеленые леса! – восхищенно

сказал Збышек. – Я прямо-таки не могу оторвать взгляд от этого великолепного и сурового ландшафта!

– Ты думаешь, что в тропическом лесу все деревья покрыты листьями, цветами и плодами непрерывно и всегда? – спросил Вильмовский.

– Конечно, ведь мне не раз приходилось читать книги путешественников, где они пишут о вечнозеленых лесах в жарких странах, – ответил Збышек. – То, что я теперь вижу, полностью подтверждает их сообщения.

Вильмовский снисходительно улыбнулся и сказал:

– И все же ты ошибаешься, мой дорогой! Рассказы о вечнозеленых джунглях – результат поверхностного с ними знакомства. Достаточно немного более тщательных наблюдений, чтобы убедиться в ошибочности такого суждения. Только немногие виды растений джунглей растут и развиваются непрерывно, у всех остальных существует ясно выраженный цикл интенсивного развития, чередующегося с отдыхом[84]. Причина ошибки заключается в том, что у разных пород чередование отдыха и развития не совпадает по времени. Поэтому в джунглях деревья временно сбросившие листья растут рядом с другими, у которых листва находится в стадии полного развития.

– Первый раз слышу об этом, – изумился Збышек. – Неужели путешественники, бывавшие в джунглях ошибались?

– Нет, они только исходили из поверхностных наблюдений. Поскольку в тропических лесах всегда преобладают деревья в полной стадии развития листьев, эти леса оставляют впечатление «вечно» зеленых. Зная, что деревья, принадлежавшие к одному и тому же виду цветут в разное время, эту ошибку легко понять. Но в тропическом лесу так бывает не везде и не всегда.

– Вот об этом я и хотел сказать, – вмешался Бентли. – Значительная часть растений отличается оригинальным свойством распускаться и зацветать в одно и то же время, даже в один и тот же день, притом на значительных площадях. Достаточно, к примеру, указать на орхидеи.

Беседа прервалась, потому что на тропе показался Айн'у'Ку во главе вереницы носильщиков. Бентли встал со ствола дерева, на котором сидел и сказал:

– Ну, пора в дорогу! Наши разведчики тоже, видимо, отдохнули!

Путешественники продолжали взбираться на вершину горного хребта и, в конце концов, очутились на узкой грани, висевшей над глубокой пропастью. Вокруг не было никаких следов пребывания человека. На совершенно дикой тропе лежал слой увядших и высохших листьев, под которыми

путешественникам угрожали ловушки в виде камней или корней деревьев, о которые они то и дело спотыкались. Огромные стволы деревьев покрывал мох, низко свисающие, сломанные бурями ветви заступали дорогу. Кроны густо росших здесь деревьев, смыкались вверху, создавая плотный покров, поэтому внизу царил полумрак, полный тревожной тишины.

В молчании караван пробивался через лесную глушь. Идущим впереди часто приходилось расчищать дорогу остальным, ножами срезая лианы. И только лишь около полудня, измученные путешественники со вздохом облегчения и радости увидели перед собой длинный мягко спускающийся вниз горный склон. Правда, и теперь приходилось с трудом пробиваться через чащу тропической зелени, но уже не было опасности, оступившись скатиться в пропасть. Все яснее слышался шум ниспадающих вод ручья, протекавшего внизу в долине. Лес постепенно редел, солнечные лучи стали проникать через листву, рассеивая полумрак.

Смуга дал знак остановиться на привал на берегу ручья. Ширина его здесь не превышала тридцати метров; перейти на противоположный берег можно было не замочив ног, перескакивая с камня на камень. Теперь, после сильного ливня накануне, вздувшиеся зеленоватые воды с шумом перекатывались через ослизлые обломки скал и поваленные стволы деревьев.

Сначала никто не думал о переправе или обеде, настолько все устали. Бальмор сразу же расстелил одеяло для девушек, мужчины уселись на замшелые камни и поваленные стволы. Смуга и Томек наблюдали за порядком среди носильщиков, которые складывали багаж.

Капитан Новицкий уселся рядом с Салли и сказал:

– Тебе еще не надоела эта дьявольская экспедиция? Вижу, Наташа уже спустила нос на квинту! Вы устали обе, но все же я советую проверить, не обсели ли вас эти противные зверьки.

– О каких зверьках вы говорите? – спросила Салли, подозрительно глядя на моряка, известного любителя шуток.

– Неужели вы сами ничего не заметили?! – удивился Новицкий. – С деревьев на нас сыпались пиявки, как бывало грушки в саду моего дедушки в Яблонне под Варшавой, а они ничего не заметили!

– Не пугайте нас, капитан! – воскликнула Наташа.

– Он не шутит, даю слово! – сказал Станфорд, который вместе с Новицким шел в арьергарде каравана. – Наши носильщики, почти всю дорогу сбрасывали с нагих тел противные создания! Они им особенно досаждали. Я заметил, что местность здесь роится от наземных пиявок[85].

– Верно, они так и кишели в траве, на кустах и деревьях, – добавил Новицкий. – И в самом деле умнейшие животины! Они умеют пронюхать близость жертвы на некотором расстоянии, потому что сыпались с листьев на наших нагих носильщиков целыми отрядами. Вы только посмотрите, как они их покусали!

Испуганные девушки тотчас же стали осматривать ноги, но к счастью, длинные ботинки с крагами и одежда спасли белых путешественников от нападения паразитических червей. В это время к группе беседующих подошел Томек; увидев, что девушки осматривают свою одежду, он спросил:

– Неужели вас покусали пиявки? Одна присосалась у меня к шее. Я не мог ее снять, пока она не напилась крови до отказа. Наташа, дай мне немножко ваты и марганцовки. Мне необходимо дать ее носильщикам, чтобы они промыли раны от укусов пиявок.

– Может быть, помочь тебе? – предложила Наташа.

– Спасибо, не надо, лучше отдохни. Мы со Смугой справимся без тебя.

– Это дело мужское, уважаемая! – сказал Новицкий. – Подожди, браток, я пойду с тобой! Ты же знаешь, что в случае нужды я могу даже пулю вырезать из раны. Сделаю только один глоток ямайского рома и буду готов!

Оказалось, что туземцы легко переносят боль. Из ран на их телах сочилась кровь. Кроме того, во время марша через джунгли под кожу им впились клещи и другие мелкие кровососущие насекомые. Папуасы срывали пиявок с помощью заостренных палочек и бамбуковыми ножами вырезали, впившихся под кожу клещей. Никто не жаловался и не показывал страданий. Смуга приказал Айн'у'Ку принести воды из ручья. Любопытные туземцы сейчас же окружили его плотным кольцом. Появление Томека и Новицкого еще больше подогрело их любопытство. Видимо, после утреннего показа «горения» воды они ожидали нового доказательства волшебной силы молодого мастера.

– Всыпь в ведро побольше марганцовки[86], – обратился Смуга к Томеку. – После укуса пиявок трудно остановить кровотечение из ран. Я думаю, что в слюне этих червей есть какое-то вещество, препятствующее свертыванию крови. Кроме того, им надо смазать марганцовкой между пальцами ног. Некоторые из них вырезали себе целые куски мяса, вместе с насекомыми.

– Хорошо, я сейчас приготовлю раствор, – ответил Томек, открыл банку с марганцовокислым калием и всыпал довольно большую дозу кислоты в ведро с водой.

В толпе носильщиков послышался глухой вздох удивления. Они смотрели на воду, которая приобретала все более темный, фиолетовый цвет.

– Мастер много великий шаман! – воскликнул Айн'у'Ку.

– Великий шаман! – как эхо повторили за ним остальные туземцы.

– Вот, брат, дела! – по-польски шепнул капитан Новицкий. – Голову даю на отсечение, что ты станешь здесь царем шаманов!

Трое друзей не покладая рук работали над дезинфекцией ран. Все носильщики стремились «намаститься» волшебной водой. Даже те, у кого не было открытых ран, чтобы не отстать от других наносили себе ножевые раны и бежали к нашим друзьям за новой порцией чудесной жидкости. Никакие убеждения не помогали. И только когда весь раствор был израсходован, путешественники могли уйти на заслуженный отдых.

XII
Долина Солнца

Путешественники отдыхали на берегу ручья. Туземцы начали подготовку к переправе на противоположный его берег. Они приволокли из джунглей несколько пучков длинных тонких лиан и сплели из них прочный, гибкий канат. Группа носильщиков направилась по берегу вверх по течению ручья. Когда они отошли примерно на расстояние 150 метров от места будущей переправы, один из туземцев подпоясался канатом, крепко связав его узлом, и бросился в пенистые воды ручья. Оставшиеся на берегу товарищи держали пловца, как бы на привязи и, постепенно отпуская канат, удлиняли конец, к которому был привязан смельчак. Громкие крики туземцев встревожили девушек.

– Этот человек тонет! – воскликнула Наташа, ладонью заслоняя глаза от солнечного света.

– Скорее, мы должны спасти его! – закричала Салли.

– Успокойтесь, пожалуйста, он не утонет, не бойтесь, – сказал Бентли наблюдая в бинокль за эволюциями пловца.

– Очень уж сильное течение и множество водоворотов... – продолжала Наташа. – Он утонет!..

– Ничего с ним не станется, ведь он на привязи. Конечно, если не нападут крокодилы, – ответил Бентли.

– Здесь водятся эти гадины?! – встревожился Новицкий.

– Черт возьми, мы забыли о крокодилах... – воскликнул Томек. – Один только Смуга стоит с винтовкой в руках. Капитан, пойдем к нему.

Через минуту Томек и Новицкий, вооружившись штуцерами подошли к Смуге.

– Молодец парень, – похвалил Новицкий туземного пловца. – Хоть он всего лишь сухопутная крыса, однако прекрасно себя чувствует в воде!

Не спуская взгляда с пенистых волн ручья, Смуга в ответ согласно кивнул головой. Сильное течение сносило пловца и он несколько раз перекувыркнулся в воде. Державшие канат туземцы бежали за ним вдоль берега ручья.

– Бентли говорит, что здесь есть крокодилы, – сказал Томек, внимательно исследуя взором обрывистые берега.

– С этим необходимо считаться, – ответил Смуга. – Думаю, что во время паводкового повышения уровня воды крокодилы попрятались в береговых норах. Они не любят слишком сильного течения.

Путешественники умолкли, потому что как раз пловец нырнул, чтобы обойти очередной водоворот. Прошло несколько секунд томительного ожидания, пока его кудрявая голова и коричневые плечи опять показались в пенистых струях воды, ожесточенно бившей в крутой берег. Сделав несколько сильных движений руками, пловец приблизился к обрыву, с которого свисали обнаженные корни деревьев. Ему удалось ухватиться рукой за ослизлый корень. Некоторое время он оставался в этом положении, потом одним мощным рывком подпрыгнул и ухватился второй рукой за корень. Медленно подтянулся на руках вверх, и ногами коснулся берега. Вскоре он очутился на суше. Отвязал канат, прикрепил его конец к стволу дерева, крепко затянул узлы; сделав это, он присел на землю, видимо для того, чтобы отдохнуть. На своем берегу носильщики последовали его примеру и тоже, привязав конец каната к дереву, уселись на отдых. Таким образом, через ручей был переброшен толстый канат, сплетенный из лиан, соединивший оба берега гибким мостом.

Весьма довольный Айн'у'Ку подошел к Вильмовскому и доложил:

– Много очень хороший мост готов, ол райт! Наша может идти, только смотреть на фуа[87], они много очень люди каи-каи, ол райт!

– Он с ума сошел! – возмутился Джемс Бальмор. – Через этот его «мост» даже канатоходцы не пройдут!

– Вы правы, а кроме того, он говорит, что здесь есть крокодилы, – поддержал Бальмора Новицкий.

– Смотрите, смотрите, они и в самом деле намерены переходить через ручей по канату! – встревожилась Наташа.

Хотя носильщики и не собирались устраивать цирковое представление, они все же деятельно готовились к переправе.

Собственное скромное имущество они привязывали лианами к голове, багаж крепили к длинным жердям. Два человека подхватывали одну такую жердь за оба конца и смело влезали в воду. Свободной рукой они придерживались за канат, протянутый через стремительный ручей и переходили на противоположный берег.

К счастью, ручей в этом месте был не глубок; вода доходила папуасам по грудь, а очень малорослым – по шею. Все они кричали как одержимые, надеясь этим отогнать крокодилов.

Первые носильщики уже выходили на противоположный берег, часть еще только-только входила в воду. Хуже всего обстояло дело с животными, взятыми в экспедицию для снабжения свежим мясом во время похода через джунгли, где

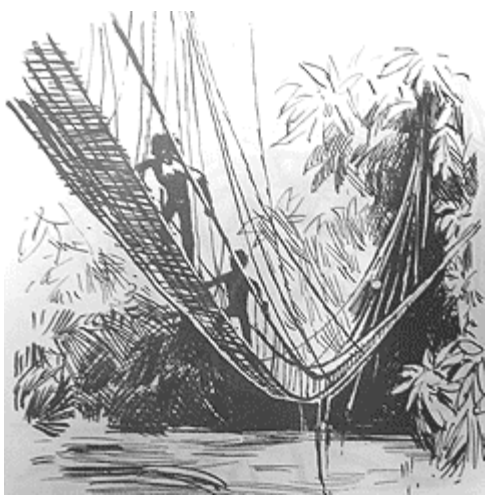
почти невозможно прокормить многочисленную группу туземцев одной лишь охотой на диких животных. Поэтому Бентли перед походом купил несколько живых свиней и пару десятков кур. Брать их с собой надо было в живом виде, потому что при тропической жаре не удалось бы сохранить их мясо в пригодном для еды состоянии. В походе, как и во время переправы, несчастных животных несли на жердях вниз головой, причиняя им невыносимые страдания.

– Сто дохлых китов в зубы! Бедные поросята захлебнутся в воде, – говорил капитан Новицкий, наблюдая за ходом переправы.

– Невозможно смотреть на это... – сказала Салли и отвернулась.

– Это жестоко, но мы не можем голодать сами и заставить голодать тяжело работающих носильщиков, – вмешался Смуга. – Я боюсь, что после такой переправы нам придется за раз съесть весь наш свежий провиант, а потом...

– Нечего заранее тревожиться, – перебил его Новицкий. – Давайте подумаем лучше, как мы переправим через ручей наших дам.



– Раньше во время переправ мы счастливо попадали на мелкие места, или перебирались по висячим мостам из лиан –

сказала Наташа. – Течение здесь очень сильное. Мы промокнем до нитки...

– А мы перенесем вас на другой берег, – предложил Томек. – Низкорослые туземцы уходят под воду почти с головой, но такой великан, как наш капитан, может этого не опасаться, вода ему достанет только до плеч. Мы смастерим что-то вроде паланкина, ручки которого можно будет взять на плечи. Вы и ног не замочите.

– Прекрасная идея, браток, – похвалил Новицкий. – Твой папаша почти одинакового роста со мной. Вдвоем мы их как-нибудь переправим. Давай, за работу!

Не прошло и получаса, как Новицкий с Вильмовским, неся на плечах паланкин, вошли в воду. Сидя на носилках, шатавшихся из стороны в сторону, Салли немного побледнела от впечатления, но вскоре, действительно не замочив ног, очутилась на другом берегу. Пришла очередь Наташи. Потом, примерно таким же образом, путешественники переправили оружие и амуницию. Одним словом, переправа прошла счастливо, без осложнений, и путешественники, не теряя больше времени отправились в дальнейший путь.

На следующий день, после перехода через еще более крутой, чем первый, горный хребет, караван очутился в широкой долине реки Дилава. Перед взором путешественников, которые много дней пробирались через мрачные, безлюдные леса, покрывавшие горные склоны, предстала живописная и заманчивая картина. В долине, наполненной светом и воздухом росли арековые пальмы[88], увенчанные султаном перистых листьев, дикие банановые деревья с большими, зелеными, постоянно дрожащими листьями, коричные деревья, издающие сладковатый запах[89], саговые пальмы[90], напоминающие великолепные колонны с капителями из длинных, расположенных веером листьев. То, что здесь росли саговые пальмы говорило о близости реки и плодородии почвы. Действительно, вскоре взорам путешественников открылись обработанные поля с посевами батата, таро и ямса.

Внезапно где-то вдали послышался тягучий звук, очень напоминающий гудение раковины, если подуть в нее, как в трубу. Смуга сразу же остановился и знаком приказал остановиться и Томеку. Они стали прислушиваться. Далекое гудение замерло где-то в отрогах гор.

– Смотрите! – вполголоса воскликнул Томек.

Смуга немедленно взглянул по направлению, показанному Томеком. Впереди над вершинами деревьев показалось дрожащее в мареве беловатое облачко, поднимающееся вверх.

– Это, пожалуй, какие-то великолепные, огромные мотыльки... – прошептал Томек, очарованный красивым явлением. Смуга приник глазами к окулярам бинокля.

– Нет, это не мотыльки! – сказал он. – Черт возьми, ведь это белые какаду[91]! Они живут стаями... Короткие хвосты, на головах желтые венчики... Да, это несомненно какаду! Кто-то вспугнул их с дерева...

– Думаю, что вблизи есть туземная деревушка, – заметил Томек.

– Ты, несомненно, прав, – согласился Смуга. – Надо подождать пока подойдут остальные.

– Видимо, кто-то притаился там, потому что птицы никак не могут успокоиться, – шепнул Томек.

Вскоре из-за холма показалась группа, шедшая во главе каравана.

– Что случилось, Ян? – спросил, подходя Вильмовский.

– Где-то вблизи находится человеческое поселение, – пояснил Смуга.

– В глубине долины, впереди, кто-то вспугнул стаю белых какаду. По-видимому, нас заметили туземцы, и теперь наблюдают за нами. Посмотрите на Динго! Он все время стрижет ушами!

– Мы слышали странный звук! Возможно, это был предупредительный сигнал, – добавил Томек.

– Я никак не предполагал, что в этой горной стране можно встретить столь очаровательные уголки, – удивленно сказал Збышек, любуясь пейзажем, открывшимся его взору.

– Настоящий райский уголок в океане сумрачных джунглей, – вмешался Бальмор.

Томек нагнулся к уху Збышека и шепнул:

– Видимо, капитан прав, утверждая, что Бальмор пишет стихи. Ты заметил, как он выражается?

Збышек утвердительно кивнул головой. Из-за холма показалась вереница носильщиков.

– Збышек, прошу вас потребовать от них, чтобы соблюдали тишину, и пришлите ко мне Айн'у'Ку, – распорядился Смуга.

Прежде чем Збышек успел выполнить приказание Смуги, носильщики сами прекратили монотонную песню. Они сразу же увидели, вертевшуюся в воздухе стаю какаду и поняли, что это значит. Носильщики, вооруженные копьями, сильнее сжали их в руках. Айн'у'Ку подошел к Смуге.

– По моим расчетам мы уже находимся на твоей родине, – сказал путешественник. – Узнаешь ли ты окрестности?

– Моя может узнает, а может нет, моя не знает, ол райт! – ответил босс-бой.

– Ты не уверен, ну что ж, трудно, идем дальше! Держите винтовки готовыми к выстрелу, но стреляйте только по моей команде, – сказал Смуга. – Бальмор, немедленно предупредите товарищей из арьергарда!

Разведчики из авангарда, теперь уже в обществе Айн'у'Ку опять направились к голове каравана. Смуга держал Динго на поводке; он внимательно следил за поведением собаки и одновременно обшаривал глазами соседние кустарники. Он был уверен, что папуасские воины поджидают европейцев в засаде. Шерсть на спине у Динго вздыбилась, и он ни на минуту не переставал ворчать. Смуга оглянулся на караван. Носильщики шли теперь не гуськом, а плотной толпой. В конце каравана виднелась мощная фигура капитана Новицкого, который значительно превышал ростом всех туземцев. Предупрежденный Бальмором о возможности засады, Новицкий не позволял никому отставать, а сам внимательно осматривался по сторонам. Осторожность Новицкого несколько успокоила Смугу. Он мог не опасаться за тылы.

– Уже показалась деревушка! – тихо сказал Томек.

– Обрати внимание на Динго! Видишь? Видимо, кто-то наблюдает за нами из кустов, – ответил Смуга.

– Я уже давно заметил это, – сказал Томек.

Наступила та предвечерняя пора, когда солнечные лучи ежедневно ведут борьбу с кучевыми облаками, появлявшимися на горизонте. Туземная деревушка казалась издали весьма живописной. На фоне темной зелени, дома позолоченные лучами солнца, выглядели словно огромные ульи, поставленные среди деревьев. Однако достаточно было подойти ближе, чтобы убедиться в их весьма неказистом виде. Вблизи оказалось, что это ни что иное, как жалкие шалаши. Некоторые из них были построены на сваях, довольно высоко над землей, другие – сплетены, как гнезда на срезанных вершинах деревьев. Кровля крыш, выгнутых полукругом вверх, сделана из толстых тяжелых листьев пандanового дерева. Узкий, мрачный вход в стене дома выходил на обширную площадь и заслонялся свесом крыши, под которым находилась небольшая платформа – нечто вроде веранды. На веранду вела с земли лестница, сплетенная из древесных ветвей.

Как правило, большую часть дня туземцы проводили на верандах домов, но сейчас там не было ни души. Одни лишь струйки дыма, проникавшего через неплотную кровлю домов, свидетельствовали о том, что деревушка обитаема.

Первыми въехали в деревушку Смуга и Томек. Динго, которого Томек держал на поводке продолжал стричь ушами, к

чему-то принюхивался и подвывал. Крайняя хата была построена на сваях на высоте трех-четырех метров над землей. Дверной проем, видневшийся в стене, был закрыт двумя древесными ветками, уложенными крест-накрест.

– Посмотрите, пожалуйста, между сваями, под полом дома развешаны гамаки, – обратился к Смуге, Томек. – Видимо, туземцы отдыхали на них перед нашим приходом, и спрятались, как только их о нас предупредили часовые. Возможно теперь они сидят в домах, а может быть скрылись где-нибудь вблизи среди высокой травы.

– Ты, кажется, не ошибаешься! Через щели в крышках проходит дым, – сказал Смуга.

– Влезу на веранду и загляну внутрь хаты, – предложил Томек.

Он начал было подниматься по лестнице, но его задержал Айн'у'Ку:

– Там нет папуас, твоя видит знак на дверь, ол райт! – сказал.

– Что за знак? Неужели эти две ветки, уложенные наперекрест? – спросил Томек.

– Твоя хорошо говорить, – согласился босс-бой. – Такой знак говорит: никого нет, твоя не входи, духи сторожат дом! Твоя не слушай будет очень много-много плохо, ол райт! Твоя оставить вещи в лесу и поставить такой знак, никто не тронет! Твоя понимает?

– Спасибо тебе, Айн'у'Ку за предостережение, я тебя прекрасно понял. Ветви, поставленные наперекрест означают, что входить в дом и прикасаться к предметам там находящимся нельзя. Они кому-то принадлежат и этот кто-то вернется за ними.Так?

– Твоя хорошо говорит, ол райт! Духи сторожат такой дом!

Томек соскочил с лестницы на землю.

– Что будем делать? – обратился он к Смуге.

– Может быть, нам удастся выманит туземцев из их укрытия, – ответил Смуга и позвал: – Збышек, подай, пожалуйста, табак и соль!

Караван остановился в нескольких метрах от крайней хаты деревушки. Збышек быстро выполнил приказание. Смуга сорвал с ближайшего дерева два листа, положил на камень, на один из них насыпал немного соли, на второй положил табак. Потом, вместе с Томеком они сели, скрестив по-турецки ноги, на землю и, как ни в чем не бывало, закурили трубки.

– Айн'у'Ку, скажи им, что табак и соль мы дарим старейшине деревушки, пусть он без опасений придет и возьмет их себе, – приказал Смуга.

Айн'у'Ку рупором приложил руку ко рту и стал громко говорить. Прошло немного времени и из травы, росшей на краю деревушки, показался малорослый старик. Он осторожно, шаг за шагом подошел к камню, на котором лежали подарки. Не отрывая глаз от белых путешественников, он протянул руку, взял лист с горстью соли и сразу же всыпал ее себе в рот. Потом понюхал табак, свернул его вместе с листом в длинную сигару, и спокойно произнес какую-то команду.

Томек побледнел от неожиданности. Всего лишь в нескольких метрах от них из высокой травы показались воины. Они держали в руках натянутые луки. Некоторые были вооружены копьями. Их лица были размалеваны красной и желтой красками, на шеях они носили ожерелья из собачьих зубом и раковин.

Динго присел, словно для того, чтобы броситься на туземцев, но Смуга придержал его рукой.

– Посмотри, ведь мы и не предполагали, что были здесь на волосок от смерти, – буркнул он Томеку. – Они все время

целились в нас из луков...

Только теперь стала заметна разница в цвете кожи между старейшиной деревушки и остальными воинами. Кожа у старейшины была несколько светлее. Один из воинов подал ему бамбуковую трубку, в которой сверху были выжжены два отверстия. Старейшина всадил «сигару» в одно из отверстий. К другому приник ртом. Ему поднесли горящую ветку. Старейшина закурил «сигару», наполнил всю трубку дымом, затянулся и передал трубку Смуге.

Несомненно это был своеобразный способ показать гостю уважение, поэтому Смуга, сохраняя полную серьезность, тоже приложил рот к отверстию в трубке и медленно выпустил клуб дыма. Томек последовал его примеру. Старейшина улыбнулся. Воины сняли стрелы с тетив луков. Смуга повернулся к своим и дал знак, позволяя им подойти ближе. Они полукругом окружили Смугу и Томека, которые поднялись с земли.

Теперь началась церемония встречи. Старейшина подошел к Смуге. Ткнул себя пальцем в грудь и несколько раз произнес:

– Галум'ур'и!

– Смуга, – ответил путешественник, поняв, что туземец сказал, как его зовут.

Смуга не ошибся, старейшина крепко обнял Смугу, несколько раз повторяя его фамилию. Потом рукой погладил гостя по телу и, приблизив к Смуге лицо, потерся носом о его нос. Стал что-то говорить. К счастью, язык его был понятен Айн'у'Ку, который сразу же стал переводить его слова на свой искаженный, но понятный белым путешественникам английский язык.

– Мы с радостью приветствуем вас в нашей деревне и принимаем в наше племя, – говорил старейшина. – Наша земля – ваша земля, наши дома – ваши дома, наши женщины и дети –

тоже ваши. У нас нет ничего, кроме овощей и мы вам дадим их. Дадим вам еще одну свинью, чтобы отблагодарить вас за то, что вы пожаловали к нам.

Старейшина повернулся к воинам и крикнул им что-то на местном наречии. Те ответили громким криком. Видимо, этот крик выражал согласие на предложение старейшины, потому что несколько воинов сразу же побежали в буш, простиравшийся за деревушкой. Вскоре они вернулись, неся на плечах, подвешенную за ноги к длинной жерди свинью. Они с размаху бросили ее на землю к ногам путешественников. Один из папуасов ударил свинью палицей по голове, так что мозг брызнул во все стороны. Другие стали свежевать свинью бамбуковыми ножами, тогда как остальные воины стали красить тела желтой краской. Из буша вышли мальчики и девочки, приветствуя гостей зелеными ветками. Старейшина племени стал делить дары. Смуга получил корейку. Томеку достался один из окороков. Остальные белые тоже получили соответствующие порции. Носильщикам отдали внутренности и голову. Смуга хотел отдать свою порцию старейшине, но Айн'у'Ку отсоветовал говоря, что это было бы крайне невежливо по туземным понятиям. Свинья жила в этой деревушке, поэтому считалась равноправным членом деревенского общества, а съедать своих ведь никак нельзя.

– Что за околесицу он несет? – возмутился капитан Новицкий.

– Нетрудно понять скрытый смысл такого обычая, если здесь и в самом деле процветает людоедство, – ответил Смута. – Будет лучше всего, если мы отдадим им одну из наших свиней.

– Таким образом будет и волк сыт и овца цела... – согласился Новицкий.

XIII
Люди и полубоги

После того, как дары были разделены, женщины принесли овощи. Они клали к ногам путешественников продукты, выращенные ими на своих участках. Это были: полосатые тыквы, стебли сахарного тростника, таро, бататы и зеленые побеги местного боба, которые после варки напоминали по вкусу спаржу. Хотя это были подарки, поднесенные в доказательство дружественных чувств, вежливость требовала взаимных подношений. Поэтому Смуга приказал Збышеку раздать женщинам по ложке соли. Папуаски были очень довольны подарками и сразу же стали прятать соль в свернутые в трубку листья. Мужчинам Смуга раздал по куску черного прессованного табака.

Началась подготовка к пиру. Мужчины разложили костер, женщины следили за тем, чтобы лежавшие в костре плоские камни накалились добела. Два пожилых папуаса занялись свежеванием свиньи, подаренной путешественниками, причем совершенно не заботились о чистоте нарезанных кусков. На дно, выкопанной в земле продолговатой ямы, женщины уложили раскаленные камни, прикрыли их ароматными листьями и бросили на них куски свинины, вместе с грязными внутренностями и овощами. Загруженную доверху яму прикрыли слоем песка.

Радушные туземцы приготовили такую же «печь» для гостей, но белые путешественники не решились воспользоваться ею. Дело в том, что по уверениям губернатора в стране фьюджи процветал каннибализм. Если это правда, то возможно на камнях, гостеприимно предложенных белым, туземцы жарили тела убитых врагов. Осторожный Новицкий, вместе с девушками приступил к приготовлению ужина. Изумленные папуасы окружили их нестройной толпой, громко делясь впечатлениями от виденного. Они впервые наблюдали как люди занимались «излишним», по их мнению, трудом по очистке мяса и овощей. Им трудно было понять, зачем белые люди берут с собой в путешествие такое количество разных предметов. Личное имущество папуаса не мешает ему даже в далеких путешествиях. Любой из них был совершенно доволен, если располагал копьем, каменным топором, разноцветными перьями, военными красками, бамбуковой трубкой, горстью табака и несколькими сладкими клубнями батата. Богачом считался тот, у кого была

свинья. Ничего удивительного не было в том, что, расположенный близ деревушки, лагерь белых путешественников стал предметом общего любопытства.

Кратковременный дождик, выпавший вскоре, не прервал подготовки к ужину. Вильмовский, Томек и Бентли, воспользовавшись услугами Айн'у'Ку в качестве переводчика, старались собрать как можно больше сведений о быте туземцев. Им удалось даже заглянуть в крупнейшее сооружение, стоявшее в конце улицы – эмоне. Оказалось, что мужчины и старейшины племени собираются в эмоне на совещания. Здесь же живут холостые члены племени. Обе стороны улицы застроены домами, принадлежавшими отдельным семействам. Дома эти назывались эме и хозяйничали в них женщины. Внутри эме царила вечная темнота. При слабом свете раскаленных углей, тлевших в глиняном желобе в полу хижины с трудом можно было различать силуэты ее обитателей. В домах господствовал неприятный запах человеческих отходов, сажи, немытых тел и сушеной листвы, покрывающей крышу.

Когда последние лучи заходящего солнца осветили долину, в деревушке заканчивался вечерний пир. Томек быстро поужинал, уселся близ костра и стал записывать дневные впечатления. Он занимался этим ежедневно.

Писал он довольно долго. Как только закончил, к нему подсела Салли и спросила:

– Ты, видимо, сегодня сделал ряд интересных наблюдений. Ты работал значительно дольше, чем всегда...

– Да, моя дорогая, сегодня мне удалось собрать массу интереснейших этнографических сведений, – признал Томек. – Не только я, но папа и Бентли были поражены увиденным.

– Ах, значит потому они закрылись в палатке, и ведут там оживленную беседу? – догадалась Салли.

– Да, они разрабатывают научное сообщение на эту тему, – подтвердил Томек.

– Почему же ты не принимаешь участия в совещании? – удивленно спросила Салли.

– Мы распределили задачи между собой. Они занялись племенной организацией, а я изучением племенных легенд.

– Ты можешь рассказать нам о том, что тебе удалось открыть? – и не ожидая ответа, вполголоса позвала: – Капитан! Наташа! Томек сделал интересные наблюдения! Хотите послушать?

Капитан Новицкий сейчас же уселся у костра рядом с Томеком. Наташа и молодые люди тоже расселись вокруг.

– Смуга, Станфорд и Уоллес первыми заступают на вахту. Значит у нас времени хватит! С удовольствием послушаю твой рассказ, – заявил Новицкий, набивая табаком трубку.

– Вы помните наши беседы о Новой Гвинее, которые мы вели до начала экспедиции? – спросил Томек.

– Прекрасно помним! – ответил Збышек. – Ведь мы столько раз обсуждали разные детали путешествия!

– Что касается топографии страны, то наши предположения оправдались полностью, – сказал Бальмор.

– Да, с этой точки зрения все в порядке, мы не встретились с неожиданностями, – ответил Томек. – До сегодняшнего дня мы не ожидали открытия каких-либо особых новостей в обычаях и быте туземцев. Мы полагали, что у папуасов нет племенной организации. Даже губернатор из Порт-Морсби убежден в этом.

– Верно, он, помнится, говорил, – вмешался Новицкий, – что папуасы совершенно дикие люди, не вышедшие из состояния анархии[92].

– Мы тоже так думали, – сказал Томек. – Сегодня мы убедились, что наши предположения совершенно ошибочны. Дело в том, что отдельные племена фьюджи, к которым принадлежат и мафулу, управляются утаме, то есть местной аристократией.

– Интересно! – удивился Новицкий. – Кто такие эти утаме?

– Легенда об их происхождении входит в мифологию[93] племен фьюджи, – ответил Томек. – По местному поверью первые жители Новой Гвинеи были дикими бесполыми существами, стоявшими на уровне животных. У них не было домов, они не держали собак, не разводили свиней, не знали земледелия, и только бог Тсидибе принес в страну фьюджи семена различных растений, пары разных животных и настоящего человека, названного утаме.

Бог Тсидибе одарил диких обитателей Новой Гвинеи благосклонностью. С помощью утабе, первого человека, полубожественного происхождения, он разделил дикие племена и одарил их способностью к размножению. Так возникли два класса

людей: один привилегированный, происходящий от божественного утаме, представители которого называются ан'ита, то есть «красивые и добрые», и – второй а'гата или булуранис – подданные, потомки первобытных диких жителей острова.

Бог Тсидибе дал булуранис особую организацию. Он разделил их на племена, и во главе каждого племени поставил семью утаме.

Самый старший из каждой семьи утаме становится вождем племени. Утаме пользуются огромным влиянием, так как папуасы убеждены, что благополучие племени, способность размножаться зависят только от утаме. А утаме пользуются неограниченной властью над всеми членами племени, могут объявлять войну, но никогда не носят оружия, ибо считаются людьми приносящими мир. Если утаме случайно очутится на поле боя, его никто не тронет, потому что жизнь утаме почитается «святой».

– Хороши же люди мира, которые объявляют войны, и могут приговорить любого из поданных к смерти! – возмутился Новицкий.

– Утаме лично никогда не командует воинами и не принимает участия в битве, – ответил Томек. – Войну ведет Эмель'у'Баби – «отец копья». Кроме него, утаме располагают рядом старших вождей, администраторов и младших вождей, занимающихся вопросами имущества, питания и тому подобное. Их положение у фьюджи соответствует министрам у европейцев.

– Вот уж никак не предполагал, что у людей, ходящих нагишом и часто не умеющих сосчитать до пяти, у которых, вдобавок, отсутствует понятие о времени, есть правительство, организованное, как в Европе, – удивленно сказал Новицкий. – Это действительно сюрприз! Теперь я понимаю о чем так страстно спорят твой папаша и Бентли, уединившись в палатке!

– Да, сообщение об этих фактах вызовет в Европе огромную сенсацию! – признал Джемс Бальмор.

– Представляет немалый интерес, каким образом передаются по наследству функции вождя в семействе утаме, – добавил Томек. – Если у старшего утаме нет сына, власть переходит к брату, или к одному из его сыновей, а если и у того нет потомка мужского пола, вождем племени становиться сын дочери утаме. Существуют также твердые правила, кто и с кем может вступать в брак[94] и какую занимать должность.

– Томми, ты уже знаешь, кто в этой деревушке считается утаме? – спросила Салли. – Я не заметила никого, кто бы чем-нибудь выделялся среди остальных!

– В этом нет ничего странного, ведь авторитет утаме вытекает из самого факта власти ему данной. Внешне он ничем не

отличается от других туземцев. Здешний утаме, это тот невзрачный мужчина, который вышел из кустов нам навстречу, – ответил Томек.

– Вы заметили, что цвет кожи у него светлее, чем у других? – вмешалась Наташа.

– И папа, и Бентли сразу обратили на это внимание, – ответил Томек. – По их мнению, в течение многих веков в Новой Гвинее селились люди разных континентов. Высадившись на побережье, они постепенно оттесняли туземцев в глубину острова и частично смешивались с ними. Таким образом, здесь появились многочисленные типы рас и множество языков. Видимо, первыми в Новую Гвинею прибыли малорослые пигмеи[95], после них появились негроиды[96], потом представители веддийско-австралоидной расы[97] и, наконец, – европейцы[98], благодаря которым в Океании возник полинезийский тип. Некоторые европейцы, во время длительного плавания на восток, по собственной воле, или по необходимости, селились на островах и смешивались с туземным населением. Бентли убежден, что бог Тсидибе и потомки первого утаме происходят от группы европеоидов, которые после высадки на берегу Новой Гвинеи пересекли горный хребет и спустились в долины, где обитали примитивные фьюджи. Видимо, им не трудно было создать миф о своем божественном происхождении, и захватить в свои руки власть.

– Весьма логический вывод, – сказал Джемс Бальмор. – Лучше организованные и отличающиеся интеллигенцией пришельцы, захватили власть и землю.

– Я так не сказал, – возразил Томек. – Земля осталась собственностью булуранис, то есть первобытных жителей. Она находится в их общем, совместном владении. Если утаме хочет что-либо посеять для себя, он должен просить общину выделить ему участок земли.

В беседах об обычаях папуасов время проходило незаметно. Шумная прежде деревушка, заметно притихла. Женщины и дети собирались в сторонке, мужчины садились вокруг костров, разведенных рядом с домами. К числу величайших удовольствий туземцев принадлежали табак и бетель. Поэтому одни из них торжественно и сосредоточено передавали из рук в руки толстые бамбуковые трубки, другие – жевали бетель. Некоторые прямо брали в рот листья бетеля, предварительно посыпав их пеплом из костра. Другие готовили жвачку более изысканным способом. Из банки, сделанной из плода тыквы, они деревянной ложкой доставали известь, полученную из молотых раковин, сыпали ее на листья бетеля, и перед тем как свернуть в трубку, клали в

середину орехи арековой пальмы, добавляя еще и горсточку табака. Любителей бетеля всегда легко узнать по красновато-коричневому цвету зубов[99] и кроваво-красным губам.

Белые путешественники умолкли. Из находившихся рядом джунглей слышалось неумолчное пение цикад. Темные силуэты хижин на сваях, огненные блики костров, ползающие по нагим телам молчаливых туземцев, и светлое, усеянное звездами небо представляли незабываемую по живописности и оригинальности картину. Вдруг кто-то из туземцев, сидевших у костра медленно и робко затянул песню. Вскоре мотив подхватили новые голоса и вот уже все обитатели деревушки стройно запели печальную песню.

– Как печально они поют... шепнула друзьям Наташа.

– Даже Вильмовский и Бентли прервали работу, чтобы послушать печальную песню туземцев, – добавила Салли.

В это время к группе заслушавшейся молодежи подошел Смуга.

– Подумайте только, казалось бы люди примитивные, а сколько у них романтизма? – сказал он. – Айн'у'Ку говорит, что они поют песню о любви.

– И правда, я никак не заподозрил бы их в этом, – ответил Новицкий. – Днем они заставляют своих черных красоток работать хуже скотов, а по вечерам поют им о любви!

– Что город, то норов, капитан. Что деревня, то обычай, – заметил Вильмовский, который подошел к костру в обществе Бентли. – Мы интересовались обычаями наших хозяев. Они тоже задали нам несколько вопросов. Они, например, интересовались сколько у нас надо платить родителям девушки за такую жену, как Наташа или Салли. Я ответил, что у нас за жен не платят. Они с пониманием кивнули головой, причем один из воинов сказал: и правильно, белые женщины ничего не стоят, им надо помогать в работе.

– Да, да, совершенно верно! Папуасские женщины выполняют все тяжелые работы, поэтому за жену здесь надо платить одну или даже две свиньи, – смеясь добавил Бентли.

Девушки расхохотались, но беседа сейчас же прекратилась, потому что туземцы стали готовиться к танцам. На середину площадки вышли три папуаса с оригинальными барабанами в руках. Длинный корпус этих барабанов был уже в середине, чем по концам, и по форме напоминал древние клепсидры, употреблявшиеся в старину вместо часов[100]. Барабаны вскоре загудели... Обитатели деревушки и носильщики, нанятые белыми в Порт-Морсби, начали танцы.

– Время спать, – сказал Смуга. – Танцы, видимо, будут продолжаться до утра, а нам надо уже завтра добраться до Пополо.

* * *

Утро встало туманное и влажное. Несмотря на бессонную ночь, носильщики с охотой взялись за работу. Караван поджидал только возвращения женщин, посланных по воду к протекавшему довольно далеко ручью. Смуга был недоволен непредвиденным промедлением. Туземная деревушка находилась на берегу довольно большого ручья, но ее обитатели утверждали, что в ручье обитают злые духи и всякого, кто отважится пить из него воду постигнет беда. Поэтому женщины ежедневно ходили по воду к отдаленному ручью и приносили ее в деревушку в бамбуковых сосудах, делая запас воды, пригодной для питья – по мнению шаманов. Смуге такое промедление было очень не на руку, но он не позволил никому из членов экспедиции брать воду из близкого ручья.

– Неужели мы должны прислушиваться к мнению суеверных дикарей? – возмутился Джемс Бальмор.

– Мы могли бы опровергнуть утверждения шаманов и напиться этой воды, ведь она, видимо, не принесет нам вреда, как утверждают эти шарлатаны, – добавил Збышек.

– Довольно пустой болтовни, господа! – упрекнул их Смуга. – Вы новички в путешествиях такого рода! Вам еще многому надо

учиться. Бывает, что смешное, казалось бы, поверье может быть вполне обосновано.

– Вы в самом деле так считаете? – удивленно спросила Наташа.

– Да, конечно, – ответил Смуга. – Вы не думаете, что вода в этом ручье может содержать вредные минералы?

– Или, может быть, какие-нибудь гниющие растения делают ее не пригодной для питья? – добавил Томек. – Впрочем, я заметил, что местные жители бросают в воду ручья всяческие отходы и мусор.

– Нам они тоже советовали следовать их примеру, – вмешался Вильмовский. – По бытующему здесь поверью шаман, если захочет околдовать кого-нибудь, обязательно должен располагать предметом, принадлежавшим жертве. Туземцы верят, что всякий предмет, брошенный в воду становится недостижимым для злых духов и шаманов.

– Это смешное суеверие никому не вредит. Впрочем, кто его знает, может быть вода в ручье и в самом деле вредна, – сказал Смуга. – Было бы глупо, если бы мы из-за такого пустяка рассорились с туземцами.

– Ну, вот и конец ожиданиям! Идут женщины с водой – воскликнул Новицкий.

На краю деревушки показалась вереница женщин. Они несли на плечах по две бамбуковые трубы, заткнутые с обеих сторон деревянными пробками из стволов ароматных растений. Все присутствующие стали утолять жажду. Некоторые туземцы набирали воду в свернутые в трубку листья, другие пили прямо из бамбуковых труб,

Во время ночного гулянья обитатели деревушки подружились с носильщиками из Порт-Морсби, поэтому многие жители во главе с утаме решили сопровождать караван по дороге в Пополо. Все они, не исключая утаме добровольно взяли на себя часть поклажи. Караван отправился в путь.

Носильщики чувствовали себя превосходно. Как и все обитатели морского побережья они боялись горных племен, которые не раз нападали на береговые деревушки. Теперь они в мире и согласии шли вместе со своими вековыми врагами, делились с ними бетелем, признанным здесь повсеместно символом мира. Дружба заключена благодаря белым путешественникам, которые оказались действительно могущественными чародеями. Из близкого уже Пополо они собирались вернуться в родные деревушки на берегу моря. Поэтому теперь они шли в радостном настроении, пели хором песню наскоро сочиненную местным поэтом, в которой

прославлялись подвиги великих белых путешественников[101].

Веселое настроение не прошло даже и после того, как во время одного из постоев утаме заявил, что пора уже возвращаться домой. Эти слова, сказанные им спокойно, были единственным приказом, изданным за все время похода. Путешественникам представился случай убедиться каким огромным авторитетом пользовался утаме среди своих людей, которые без малейшего протеста сразу стали собираться в дорогу и прощаться с белыми путешественниками и носильщиками из Порт-Морсби.

– Посмотрите-ка, друзья, невзрачный парень этот утаме, а каким пользуется уважением у своих, – сказал капитан Новицкий, наблюдая за поведением туземцев. – Нам бы поучиться дисциплины у них!

– Они его уважают, как родного отца, – заметил Томек. – Я только что размышлял об этом и мне пришло в голову интересное сравнение.

– Что за сравнение? Что ты там выдумываешь? – спросил Новицкий.

– Поведение утаме напоминает мне до некоторой степени Смугу. Он тоже пользуется огромным авторитетом и приказания издает не повышая голоса, так как и утаме.

– Ты попал в самую точку, – правильное замечание! – удивленно воскликнул Новицкий. – Но все же есть и разница. Смуга мужчина видный, а этот – карлик!

– Дело не во внешности, а во внутренних достоинствах.

– Ты, видимо, прав, потому что если бы командовали только самые сильные и высокие, то я несомненно был бы вождем! Что ж, мои родители хотели, как можно лучше, и одарили меня силой и ростом, только я слишком мало заглядывал в книги, – печально сказал Новицкий.

– У вас нет причин жаловаться, капитан. Пополнить знания никогда не поздно, а вот я хотел бы пользоваться таким уважением и любовью, каким вы пользуетесь у своего экипажа. Все они готовы идти за вами в огонь и воду!

– Ты в самом деле так считаешь?! – обрадовался Новицкий.

– Лучший пример этому – я сам, – ответил Томек. – Папа постоянно твердит, что я вам подражаю во всем...

– Вот уж действительно из нас два сапога пара! – ответил Новицкий. – Ты стараешься подражать мне, а я – тебе. Ты знаешь, я решил, что буду так же красиво писать в корабельном журнале, как это делаешь ты!

Говоря это, капитан Новицкий достал из большого левого кармана блузы толстую записную книжку.

– Посмотри-ка, сколько я здесь уже нацарапал, – сказал он. –

Я составляю рапорт о каждой моей вахте на суше. В свободное время ты прочтешь, и кое-что исправишь в моей писанине, хорошо?

– Можете рассчитывать на меня, – заверил Томек Новицкого. – Я вижу, вы приняли близко к сердцу это дело, недаром вы поместили тяжелый журнал в кармане на левой стороне груди.

– Не смейся, браток, ты же знаешь, что лапа у меня тяжеловата для пера и мне приходится нелегко...

Караван опять тронулся в путь. Носильщики шли бодро, близость цели придавала им сил. Горные цепи все выше и выше громоздились на горизонте. Однако караван очутился на плоскогорье Пополо только лишь перед самым закатом солнца. Айн'у'Ку выбежал вперед, уверяя, что узнает родные места. Вскоре путешественники вышли на берег какой-то реки. На противоположном берегу виднелась деревушка, окруженная деревянной стеной из заостренных кольев.

И на этот раз тоже никто не вышел приветствовать путешественников, но Айн'у'Ку, не долго думая, вброд переправился через реку. Побежал к деревушке; приложив руки рупором ко рту, он стал что-то громко выкрикивать. Из-за ограды выглянули головы обитателей деревушки. Видно, они узнали Айн'у'Ку, потому что ворота широко отворились. Пожилой туземец, отец Айн'у'Ку выбежал навстречу сыну. Сначала он крепко обнял сына, несколько раз громко произнося его имя. Потом положил свою голову на плечо Айн'у'Ку и стал тереться носом о его нос, ощупывая сына левой рукой, подобно слепцу, который может узнать дорогого человека только ощупывая его пальцами.

– Я очень рада, что парню удалось найти близких, – сказала Салли, обращаясь к Томеку.

– Теперь он не захочет идти с нами, – заметил Збышек. – Видимо, он давно уже не был дома.

Короткое сообщение Айн'у'Ку развеяло все опасения туземцев. Они толпой вышли встретить путешественников. Все они как можно скорее хотели увидеть могущественных белых чародеев. Вскоре весь караван очутился внутри деревянного ограждения.

Путешественники с интересом рассматривали деревушку и ее обитателей. Дома туземцев свидетельствовали о крайнем примитивизме племени мафулу. Большинство из них помещались в обыкновенных шалашах, кое-как сложенных из веток и прикрытых толстыми, похожими на кожу листьями. Шалаши на первый взгляд казались большими ульями, куда человек только с трудом на четвереньках пролезал через узкую щель, заменявшую дверь. В качестве поддерживающего каркаса, при постройке шалашей использовались часто стволы растущих пальм, которые со всех сторон застраивались стенами из листьев и веток. Живые кроны этих «колонн» часто напоминали огромные зонты, распростертые над зелеными хижинами. Только лишь дом холостяков – эмоне, построенный на сваях, да хижина миссионера, несколько напоминали человеческие дома.

Но в деревушке белых путешественников ожидал неприятный сюрприз; после официальных приветствий к ним подошел туземец, одетый в длинную до пят рубашку и сказал:

– Моя кис-баибе[102], великий белый отец идти к большая вода, ваша может спать его дом, ол райт!

Айн'у'Ку спешно пояснил его слова. Оказалось, что миссионера нет в деревушке. Он отправился на побережье.

– Когда вернется большой белый отец? – спросил Бентли.

– Очень много, много лун, – ответил туземец. – Злые духи гневаться на великий белый отец. Он строить дом молитвы, злые духи гневаться, трясти земля, горы, деревья, ломать дома. Великий белый отец говорить: наша строить другой дом, другой крыша. Злые духи не разрушить его и идти прочь за горы к злым люди. Мы хороший люди!

Говоря так, туземец гордо показал на распятие и свисток, висевшие у него на груди.

– Вот беда, видимо, недавно здесь произошло землетрясение, – догадался Бентли. – Миссионер, на помощь которого мы рассчитывали, ушел на побережье, наверное за более прочным строительным материалом.

– Не повезло нам, – опечалился Вильмовский. – Ждать его возвращения значит потерять множество времени.

– Мы еще подумаем, что нам предпринять. Теперь следует отдохнуть, – решил Смуга. – Кис-баибе советует воспользоваться домом миссионера. Это превосходно. Мы предоставим его нашим дамам

– Совет хорош, им там будет удобнее, чем в палатке, – согласился капитан Новицкий.

Хижина, в которой жил миссионер, была построена из грубо отесанных стволов пальм. Щели между ними закрывали прибитые снаружи большие куски древесной коры, но из-за частых в этих краях бурь и ветров, в стенах было множество щелей, через которые можно было свободно наблюдать за всем, что делается внутри хижины. В одном из окошек торчал обрывок проволочной сетки. Перекосившаяся дверь была грубо сколочена из пальмовых стволов, распиленных вдоль. Кровля двухскатной крыши состояла из травы и листьев. Сколоченная на живую нитку хижина представляла и в самом деле жалкое зрелище, но зато с веранды, пристроенной к хижине со стороны противоположной улице, открывался поистине прекрасный вид. Плоскогорье, со всех сторон окружали горные цепи, которые на севере переходили в огромный массив вздыбившихся вершин. Пурпурные лучи заходящего солнца, придавали картине таинственное очарование.

Смуга поднял деревянный засов и отворил дверь. Вся меблировка малой комнатки состояла из двух кроватей, сделанных из бамбуковых стеблей, переплетенных лианами. Вместо стола по середине комнаты стоял большой деревянный

ящик, а вместо стула – такой же ящик поменьше.

Капитан Новицкий разочарованно осмотрелся вокруг и сказал:

– Что ж, мои дорогие, завидовать вам нечего!

– Гостиница скромная, но аромат коричных деревьев делает приятным пребывание в ней, – сказал Томек, внося в хижину подручный багаж девушек. – Щели в стенах тоже не лишены достоинства. Вы сможете любоваться живописным видом не вставая с постелей!

– Дохлому киту в зубы такие виды! – буркнул Новицкий. – Пошли, браток, надо помочь при разбивке лагеря. Я порядком проголодался!

– Совершенно верно. Мы должны приниматься за работу, – ответил Томек. – У меня тоже живот подвело.

Каменные молоты

XIV
Охота на райских птиц

Протяжный крик ночной птицы вырвал Томека из дремотного состояния. По давней привычке, прежде чем окончательно проснуться, Томек правой рукой коснулся рукоятки револьвера, заткнутого за пояс. Томек приподнялся на локоть, и высунул голову из шалаша, построенного на ветвях раскидистого дерева. Где-то вблизи послышался шум крыльев, после чего воцарилась тишина. В джунглях стояла непроницаемая темнота. Это безошибочно указывало на то, что близится утро.

Успокоившись, Томек снова прилег на постель из ароматных листьев и трав. Крик птицы не разбудил отца. Несколько минут Томек прислушивался к его глубокому, немного тяжеловатому дыханию. Осторожно накрыл отца своим одеялом. Утро вставало прохладное, и воздух в палатке был пропитан сыростью.

Молодой человек думал о том, облегчит ли охоту предложенный туземцами способ? Они строили на ветвях деревьев шалаши, и засев в них стреляли из луков птиц, не подозревающих об опасности. Вильмовские решили воспользоваться опытом туземцев, и вот уже четвертую ночь они сидят на дереве в шалаше, сплетенном из веток и лиан, и наблюдают за райскими птицами, жирующими на рассвете на растущих вблизи пандановых деревьях, усыпанных плодами. До сих пор сведения о жизни и обычаях райских птиц были весьма скудны, поэтому наблюдения за ними в естественных условиях могли принести пользу орнитологии[103]; кроме того, данные наблюдений можно было использовать в зоологических садах для правильного содержания райских птиц в условиях близких к естественным.

За четыре дня у Вильмовского накопилось не мало полезных наблюдений. Места здесь совершенно безлюдные, даже туземцы не посещают их. Поэтому райские птицы совершенно свободно и безбоязненно жируют на пандановых деревьях до тех пор, пока жаркие солнечные лучи не заставляют их укрыться в тенистом буше.

Накануне вечером Вильмовский убедился, что располагает уже вполне достаточными сведениями о жизни королевских райских птиц[104], обитающих в низинных областях Новой Гвинеи. Утром Томек и его отец намеревались подстрелить одну из них, а если удастся, то и несколько. Томек был рад предстоящему окончанию охоты, потому что уже стосковался по Салли. Он

всегда беспокоился о ней, если обстоятельства вынуждали их временно расставаться. Томек знал, что Салли очень хотела похвастаться охотничьим успехом во время этого первого в ее жизни путешествия по дикой стране и опасался, что в погоне за приключениями Салли может совершить необдуманный поступок, который поставит ее в опасное положение. Отправляясь с отцом на несколько дней в джунгли, Томек поручил Новицкому опеку над Салли. Он был уверен, что верный друг готов отдать за нее жизнь. Все же, несмотря на это, он стремился как можно скорее вернуться в лагерь.

Тревога Томека не была лишена оснований. Прошло уже больше трех недель с тех пор, как они расстались в Пополо с носильщиками, нанятыми в Порт-Морсби. С помощью верного Айн'у'Ку им удалось нанять новых носильщиков, и не дождавшись возвращения «великого белого отца», отважно направились в неизведанную страну, простирающуюся к северу от плоскогорья Пополо. Теперь они разбили лагерь вблизи территории воинственных таваде, при одном только упоминании о которых носильщики мафулу бледнели от страха. Правда, словоохотливый Айн'у'Ку поддерживал дух своих соплеменников россказнями о необыкновенном могуществе белых волшебников, но предусмотреть как поведут себя мафулу в момент истинной опасности, при встрече с врагами, очень трудно.

Венценосный голубь

Думая о Салли, охоте и ожидающих в глубине джунглей опасностях, Томек и не заметил, как ночь внезапно сменилась днем. И только шум поднятый попугаями, вернул Томека к действительности. Он выглянул из шалаша. На дворе стало светло. Томек повернулся к отцу. Вильмовский как раз проснулся, сбросил с себя одеяло и уселся на постели.

– Ты давно не спишь? – спросил он у сына. – Я ничего не слышал. Ты отдал мне свое одеяло, а сам, наверное, замерз?

– Перед рассветом меня разбудил крик какой-то ночной птицы, а потом я уж не мог заснуть, – ответил Томек.

– Давай позавтракаем, – предложил Вильмовский. – Потом займем место в засаде и начнем охоту. Возможно нам сегодня посчастливится...

Из подручного мешка Томек достал остатки запасов продовольствия: несколько сухарей, небольшую коробку мясных консервов и манерку с водой. Охотники молча съели скромный завтрак, и осторожно раздвинули стену шалаша, в котором сидели. Скрываясь среди листвы деревьев, они могли свободно наблюдать за всем, что делается вокруг, не привлекая к себе внимания шумных, пернатых обитателей джунглей.

В тропическом лесу пробуждалась дневная жизнь. Многоголосый птичий хор приветствовал наступление нового дня. Среди цветов, гирляндами свисавших с ветвей деревьев, оживленный разговор вели разноцветные попугаи.

Небольшие, белые какаду[105] с желтовато-серыми клювами стаями обсели дикие фруктовые деревья; родственные им черные какаду, птицы довольно крупного размера, жировали на ореховых деревьях, легко разгрызая мощными клювами твердые орехи; на темно-зеленом фоне листвы блестело оперение не очень крупных лори[106], красного цвета с добавкой светло-зеленых и пурпурных тонов. В густом подлеске, у подножья деревьев, слышалось воркование диких, лесных венценосных обыкновенных и веерообразных голубей. Это преимущественно наземные птицы. Они летают мало и редко, взлетая на деревья только в случае грозящей опасности. Венценосных голубей, самых крупных птиц из отряда голубиных, легко узнать по голубовато-серому оперению с пурпурно-черным налетом на груди и по характерному венцу на голове, похожему на развернутый веер. У некоторых пород этих голубей венцы по форме напоминают обыкновенную метелку, у других – они выглядят, как продолговатые, треугольные флажки[107].

Отец и сын Вильмовские с любопытством наблюдали за крикливыми обитателями джунглей. Вдруг среди птичьих голосов послышался неприятный, тягучий свист. Вильмовский предостерегающе коснулся рукой сына. Томек кивнул головой, давая знать, что понял предостережение. На жировку прилетели райские птицы. Вскоре несколько этих ярких птиц, махая крыльями, уселись на раскидистых ветвях пандановых деревьев.

Томек сосредоточенно наблюдал за поведением птиц, но уже через минуту тихо и разочарованно шепнул:

– В чем дело? Я вижу только самок?!

– Тише, слушай! – успокоил его отец.

Они умолкли. Тягучий, вибрирующий свист опять раздался невдалеке, к нему присоединились и другие голоса. Вильмовский привстал на колени; осторожно выглянул из шалаша. Некоторое время неподвижно застыл в одном и том же положении, потом опять спрятался в шалаше и взволнованно сказал:

– Томек, пара великолепных самцов устроили необыкновенное зрелище. Отсюда наблюдать за ними нельзя, нам придется сойти на землю!

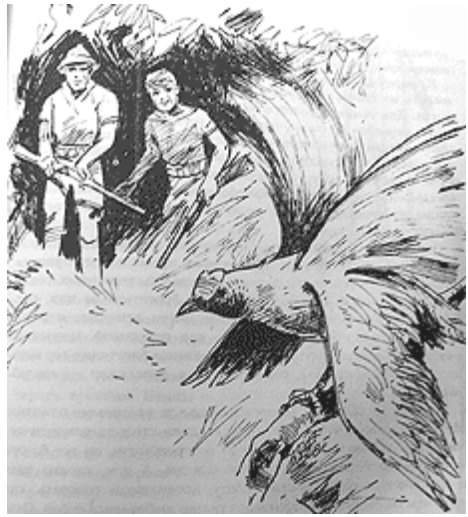
– Они же улетят, если заметят нас! – ответил Томек.

– Не думаю. Бентли уверял, что в начале свадебного токования самцы собираются на выбранных с этой целью деревьях. Будто бы в это время они так заняты собой, что к ним можно подойти на близкое расстояние.

– Что ж, придется рискнуть! – разочарованно ответил Томек, так как опасался, что в случае неуспеха, они не смогут сегодня вернуться в лагерь.

– Бери фловер[108], я возьму двустволку, – сказал Вильмовский.

Томек первым вылез из шалаша на толстый сук дерева, с которого свисала лестница, сплетенная из лиан. Спустив лестницу до земли, Томек стал сходить по ней вниз. Охотники двигались медленно и осторожно, боясь каким-либо резким движением вспугнуть птиц. Поэтому пока они вдвоем очутились на земле под деревом, прошло много времени. К счастью, в этой местности еще никто не занимался охотой, и непуганые птицы еще не были знакомы со злейшим врагом всего живого в джунглях – человеком. Томек проверил заряжено ли ружье, взял его на ремень через плечо и только после этого, с малокалиберной винтовкой в руке, направился вслед за отцом. Вскоре они, пробираясь от ствола к стволу очутились совсем близко от токующих птиц. Поведение птиц было так забавно, что Томек совсем забыл все свои личные дела.



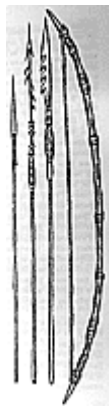
На верхушке дерева сидели три самца, причем все они стремились, во что бы то ни стало, перещеголять соперников в пышности. Два самца королевской райской птицы с ярко-пурпурными перьями на спине, зелеными на груди, оранжевыми на голове и красно-рубиновыми на шее, гордо топорщили маленькие веера светло-желтых перьев по бокам груди. Они переступали с ноги на ногу, трепыхали красно-коричнево-зелеными крыльями и, жеманно, с самолюбованием, поглядывали на торчащие на коротком хвосте рулевые перья, лишенные вееров, но изогнутые на концах.

Третий самец принадлежал к виду так называемых райских птиц апода[109]. Ростом он значительно превышал соперников Уселся на нижней ветви дерева, вблизи взъерошенных гордецов-соперников и, словно намереваясь броситься на них, поднял вверх растущие у него с боков кисти длинных, нежных желтовато-белых перьев, которые как пелериной закрывали ему спину. Желтое пятно на голове, зеленое блестящее горлышко, коричневые крылья, спина и грудка, дополняли его свадебный наряд.

В немом восхищении Томек наблюдал за красивыми птицами. Не удивительно, что о них люди создали столько романтических легенд. Томек даже забыл об осторожности, он все ближе и ближе подходил к токующим самцам. А они, словно зная о восхищении, охватившем юношу, продолжали токовать, как ни в чем не бывало, позволяя без помех любоваться собой. Птицы то и дело поднимались в воздух, садились на нижние суки, поворачивались к Томеку то боками, то хвостами, простирали крылья, пыжились и только их неприятные голоса нарушали гармоническую картину.

Томек прямо-таки не верил собственным глазам. У него не было сомнений. Райские птицы прекрасно знали о том, что за

ними наблюдают люди, во всяком случае, заметили их. Но продолжали хвастаться своим великолепием. В конце концов, жировавшие неподалеку самки обратили внимание на серенады своих женихов. Три из них, трепеща крыльями, уселись на ветвях соседнего дерева; перекосив головы, они стали следить за поведением самцов, словно за актерами, играющими на сцене.



Вильмовский опять коснулся сына рукой. Вздрогнув от неожиданности, Томек взглянул на отца. А тот взглядом показал ему на малокалибровку. На мгновение Томеку стало жаль великолепных птиц, которых приходилось лишить жизни в таких обстоятельствах. Но он понимал, что нельзя терять времени. Птицы в любой момент могли улететь. Солнце поднялось и стало довольно сильно припекать. Томек тихо вздохнул, оперся левым боком о ствол дерева и медленно поднес к плечу винтовку. В этот момент большая райская птица пронзительно крикнула. Томек увидел открытую грудь птицы. Уверенно нажал курок Самец затрепетал крыльями, почти коснулся брюхом ветки, на которой сидел и бессильно свалился на мягкий мох у подножия дерева.

Остальные самцы не обратили никакого внимания на тихий звук выстрела и на внезапное исчезновение соперника. Они продолжали пыжиться друг перед другом, что позволило Томеку перестрелять их одного за другим. Самки тоже не чувствовали опасности. Они подлетели к женихам, удивляясь их внезапному падению. Только когда Томек подстрелил одну из них, сорвались с места, пытаясь улететь, но Вильмовский выстрелил сразу из обоих стволов, положив их на месте.

– Великолепная охота! – воскликнул Вильмовский. – В одной засаде сразу три пары.

– Вот повезло нам, папа! – радовался Томек, не подозревая того, что только громкий звук выстрела из ружья спас жизнь, по крайней мере, одному их них.

Занятые охотой отец и сын Вильмовские не видели, что за ними уже длительное время наблюдает, притаившийся в кустах неизвестный туземец. Это был молодой воин племени таваде, проводивший разведку на землях мафулу. Его нагое, коричневое тело было раскрашено черными и белыми полосами. Красно-желтые круги вокруг черных, как уголь, глаз и кость казуара, продетая через ноздри, придавали его лицу выражение жестокости и дикости.

Разведчик таваде впервые в жизни увидел неизвестных ему белых людей. Сначала он испугался, приняв их за духов, но вскоре любопытство преодолело страх. Таваде с дрожью в сердце наблюдал за колдовством белых, которые из длинных палок на расстоянии убивали райских птиц. Видимо, неизвестные белые существа хотели украсить головы перьями собственноручно убитых птиц, чтобы отводить от себя стрелы и копья врагов.

Когда один из белых духов поднял странную, тихо гремящую палку, от чего великолепная птица повалилась на землю, молодой таваде побледнел от ужаса! Потом он наблюдал, как гибли другие птицы. По извечному закону племени таваде, убивать райских птиц имели право только великие вожди. Поэтому разведчик, возмущенный до глубины души, положил стрелу на тетиву лука и прицелился в белое привидение, нарушившее племенные законы. Как вдруг второе привидение подняло свою палку. Ужасный гром, вид падающих двух птиц сразу, вконец поразили молодого воина. Разве мог он поднимать руку на столь могущественных духов?

Воин осторожно спустил тетиву и снял стрелу. Он знал, что никому не дано убить духа...

Неизвестные существа скоро ушли, взяв с собою мертвых птиц. Они оставили в лесу только шалаш на ветвях дерева. Таваде был убежден, что в лесу есть еще и другие белые духи. Он без оглядки бросился по направлению к пограничной реке. Он первый принес в свою деревушку весть о появлении в их краях могущественных белых духов.

* * *

Благополучное возвращение Вильмовских с охоты, продолжавшейся несколько дней, вызвало среди обитателей лагеря понятную радость. Друзья обступили охотников со всех сторон, искренне поздравляя с успехом. Три пары райских птиц – великолепная добыча! Томек радостно прижал Салли к своей груди и, не выпуская ее рук из своих, удовлетворенно выслушал

похвалы. Он любил, когда его хвалили за меткость стрельбы.

– Ну, ну, славно вы отличились! – зычно гремел Новицкий. – Однако хорошо, что вы уже вернулись! Мы стали беспокоиться...

– В особенности одна дама никак не могла дождаться вашего возвращения, – весело добавил Збышек.

– Кого же из нас она ждала с таким нетерпением? – пошутил Вильмовский.

– И вас, и Томека – не теряя самообладания ответила Салли.

– Не думайте только, что она тосковала по таким чучелам! Вы обросли бородами, как пираты, – подшучивал Новицкий. – Просто она хотела как можно скорее похвастаться своей крысой!

– Томми, не верь коварному капитану! – возразила Салли. – Мне, конечно, интересно, обрадуетесь ли вы моей находке, но я в самом деле тосковала по вас!

– Не дуйся на меня, красавица, – весело ответил Новицкий. – Я начал об этом, чтобы они, наконец, обратили внимание на тебя!

– Салли, о какой крысе говорит капитан? – заинтересовался Томек.

– Миссис Салли тоже сопутствовала удача на охоте, – вмешался Бентли. – Эта крыса и в самом деле весьма редкий экземпляр, мой друг!

– О, если так, то надо на нее посмотреть, – сказал Вильмовский. – Где же вы держите эту крысу?

– В нашей лаборатории, – ответила Салли. – Капитан уже почти закончил препарирование шкуры.

Походная «лаборатория» находилась в палатке из противомоскитной сетки, в которой можно было работать и по вечерам, при свете керосиновой лампы. Охотники направились туда веселой толпой. Внутрь палатки вошли только Вильмовские и Салли. На подручном столе, сделанном из досок деревянного ящика, лежала натянутая шкура животного, хвост которого был покрыт чешуей.

– Впервые вижу подобный экземпляр, – изумился Вильмовский. – Эта крыса по росту не меньше кролика! Ни в одном из европейских музеев нет такого экземпляра!

– В Сиднее есть один, но сильно изъеденный насекомыми, – вмешался Бентли. – Для нас это крупная удача[110].

– Ты его сама поймала? – спросил Томек.

– Поймать его мне помог Динго, но я сама выследила крысу! – ответила Салли.

– Это замечательно! – признал Томек. – Где ты ее нашла?

– Здесь, на нашей полянке, – ответила Салли. – Я в первый момент очень испугалась.

– Ничего удивительного, это крупное животное, – сказал

Вильмовский.

– Капитан лично снял с него шкуру. Ему пришлось потрудиться, пока смазал мышьяковой мазью все, самые маленькие фалдочки, – говорила Салли. – В противном случае насекомые могут отложить в них яйца и шкура пропадает.

– Вижу, что ты неплохая ученица препаратора, – похвалил Томек.

– Мы с Наташей нашли нескольких жуков, – добавила Салли. – Они гнездятся под камнями и в прогнивших стволах деревьев.

– Что ж, если такая удача будет нам сопутствовать и дальше, мы скоро организуем целый походный музей, – пошутил Томек,

– Пополнился и наш гербарий[111]. Мы собрали много образцов орхидей, – с гордостью заявил Бентли. – Как жаль, что крупные цветы не поддаются сушке. В них слишком много влаги... Но мне удалось сделать несколько весьма удачных фотографий.

– Сушилка работает во всю ивановскую, – со смехом сказал Новицкий. – У нас скоро не хватит полотенец, чтобы утереться после мытья!

Томек с любопытством осмотрел легкую палатку, которую охотники называли походной лабораторией. На полочках из досок сушились на солнце различные ветки растений и цветы. Одни из них были завернуты в бумажные конвертики, другие – прикрыты влажными полотенцами, чтобы не поблекли.

– Мы успеем еще ознакомиться с собранными вами коллекциями. Вы дайте нам сначала чего-нибудь поесть, горяченького, – сказал Вильмовский. – Мы с Томеком четыре дня питались сухим пайком!

– А мы как раз варим фасоль на обед, – сообщил Новицкий. – Идем отсюда, а то вид этих червей у меня отбивает аппетит!

– А где же Смуга? – спросил Томек.

– Вот именно, я тоже хотел об этом спросить! Что случилось с Яном? – добавил Вильмовский.

– Пошел с Динго побродить по окрестностям, – ответил Новицкий. – Ведь надо же знать, что делается вокруг. На время своего отсутствия он передал командование мне. Я даже думал, что он вернется вместе с вами. Он немного беспокоился о вас и говорил, что заглянет в ваше укрытие, чтобы узнать все ли в порядке у вас.

– Мы его не встречали. Когда он ушел из лагеря? – с некоторым беспокойством спросил Вильмовский.

– Сегодня, еще до рассвета, – ответил Новицкий. – Может быть он раздумал и пошел в другом направлении?

– Возможно... Будем надеяться, что он скоро вернется, –

ответил Вильмовский. – Теперь давайте пообедаем!

* * *

Смуга вернулся в лагерь только перед самым закатом солнца. Увидев друга целым и невредимым, Вильмовский облегченно вздохнул. Наташа принесла миску горячего супа и Смуга, отложив в сторону оружие, с аппетитом принялся за еду.

– Я голоден, как волк, – сказал он, поглядывая на Вильмовских. – Динго поймал себе по дороге какое-то пернатое существо на закуску, а мне пришлось только слюнки глотать.

– Где ты был так долго, Ян? – спросил Вильмовский. – Капитан говорил, что ты собрался навестить наш шалаш!

– Да, я действительно собрался было навестить вас, но изменил намерение. Я нашел лучшее место под лагерь, чем здесь. Там прямо пройти нельзя от птиц и орхидей.

– Это далеко отсюда? – заинтересовался Вильмовский.

– Гм... Не так уж далеко. Хорошо, что вы вернулись. Я прошу тебя Андрей, Томека, Бентли и капитана на совещание. Нам надо обдумать дальнейший маршрут. Потом, мне очень интересно услышать ваш рассказ об охоте.

Вильмовский внимательно посмотрел на Смугу, который, как всегда, прекрасно владел собой. Но какое-то неясное чувство подсказывало Вильмовскому, что у Смуги есть важные новости.

Как только путешественники уселись вокруг костра, Смуга набил табаком трубку и сказал:

– Андрей, расскажи подробно все, что вы видели и слышали во время охоты на райских птиц.

Пока Вильмовский давал отчет о четырехдневном сидении в шалаше, Томек подбросил в костер свежих веток, чтобы дымили. К вечеру москиты прямо-таки не давали жить...

– Нет сомнений, вам удалось собрать ценный материал и сделать важные наблюдения, – признал Смуга, внимательно выслушав рассказ Вильмовского. – Ты все уже рассказал?

– Да! – твердо заявил Вильмовский. – Возможно, Томек может что-нибудь добавить?

– Нет, я ничего добавить не могу, – возразил юноша.

Смуга выпустил клуб дыма на комара, сидевшего у него на руке, взглянул на Томека и спросил:

– А в последнюю ночь, в шалаше, тебя ничто не тревожило?

– Нет, я ничего не заметил...

– В самом деле, ничего не случилось достойного твоего внимания? – Припомни-ка хорошенько? – настаивал Смуга.

– Сейчас... перед самым рассветом я проснулся от крика какой-то ночной птицы. Потом послышалось трепыхание крыльями, но, видимо, не это вас интересует?

Смуга не ответил. Он задумчиво курил трубку, поглядывая то на Вильмовского, то на Томека. Наконец сказал:

– В стране, где отовсюду может грозить неизвестная опасность никогда не надо забывать об осторожности. Возможно, что крик ночной птицы вблизи вашей стоянки был вызван нападением хищника, но это мог быть и сигнал о присутствии в джунглях врага.

– Ян, ты там был сегодня! – вполголоса воскликнул Вильмовский. – Мы сделали ошибку и ты считаешь нужным нас упрекнуть?

Смуга загадочно улыбнулся и ответил:

– Да, ты прав, я был там еще до того, как вы сошли на землю, чтобы подстрелить райских птиц. Теперь не время говорить, что я на вашем месте, возможно, вел бы себя совершенно также, как и вы! Нет, я возможно сам тоже не обратил бы внимания на крик ночной птицы. Мы, поляки, пока гром не ударит не перекрестимся... Во всяком случае, ты Томек сделал бы хорошо, если бы сейчас же после рассвета обследовал окружающую местность. Другой раз помни об этом! За вами следили... У подножия дерева, на котором был ваш шалаш я заметил следы босых ног туземца.

– Черт возьми, ты правильно нас упрекаешь в беспечности! – признал Вильмовский.

– Как вы установили это?! – спросил Томек, взволнованный услышанной новостью.

– Когда я подходил к вашей стоянке, Динго стал проявлять явное беспокойство, – сказал Смуга. – Он меня и привел к следам, оставленным туземцами. Это были совсем свежие следы. Идя по ним, я быстро обнаружил воина, следившего за вами. Я стал наблюдать за ним. Он отнюдь не был мирно настроен, но, видимо, очень испуган. По-видимому, он впервые видел белых людей. Несмотря на это, еще немного и мне пришлось бы застрелить его. Когда ты Томек, стал стрелять райских птиц, он прицелился в тебя из лука. К счастью, звук выстрела из ружья Андрея испугал его. Он побежал, а я направился по его следам.

Вильмовский вытер рукою пот, выступивший на лбу.

– Только случай позволил нам избегнуть смертельной опасности, – сказал Вильмовский после минутного молчания. – Ты прав, мы были очень неосторожны.

– Это прекрасный урок всем нам, – сказал Новицкий. – Надо быть бдительнее.

– Правильно, капитан, я поэтому и рассказал вам обо всем, – ответил Смуга. – Следивший за вами молодой воин, был, видимо, разведчиком племени таваде. Он скрылся за рекой, которая по сообщениям мафулу считается границей между территорией их и таваде.

– Видимо, это храбрец, раз отважился ночью бродить по джунглям, – заметил Томек.

– Смелая, глубокая разведка по неприятельским тылам, – сказал Новицкий.

– Что ты думаешь делать, Ян? – спросил Вильмовский.

– Мы слишком долго стоим на одном месте, – ответил Смуга. – Мы должны, как можно скорее, свернуть лагерь и отправиться на встречу опасности. За первым разведчиком пойдут другие. Наболтают о нас бог знает чего. Надо предотвратить это.

– Совершенно согласен с вами! – поддержал Смугу Бентли.

– Если наши носильщики откроют, что за нами следят таваде, они не пойдут с нами дальше, – сказал Вильмовский. – Далеко отсюда до пограничной реки?

– Каравану придется тащиться туда почти целый день, – ответил Смуга. – Бентли, скажите, сколько времени вам надо. чтобы закончить препарирование райских птиц, добытых Вильмовскими?

– Послезавтра на рассвете все будет готово.

– Крыса, пойманная Салли, тоже уже почти готова, – заявил Новицкий.

– Прекрасно! Завтра мы начнем подготовку к дороге! – решил Смуга. – Прошу о нашей беседе ни кому ни слова!

– Вы правы, но часовых надо удвоить, – заметил Новицкий.

– Ты, капитан, и ты, Томек, смотрите в оба, – закончил совещание Смуга.

XV
Ни шагу дальше, не то погибнешь!

По расчетам Смуги до пограничной реки караван мог дойти за один день. В действительности же за один день караван прошел всего лишь половину дороги.

Слишком уж часто останавливались носильщики. То у них развязывался багаж, то ими овладевала непреодолимая усталость, то им мешали встречные препятствия. Вильмовский то и дело доставал подручную аптечку. Вспыльчивый капитан Новицкий подгонял отстающих, но ни убеждения, ни угрозы не действовали. В этот день носильщики во время марша не пели, как это делали обычно, что весьма красноречиво свидетельствовало об их плохом настроении. Они украдкой переговаривались друг с другом, и с опаской поглядывали на север, где виднелись высокие горные вершины, господствующие над горной страной.

Смуга успокаивал друзей и требовал, чтобы они не показывали носильщикам волнения. Он прекрасно знал причины медлительности носильщиков. Они боялись близости реки, отделявшей их от таваде.

Местность постепенно менялась. Теперь караван шел по дну глубоких, болотистых ущелий, где запах гниющих растений мешался с ароматом великолепных цветов, свисавших с деревьев. Джунгли в этих местах были не очень густые. В них часто встречались дикие фруктовые деревья. Вспугнутые караваном тучи различных птиц, то и дело срывались с деревьев, на которых жировали, и наполняли лес криками.

Спущенный с поводка, Динго несколько раз исчезал в близких кустах, но не проявлял беспокойства, какое всегда охватывало его, если вблизи таилась опасность. Томек внимательно следил за поведением своего любимца. Отметив про себя, что собака не чувствует опасности, Томек решил поохотиться, чтобы добыть свежее мясо для носильщиков. Смуга не возражал, но просил молодого друга не отходить слишком далеко от каравана. «Живые» запасы продовольствия уже давно кончились, и Смуга подумал, что хороший мясной ужин улучшит настроение перепуганных мафулу.

Взяв штуцер и малокалибровку, Томек свистом позвал собаку. Динго подбежал к нему.

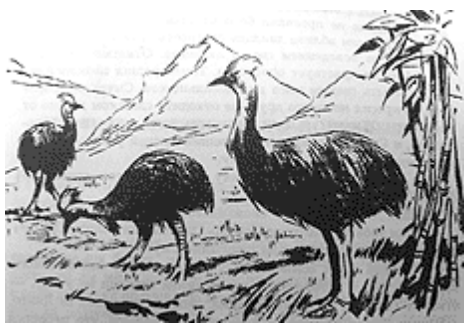
– Ищи, Динго, ищи!.. – скомандовал ему Томек.

– Если тебе потребуется помощь, дай сигнал выстрелами из штуцера, – предупредил на прощание Смуга.

– Хорошо, хотя сомневаюсь удастся ли мне найти такого крупного зверя, которого без посторонней помощи не унесу, – ответил Томек и, не теряя времени, отправился вслед за Динго.

Вскоре Томек отошел от каравана на столько, что перестал слышать шаги носильщиков. Опытный в таких делах Динго, выбежал вперед. Он стриг ушами, нюхал воздух, кружил по джунглям; вдруг он остановился, шерсть его на загривке вздыбилась, словно он почуял крупного зверя.

Томек удивился поведению пса. Закинув малокалиберное ружье за спину, и взяв в руки заряженный штуцер, он направился в глубину зарослей вслед за собакой. Сделав несколько шагов, Динго опять остановился и оглянулся на Томека. Юноша осторожно раздвинул рукой ветки, мешавшие ему смотреть. На небольшой болотистой полянке паслись огромные птицы. Это были казуары[112], птицы, лишенные крыльев, но обладающие мощными ногами. Казуары бродили по болоту и прилежно ловили жаб.



Во время путешествия по Новой Гвинее путешественники уже не раз видели казуаров, но чуткие птицы, почуяв издалека толпу людей, убегали с необыкновенной быстротой. И только теперь Томеку представился случай наблюдать вблизи этих сухопутных птиц. Томек убедился, что в диком состоянии, на свободе, эти птицы ничем не отличаются от виденных им в зоологических садах. Оперение у взрослых экземпляров почти черное, голова и верхняя часть шеи – обнажены. Шкура в местах, лишенных оперения, собранная в фалды, была фиолетово-голубовато-черного цвета. Спереди на шее виднелись две особенно длинные фалды. На своих трехпалых ногах серовато-желтого цвета, казуары рысью бегали по поляне, причем туловища их, лишенные хвостов, оставались в горизонтальном положении. Около самок бродили смешные детеныши с светло-коричневым, пушистым оперением и несколькими полосами черного цвета на спине. Они с необыкновенной жадностью бросались на жаб и ящериц или

пожирали плоды деревьев, сбрасываемые их матерями. Эти последние не всегда могли достать клювом плоды, поэтому стряхивали их, ударяя ногами в ветку или ствол дерева.

Томек недолго наблюдал за казуарами. Он уже знал их обычаи. Он знал также, что они отличаются прекрасным зрением и слухом, да и нюх у них был развит лучше, чем у других птиц. Поэтому, не желая быть преждевременно обнаруженным, Томек наклонился к Динго, показал ему головой на казуаров и дал знак окружить поляну. Умный пес вздыбил шерсть, махнул хвостом и исчез в кустах. Томек стоял, держа штуцер в руках, готовый выстрелить в любой момент. Взглядом он выбирал птиц помоложе, потому что мясо старых казуаров твердое и невкусное.

Динго много раз участвовал в подобной охоте и превосходно понял немой приказ. Через несколько минут он выбежал на поляну с противоположной стороны. Хрипло лая, Динго пытался направить птиц на место, где стоял Томек. Испуганные вначале казуары, скоро поняли, что враг слабее них. Охваченные бешенством, они бросились на бедного пса, стараясь ударить его клювом или мощными ногами. Но Динго, опытный в охоте на разного зверя, ловко увертывался от ударов, которые могли поломать ему кости. Томек не хотел рисковать и подвергать лишней опасности своего любимца. Он уже высмотрел двух молодых казуаров. Как только они показались в поле его зрения, Томек моментально нажал курок и послал в казуаров две пули одну за другой. Сразу же выстрелил третий раз, давая тем самым Смуге условный сигнал.

Две птицы упали на поляну, остальные исчезли с необыкновенной быстротой. Томек послал Динго навстречу друзьям, а сам сел на кочку, поросшую травой и стал ждать.

Не прошло и четверти часа, как в лесу послышались громкие крики. Томек сразу узнал зычный голос капитана Новицкого и весело ответил:

– Ауу! Я здесь! Убил двух казуаров!

Через несколько минут выбежали из кустов сначала Динго а потом запыхавшийся капитан Новицкий.

– Умнейший пес! – воскликнул Новицкий. – Сразу повел нас к тебе!

– Благодаря ему, мне удалось кое-что подстрелить на ужин, – ответил Томек.

– На безрыбье и рак рыба! – сказал моряк, взглянув на убитых птиц с неохотой.

– Не очень аппетитно выглядят эти птицы... – буркнул Бальмор.

Капитан Новицкий шепнул Томеку на ухо:

– Ты заметил, что наши носильщики тревожно оглядываются в лесу? Они ни за что не хотели отойти от каравана! Они, видать, чего-то боятся!

– Они знают, что таваде близко... – тоже шепотом ответил Томек.

Он подмигнул другу и, желая придать папуасам смелости, сам подвел их к мертвым птицам. С тех пор, как Томек показал папуасам фокус с «горением воды», он пользовался у них непререкаемым авторитетом. Несмотря на это, теперь папуасы тревожно поглядывали на окружающие поляну кусты и переговаривались только вполголоса. Не теряя времени, они быстро срубили две бамбуковые жерди, подвесили к ним убитых птиц и тронулись в обратный путь, взяв на плечи концы жердей. Вскоре они догнали караван. Вид убитых казуаров несколько улучшил настроение туземцев. Папуасы любят мясную пищу; кроме того, они очень ценят перья из крыльев казуаров, больше похожие, впрочем, на роговые иглы, из которых они изготовляли украшения, продеваемые через носовой хрящ.

К вечеру караван наткнулся на лесную полянку, лежавшую на мягком склоне горы. Смуга решил остановиться здесь на ночь. Для девушек разбили палатку, а мужчины решили переночевать у костра, чтобы отправиться в путь еще до рассвета, не теряя драгоценного времени на свертывание лагеря.

С наступлением темноты настроение у папуасов явно упало. Они сбились в тревожную кучу вокруг костра и молча прислушивались к таинственным голосам, доносившимся к ним из близких, погруженных в мрак джунглей. По местным суевериям, ночью лес становится прибежищем духов, голоса которых слышались в шуме деревьев и в криках ночных птиц. Поэтому боязливые папуасы опасались даже глядеть в сторону темного леса. Чтобы избегнуть необходимости выходить в лес по естественным надобностям, они жевали листья какого-то растения; жвачка эта, видимо, замедляла обмен веществ в организме.

Белые путешественники отнюдь не считали, что находятся в безопасности. Правда, наивные рассказы о лесных духах их не пугали, но сознание, что таваде за ними следили, требовало соблюдения мер предосторожности. Смуга, Новицкий и Томек, - сменяя друг друга, обходили лагерь кругом, выходили на опушку джунглей, внимательно наблюдая при этом за поведением Динго. Остальные белые мужчины держали ружья в боевой готовности, туземцы не выпускали из рук копья и палицы. В лагере никто не пытался затянуть песню, не слышно было громких бесед. Лагерь походил больше на военный бивак перед битвой, чем на мирную

ночевку охотников.

Москиты не давали покоя путешественникам всю ночь, поэтому все с облегчением встретили наступление туманного утра. Прежде чем солнечные лучи разогнали влажную мглу, караван отправился в путь. К удивлению белых путешественников носильщики изменили тактику. Теперь они не только не задерживались в пути, но наоборот, ускорили шаг. Однако так как и накануне старались идти сплошным рядом, не растягиваться в цепочку. Шли молча, не пели обычных песен.

– Видимо, спокойная ночь приободрила их, – говорил капитан Новицкий, который вместе с Томеком и Смугой шел впереди каравана.

– Вряд ли это так. Я опасаюсь, что дело обстоит совершенно иначе, – ответил Смуга.

– Вы полагаете, они захотят уйти от нас? – спросил Томек.

– А как же! – согласился Смуга. – Они, вероятно, решили бросить нас на берегу пограничной реки.

– Вы правы, как пить дать! – воскликнул Новицкий. – Шпарят вперед, чтобы как можно скорее отправиться назад!

– Я этого ожидал, – ответил Смуга. – Думаю, Томек, тебе опять придется стать чародеем...

– Я скоро исчерпаю все свои фокусы, – с беспокойством ответил молодой человек.

– Может быть, еще раз покажешь «горящую воду», – предложил Смуга. Это произвело на них сильное впечатление.

– Покажи им шутку с монетой, которая в свое время так понравилась африканскому шаману, – посоветовал Новицкий.

– Неплохая идея, – похвалил Смуга. – Можно также зажечь костер с помощью линзы. А может быть ты сам придумаешь что-либо другое?

– Как видишь, браток, унывать нечего, – сказал Новицкий. – Вскоре ты станешь самым знаменитым колдуном во всей Океании!

Местность постепенно понижалась. Густые заросли бамбука, пальмовых деревьев, острой как нож осоки, мешали движению каравана. Запах гниющих растений указывал на близость реки. Влажный грунт становился все мягче и мягче. Нередко приходилось идти прямо по обширному болоту, оставляя за собой следы в виде небольших лужиц черной, жирной воды.

Тяжелая дорога через густые заросли вконец измучила путешественников. У всех болели ноги, порезанные длинными, острыми стеблями травы. Только лишь к вечеру караван достиг низких, болотистых берегов реки. Смуге пришлось не мало потрудиться, пока он нашел место подходящее под разбивку

лагеря. Джунгли захватили здесь каждую свободную пядь земли. Мощные деревья, словно внезапно остановившиеся среди марша великаны, низко склонились над руслом реки, запустив в ее желтые воды путаницу своих корней. Смуге удалось найти участок песчаного берега. Выстрелом он согнал с него дремавших на солнце крокодилов и приказал носильщикам снять багаж. Туземцы спешно выполнили приказание и тесной толпой уселись на песке. Время от времени они бросали пугливые взгляды на противоположный, тихий, но враждебный берег реки.

Звероловы с тревогой наблюдали за поведением папуасов; их мрачное молчание не предвещало ничего хорошего. Вильмовский подошел к Смуге и сказал:

– Я опасаюсь, Ян, что мафулу не пойдут дальше.

– Возможно заартачатся, но будут вынуждены пойти, иначе – конец нашего путешествия, – ответил Смуга, набивая трубку табаком.

– Ты уверен, что тебе удастся принудить их? Я прошу тебя, будь осторожен!

– Я не думаю заставлять их силой, – ответил Смуга. – Я постараюсь убедить их пройти с нами до ближайшей деревушки. Потом, пожалуйста, пусть возвращаются, если захотят.

Они умолкли. Смуга выкурил трубку и достал бинокль из подручного мешка. Он долго наблюдал за всем, что делается на противоположном берегу реки, но кроме непроходимой, зеленой чащи джунглей, преграждавших путь к таинственным деревушкам людоедов и охотников за человеческими головами, ничего не заметил. Спрятав бинокль на место, он обратился к Вильмовскому:

– Андрей возьми в помощь Бентли, Збышека и Бальмора, пусть они займутся носильщиками. Густые заросли наверняка здорово им досадили. У них, видимо, немало ран. Потом пусть идут сюда для переговоров.

Носильщики несколько оживились, когда Вильмовский стал

готовить «чудесное» лекарство из марганцовокислого калия. Все они охотно позволили себя смазать фиолетовой жидкостью, потом, по приказанию Вильмовского, расселись на песке, близ того места, где стоял Смуга. Когда раны последнего носильщика были смазаны, самый старый носильщик поднялся с земли и подошел к Смуте. Однако прежде чем он успел что-нибудь сказать, Смуга заявил:

– Я знаю, что хочешь мне сказать! Вы хотите возвратиться в свои дома. Хорошо, я согласен. Все вы получите столько раковин, сколько мы вам обещали.

Довольный гул голосов убедил путешественника в том, что он попал в точку. Смуга улыбнулся и сказал:

– Может быть кто-нибудь из вас хочет получить еще больше ракушек? За них он может купить даже поросенка. У многих из вас еще нет жен, а чего стоит мужчина, у которого нет женщины, работающей на него? Кто будет работать на ваших полях?

Айн'у'Ку перевел слова Смуги землякам. Они утвердительно кивали головами. Оказалось, что все хотели получить много-много ракушек.

– Если пойдете с нами до ближайшей деревушки таваде, мы вам дадим много-много ракушек. Все вы сразу разбогатеете, – искушал Смуга.

Папуасы сразу же опечалились. Их старшина сказал, что между таваде и мафулу идёт война. Если они перейдут реку, никто не вернется домой.

– Таваде много плохой человек. Они каи-каи человек. Пусть ваша туда не ходить! Ол райт! Канак не хочет раковин, канак хочет домой. Ол райт! – твердо заявил Айн'у'Ку.

– Скажи им Айн'у'Ку, что мы не боимся таваде, – потребовал Смуга. – Стоит нам захотеть и их воины станут не больше жабы, а кто станет бояться такого маленького человека?

Смуга достал бинокль и предложил папуасу взглянуть через него. Тот отступил в испуге, потому что чаща леса на противоположной стороне реки вдруг приблизилась к нему так близко, что казалось достаточно вытянуть руку, чтобы коснуться свисающих веток деревьев. Успокоив его жестом руки, Смуга поднес бинокль к глазам папуаса обратной стороной. Папуас онемел от изумления: противоположный берег был очень далеко, а все предметы уменьшились в размерах. Смуга позволил ему взглянуть через бинокль на крокодила, отдыхавшего на песчаной отмели и на собственных товарищей папуаса. Туземец то и дело ахал от изумления, когда люди и предметы удалялись от него или, наоборот, приближались. Конечно, любопытные носильщики стремились заполучить волшебный предмет, чтобы посмотреть

через него и спрашивали всех ли таваде можно сделать маленькими людьми.

Смуга терпеливо убеждал их, что таваде не посмеют напасть на караван. Он заявил, что молодой мастер может не только «зажечь воду» в реках, но и сжечь все джунгли, потому что у него есть волшебный камень, способный перенести огонь с солнца на землю. Туземцы выразили желание немедленно посмотреть на эти чудеса. Томек еще раз «зажег воду» в ведре, а потом при помощи двух стеклышек от карманных часов поджег кучу хвороста. Носильщики, изумленные столь явным доказательством могущества белых волшебников, провели бурное совещание и, в конце концов, согласились сопровождать путешественников до ближайшей деревушки таваде. При этом они потребовали обещания, что белые волшебники будут сопровождать их на обратном пути до пограничной реки.

Река эта не была ни широкой, ни глубокой. Из желтоватой мутной воды торчали верхушки огромных камней, по которым можно было легко перейти на противоположный берег. Несмотря на это, папуасы не спешили начинать переправу. Заметив это, капитан Новицкий решил придать им смелости. Не обращая внимания на то, что река кишела крокодилами, он смело спрыгнул с берега на ближайший камень, торчавший из воды. Поскользнулся и чуть было не упал, но удержался. Держа в одной руке карабин, капитан в несколько прыжков достиг противоположного берега.

– Черт возьми, надо быть моряком, чтобы проделать такую штуку, – воскликнул Бентли.

– Привык к акробатике, лазая по реям, – вмешался Вильмовский. – Но для нас с вами это дело рискованное. Неудачный прыжок грозит падением в воду, а там поджидают крокодилы.

Папуасы, затаив дыхание следили за действиями капитана. Убедившись, что он счастливо перебрался на противоположный берег, и на земле таваде ничего плохого с ним не приключилось, они с охотой взялись за сооружение «моста». Выбрали дерево, росшее на самом берегу реки и стали подрубать его топорами. Через минуту дерево зловеще затрещало, наклонилось и рухнуло так, что вершина его очутилась почти на другом берегу. Теперь уж не раздумывая долго, носильщики перешли через реку. Переправа закончилась через каких-нибудь полчаса.

В авангарде каравана теперь шли: Новицкий, Смуга и Томек. Они медленно пробивали себе дорогу в чаще береговых зарослей. От полуденной жары птицы попрятались в свои тенистые укрытия. Только иногда змея или ящерица выскакивала из-под

ног путешественников. Носильщики шли плотной толпой в некотором отдалении от авангарда.

До самого вечера караван не встретил каких-либо признаков существования человека. На ночь путешественники остановились в глубоком ущелье. Звероловы до рассвета, меняя друг друга, стерегли лагерь, чтобы успокоить туземцев. Папуасы, видимо, боялись. Они тревожно сидели у костров и любой по-слышавшийся звук заставлял их хвататься за оружие. Только вид рослого капитана Новицкого успокаивал их.

Как только свет нового дня проник в чащу джунглей, Смуга дал команду к отправлению в путь. Он повел караван прямо на север. Стояло раннее утро. Трое друзей медленно пробивались через чащу.

– Взгляните на Динго!.. – вдруг шепнул Смуга.

Пес поднял морду вверх и тревожно нюхал воздух. Потом взъерошил шерсть на загривке и глухо заворчал.

– Укороти поводок, брат, держи его крепко... – вполголоса сказал Новицкий. Одновременно взял винтовку на изготовку.

– Не стреляй! – предупредил Смута.

– Они сидят на деревьях... – шепнул Новицкий.

– Возможно, это только разведчики... Подождем наших... – ответил Смуга.

Звероловы остановились. Смуга спокойно достал трубку, набил ее табаком и закурил, поглядывая то на Динго, то на вершины деревьев. Пес продолжал нюхать воздух, смотрел вверх и ворчал. Прищурив глаза, Новицкий глядел на вершины деревьев, не снимая пальца со спуска винтовки. Томек тоже держал штуцер под мышкой, готовясь стрелять прямо с бедра; левой рукой придерживал поводок Динго.

Так прошло несколько минут, которые Томеку показались вечностью. Потом послышались голоса и топот ног. Подошла главная колонна каравана. Впереди шел Бентли, Айн'у'Ку, Бальмор, Збышек и обе девушки, за ними носильщики. Вильмовский в обществе австралийских препараторов замыкал шествие. Смуга поднес к губам свисток. Раздались два резких свистка. Условный сигнал опасности не изменил походный порядок каравана. Только руки белых путешественников коснулись оружия.

– Вперед! – приказал Смуга.

Отстранив Томека, Новицкий выдвинулся вперед. Томек насупил брови, потому что перед лицом опасности не любил прятаться за спинами товарищей. Но теперь он не посмел воспротивиться капитану. Новицкий и Смуга относились к нему как к родному сыну, и он слушался их так же, как родного отца.

Вскоре капитан остановился и повернулся к друзьям.

– Мы наткнулись на тропинку, – вполголоса сообщил он. – Взгляните вниз, на тропинке видны следы человеческих ног...

Смуга и Томек были превосходными следопытами, и быстро определили, что человеческие следы на тропинке ведут в обоих направлениях.

– Пойдем налево, на севере скорее можно ожидать наличия деревни, – решил Смуга.

Новицкий снова шел впереди. Тропинка стала подниматься в гору. Динго ерошил шерсть, ворчал, обнажал клыки, но в чаще у дороги царила тишина. Таваде были невидимы, как духи.

Протоптанная людьми тропинка, вилась по пологому склону. Новицкий как раз миновал поворот и внезапно остановился. Поперек тропинки был устроен завал из тростника, связанного крест-накрест.

– Посмотрите, это пожалуй, какой-то знак, – обратился моряк к друзьям.

Смуга повернулся назад и дал каравану сигнал остановиться.

– Айн'у'Ку, иди-ка сюда! – позвал он.

Босс-бой подбежал к Смуге. Он увидел завал. Его лицо посерело от страха и он отступил на несколько шагов назад.

– Ты знаешь, что значит этот знак! – спокойно спросил Смуга.

– Знак говорит: военная тропа, не идти дальше! – шепнул Айн'у'Ку.

Капитан Новицкий вопросительно взглянул на Смугу.

– Если теперь вернемся, то нам не удастся пройти через страну таваде, – тихо сказал Смуга. – Мы должны сохранять... хладнокровие. Я попытаюсь пройти первым!

Моряк гневно насупил брови, заступил ему дорогу и сказал:

– Извините, если не хотите меня обидеть, соблюдайте распределение функций. Вы назначили меня и Томека вооруженными стражниками. Мы обязаны идти вперед! Я пойду первым, если со мной что-нибудь случится, Томек меня заменит!

Смуга бросил на Новицкого обиженный взгляд, но через мгновение на его губах появилась ироническая улыбка.

– Я жалею, что не назначил тебя поваром. С тобой меньше было бы хлопот, – ответил он.

Капитан повеселел и сказал:

– Нам не впервые танцевать такой танец, но вы нужны экспедиции больше, чем я! В случае необходимости вы и Томек поддержите меня огнем!

– Ничего не поделаешь приходится уступить! Помни, что ты многим рискуешь...

Капитан только сверкнул глазами и повернулся налево кругом. Прижал приклад винтовки к бедру, положил палец на курок, и готовясь к выстрелу в любую минуту, ногой сбросил завал с тропинки и смело пошел вперед.

Смуга, Томек и верный Айн'у'Ку шли за ним в нескольких шагах. Оружие они держали на взводе, потому что Динго дрожал как в лихорадке. Охотники знали, что за ними наблюдают. В любой момент могли посыпаться копья и стрелы из луков.

Томек оглянулся назад. Там, на некотором расстоянии от него, он увидел Бентли и побледневшего Бальмора. За ними шли девушки. У всех в руках были винтовки. Носильщики в испуге

остановились. Не приходилось сомневаться, что в случае атаки, Вильмовский и оба препаратора не удержат их от панического бегства.

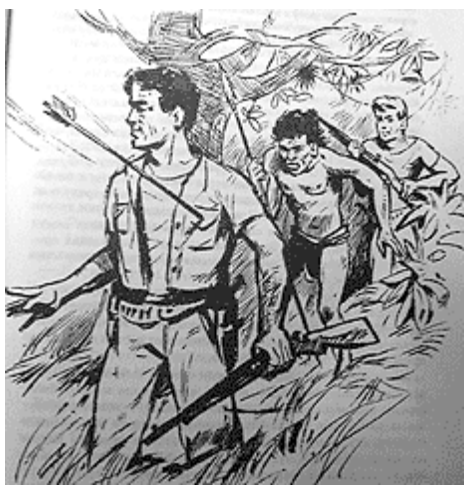
Новицкий не оглядывался назад. Мерным шагом он шел навстречу опасности. Капитану не было известно чувство страха, если дело касалось только его собственной жизни. Вдруг он увидел новое препятствие на пути. Поперек тропинки торчали три копья, остриями направленные к нему.

– Мастер! Ни шагу дальше, а то погибнешь! – раздался предостерегающий крик Айн'у'Ку.

Новицкий догадался, что означают торчащие поперек дороги копья. Не долго думая, он левой рукой вырвал их и бросил в сторону. Ускорил шаг. Прищурив глаза, чтобы не мешали солнечные лучи, он внимательно рассматривал зеленую чащу. Вдруг услышал свист стрелы, выпущенной из лука. Отскочить, однако, не успел. Заостренное крючком острие впилось ему в левую сторону груди.

XVI
Красная райская птица

Пораженный стрелой прямо в грудь, Новицкий зашатался, но удержался на ногах. Услышал крик ужаса, вырвавшийся из уст друзей, и сразу выпрямился. Левой рукой вытер со лба холодный пот. Глубоко вздохнул. Не чувствовал боли. Он с удивлением посмотрел на стрелу. Торчала в его груди, причем древко стрелы поднималось и опускалось в ритме дыхания. Сразу же понял в чем дело. В кармане на левой стороне груди он носил толстую записную книжку, которая на суше заменяла ему корабельный журнал. Меткая стрела, направленная прямо в сердце, впилась в записную книжку. Это и спасло капитана. С чувством облегчения Новицкий сразу же вырвал стрелу, и направился в лесную чащу. Пользуясь стволом, как палкой, раздвинул ветки кустов; то, что там увидел, могло испугать самого мужественного человека. В темной зелени джунглей стоял целый отряд папуасских воинов с луками и копьями в руках. Выглядели, как скелеты, потому что тела их были размалеваны поперечными белыми полосами. Глаза окружены красными и желтыми кольцами. У многих из них торчали в мочках ушей и в хрящах носов какие-то странные украшения. Во главе отряда стоял воин с оригинальным ожерельем на шее, сделанным из лиан.



Новицкий сразу угадал, что это он стрелял в него из лука, так как стрелы у воина не было. Его голова была украшена великолепным султаном из перьев райской птицы. Видимо, это

был вождь...

Ужасного вида воины, затаив дыхание наблюдали за действиями белого великана. А тот подал незадачливому стрелку стрелу, которую вынул из... собственной груди.

Воины таваде отступили на шаг, с глухим возгласом ужаса. Они дрожали от страха. Они впервые встретились в лесу с духами, находившимися там среди белого дня. Если бы не то, что «телеграф» джунглей уже предупредил о приходе духов, они наверное разбежались бы сразу, как только увидели их. Элеле Когхе, бесстрашный вождь таваде, не хотел войны со сверхъестественными существами. Теперь он не сомневался, что это духи. Ведь только духи могут не бояться предостерегающих знаков на тропе. Элеле выстрелил в огромного белого духа, чтобы окончательно убедиться, что это не человек. Элеле Когхе – меткий стрелок. Он знал, что стрела попала прямо в сердце. Она не принесла вреда! Значит, это в самом деле дух, а не человек! Ведь вот он, стоит рядом и протягивает ему стрелу, вырванную из сердца... Но уже подбегают остальные духи...

Новицкий жестом руки остановил друзей. Пригласил вождя таваде подойти ближе. Элеле Когхе понял и последовал приглашению Новицкого. Капитан вложил стрелу ему в руку и потер носом о нос таваде.

Воины радостно закричали. Желая ближе взглянуть на духов, толпой вышли из укрытия... Элеле Когхе тоже преодолел страх. Он прижался головой к груди могущественного «духа» и стал рукой ощупывать его тело. Новицкий достал из-за пояса стальной нож и вручил его вождю.

Воины таваде начали ритмически топать ногами. Это, видимо, было условным знаком, потому что из чащи вышли новые отряды таваде и присоединились к воинам, стоявшим вокруг белых охотников. Элеле Когхе поняв, что духи не понимают его слов, стал жестами приглашать их в свою деревню. Вскоре все воины таваде и члены экспедиции белых, в полном согласии пошли по тропинке вверх по горному склону.

– Ты ранен? – тревожно спросил Смуга, как только улучил минутку, чтобы подойти к моряку. – Ты великолепно себя держал с ними! Я никак не ожидал, что ты способен на такое самообладание...

– Я ранен? – удивился Новицкий. – Нет, после такого выстрела можно быть только покойником. У моего нового знакомца рука меткая, ничего не скажешь! Попал прямо в сердце! Не глядите на меня, как на сумасшедшего! Покойный мой папаша всегда повторял мне: учись Тадек, наука всегда тебе пригодится. И правда, пригодилась!

– Что ты за ерунду плетешь? – тревожно спросил Смуга, внимательно смотря на моряка.

– Вы уцелели благодаря корабельному журналу! – воскликнул Томек, который сразу догадался в чем дело.

– Корабельный журнал? – удивился Смуга.

– Вот именно! Я хотел поупражняться в записях, – стал объяснять моряк. – Поэтому в кармане на левой стороне груди ношу с собой записную книжку, которая здесь на суше заменяет мне корабельный журнал. Я записывал в ней свои вахты, а Томек исправлял мои ошибки...

– Черт возьми, ведь эта книжечка спасла тебе жизнь! – воскликнул Смуга, обнимая капитана.

– Вот вам лучшее доказательство пользы науки, – сказал Новицкий.

Томек остановился, чтобы подождать остальных товарищей и рассказать им о счастливой случайности, спасшей капитана, потому что все знали о стреле, попавшей ему в грудь и опасались за жизнь отважного моряка. Ведь туземцы часто применяли отравленные стрелы, рана от которых могла быть смертельной.

Вскоре воины таваде привели караван в деревушку, расположившуюся на вершине горного хребта. Начались торжественные речи, дополненные жестами, после чего туземцы пригласили «белых духов» в эмоне, чтобы совершить церемониал курения трубки. Старейшинам деревни Смуга подарил множество мелких вещей и попросил вождя разрешить экспедиции разбить лагерь в ближайшей долине.

Воины и женщины нестройной толпой проводили путешественников до места выбранного под лагерь. Пир, данный в честь путешественников, на который ушло несколько свиней, продолжался почти до утра.

* * *

Белые путешественники начали изучение обширной страны таваде и ловлю животных и птиц. Грозные воины относились к ним доброжелательно. Поэтому большинство мафулу решили остаться в экспедиции.

Вильмовский делал все возможное, чтобы заставить враждующие племена заключить мир. Воинственные таваде пошли на уступки, потому что очень боялись «белых духов», их «гремящих» палок и волшебной силы. Они согласились получить выкуп за прекращение войны. После долгих переговоров решено, что таваде вернут мафулу взятых в плен женщин, а мафулу выплатят им вознаграждение в виде двадцати голов свиней. Обрадованный таким оборотом дела, Вильмовский прибавил к этому выкупу десять стальных ножей, пять зеркал, пять топоров, три горсти небольших раковин и двадцать ожерелий из стекляруса. Правда, мафулу утверждали, что коварные таваде вернули им самых старых женщин, но все же военные действия были прекращены.

Мир для народов – благо. Так было и теперь. Воины, женщины и даже дети свободно посещали лагерь белых путешественников. Сначала они с боязливым вниманием рассматривали собранные звероловами коллекции флоры и фауны. Потом, приободренные Салли, они стали приносить ей различные, растения и разных зверков. Салли не довольствовалась этим – она научила детишек ловить великолепных мотыльков, водившихся на берегу реки, притом ловить их так, чтобы не попортить их крылышек, и вскоре стала обладательницей интересной коллекции бабочек Новой Гвинеи.

Смуга, Томек и Новицкий прилежно занимались охотой на райских птиц. Они уходили подчас далеко, в такие места, куда не ступала нога даже местных туземцев, и из каждого похода приносили ценные трофеи.

Удача сопутствовала охотникам так, что Бентли и

Вильмовскому приходилось работать с утра до вечера. Препараторы часто оставались до глубокой ночи, чтобы не допустить повреждения скоропортящихся в жарком климате шкурок животных и птиц.

Наташа почти все свое время посвящала лечению туземцев, среди которых были широко распространены разные болезни. Поэтому таваде были весьма частыми гостями в лагере, причем их детское любопытство не раз мешало путешественникам работать. Туземцы непременно хотели присутствовать во время бритья, умывания и одевания белых, наблюдали за ними во время еды и работы. Самые, казалось бы, обыкновенные предметы домашнего обихода вызывали у них удивление, во всех действиях белых они подозревали волшебство. Хуже всего приходилось Салли и Наташе, которым упрямое любопытство туземцев не давало прохода, так что им даже мыться приходилось в палатке плотно закрытой со всех сторон.

Вильмовский не прекращал этнографических исследований. Внимательно наблюдая за поведением туземцев, он пришел к выводу, что среди таваде все еще распространен каннибализм. Невдалеке от деревушки была свалка, на которой лежали человеческие кости. Видимо, это были останки съеденных врагов. Среди таваде существовал обычай убивать стариков, когда они от старости и болезней не могли больше воевать и работать. Правда, делали это не ближайшие родственники, а посторонние люди, как правило, жители соседней деревушки. Однако родственники просили их об этом. Впрочем, старики прекрасно знали, что приходит время расставаться с жизнью, и не раз сами за несколько часов до смерти, принимали участие в погребальных торжествах. Они не боялись смерти, ведь когда-то они так же поступили со своими родителями. «Услужливые» соседи отдавали родственникам убитого его кости, и те старательно хранили их в своих шалашах. Иногда сын, идя ко сну, клал под голову череп отца, надеясь получить во сне «хороший совет» от покойника.

Вильмовский, конечно; стремился изменить варварские обычаи туземцев. Но стоило ему в беседах с таваде осторожно коснуться этой темы, как хорошие до того отношения сразу же стали портиться. Сначала мужчины, потом женщины и дети перестали посещать лагерь.

Звероловы заметили перемену в поведении туземцев. Поэтому однажды вечером, Вильмовский позвал в палатку Айн'у'Ку.

– Ты знаешь, почему таваде стали нас избегать? – спросил он босс-боя.

Мафулу в испуге опустил голову и сказал:

– Есть очень много плохо... Шаманы говорят, что вы садить души люди в мертвый птицы, цветы, ол райт!

Вильмовский насупил брови. После минутного молчания спросил опять:

– Кого из нас шаманы обвиняют в этом?

Босс-бой тревожно оглянулся на дверь, наклонился к Вильмовскому и тихо ответил:

– Белую Мери[113], которая принадлежать молодой белый колдун.

– Ты же знаешь, что это ложь! – возмутился Вильмовский. – Мисс Салли не обидит даже муху!

– Белая Мери много добрая, – признал Айн'у'Ку. – Шаманы много злые на ваша и мафулу...

– Спасибо, друг, ты мне сообщил много важного, – ответил Вильмовский.

Встревоженный Вильмовский, немедленно позвал друзей на совет. Все пришли к выводу, что пора уходить из страны таваде. Опасаясь за свое влияние, шаманы могли решиться на опасные действия. К сожалению, многочисленные коллекции экспедиции требовали еще многих стараний, а бросить их на произвол судьбы нельзя. Отъезд пришлось отложить. Путешественники просили Салли соблюдать сугубую осторожность, а Томеку поручили ни на шаг не отходить от нее. Салли совсем не испугалась тревожных вестей. В последнее время ей мало приходилось встречаться с Томеком, который часто уходил в джунгли на охоту. Она даже

обрадовалась, что он теперь будет проводить время с ней.

Спустя несколько дней Салли и Наташа в сопровождении Томека, как всегда вооруженного штуцером, направились к берегу ручья. Они решили прополоскать выстиранное белье.

Узелок с бельем Салли положила на землю, а сама собралась было босыми ногами войти в воду мелкого ручья, как вдруг заметила водяную змею. Томек, конечно, сразу же прогнал пресмыкающееся и сел, внимательно наблюдая за всем, что происходит в воде. Девушки стали доставать из узелков разные мелочи и полоскать их в ручье. Среди беззаботной беседы они и не заметили, как из ближайших кустов выполз туземец, прильнул к земле, и воспользовавшись тем, что молодые люди заняты собой, выхватил из узелка Салли пару толстых шерстяных чулок.

* * *

На краю деревушки таваде, в хижине, стоявшей на высоких сваях, сидели два человека. Несмотря на царившую внутри темноту, в одном из сидевших можно было легко узнать Элеле Когхе. Отблеск углей, тлевших в желобе на полу хижины играл на его пурпурном султане из великолепных перьев райской птицы. Этот султан послужил туземцам поводом назвать своего вождя Красная Райская Птица.

Элеле Когхе внимательно и сосредоточенно слушал слова шамана и время от времени сам задавал ему вопросы. Он тревожно глядел на ужасные маски, висевшие под скатом крыши, и на чудодейственные бубны, с помощью которых шаман беседовал с духами. Элеле плохо себя чувствовал в хижине шамана. Он знал, что в ней обитают таинственные силы, и, что даже вождь мог войти в хижину только после того, как шаман испросит разрешение у могущественных духов.

– Нас обманули, – говорил великий шаман. – Эти белые совсем не духи. Они такие же люди, как мы!

– Но почему у них другая кожа, чем у нас? – спросил Элеле.

Глаза шамана сверкнули и он с гневом ответил:

– Потому что они укрывают свое тело одеждой и постоянно обливают себя водой. Это очень расточительные и непрактичные люди. Они то и дело меняют одежду и заставляют нас кормить овощами даже этих противных мафулу!

– За это они дают нам разные вещи, – возразил Элеле.

– Глупец, они дают, потому что знают, что все вернется к ним, когда твоя душа очутится в мертвом теле птицы, или в лепестках увядшего цветка!

Закаленный в боях воин побледнел от страха.

– Это злые люди! – продолжал шаман. – Они бросают чары на всякого, кто взглянет им в глаза. Только поэтому твоя меткая стрела не пробила сердце того человека! Но не он, и даже не молодой колдун опасны!

– Ты уже говорил, что хуже всех молодая женщина, которая целыми днями мучает убитых птиц и животных, – вмешался вождь.

– Да, ты совершенно прав! – согласился шаман. – Этот молодой без нее ничего не может сделать, он все время просит у нее совета.

– А та, вторая женщина?

– Нет, она не причастна к колдовству!

– Сделай так, чтобы белые люди не могли поселить мою душу в тело птицы или лепесток цветка, – стал горячо просить шамана Элеле Когхе.

– Ты должен соблюдать древние обычаи!

– Что я должен сделать?

– Убивай мафулу и поедай их, потому что только так ты сможешь уничтожить всех врагов. Когда ты пожирал сердца убитых врагов, мужество и сила входили в твое тело. Тогда все жители нашей деревни были сыты и приносили мне много даров...

– Ты советуешь напасть на деревню белых людей? Они будут защищать подлых мафулу!

– Нет, с ними мы сведем счеты потом. Сначала я всем покажу свое могущество! В этой стране нет шамана могущественнее меня! Я могу любого человека лишить жизни, даже умертвить белую женщину, заклинающую души воинов таваде в птиц и цветы.

– Ты в самом деле решишься на это? – изумился Элеле Когхе.

– Не пройдет и два раза по три луны, как белая женщина будет мертва!

– Рука человека ее не убьет! Она знает ужасные заклятия...

Шаман мрачно улыбнулся. Встал и принес из угла комнаты корзину, сплетенную из лиан. Приподнял крышку. Элеле Когхе в испуге отпрянул. На дне корзины лежала, свернутая в кольцо змея. Вдоль ее туловища серо-стального цвета, от головы до хвоста сияла широкая красная полоса. Это была самая ядовитая змея из обитающих в Новой Гвинее. Шаман закрыл крышку и отнес корзину на место. Потом уселся рядом с вождем и сказал:

– Ты знаешь, что укус этой змеи смертелен для всякого человека. Эта змея не испугается даже женщины, способной заклинать души таваде! В тело змеи я вселил душу воина, племя

которого живет там, где скрывается солнце...

– Это охотник за человеческими головами? – в испуге спросил Элеле Когхе.

– Да, и он выполнит любое мое приказание...

– Значит ты прикажешь ему убить белую женщину?

– Да, и тогда белые люди потеряют свою колдовскую силу. Ты убьешь всех белых и всех мафулу!

– Пусть будет по-твоему, – ответил Элеле Когхе и коснулся правой рукой ожерелья из лиан, на котором каждый узелок означал убитого врага.

Чтобы скрыть злорадную усмешку, шаман опустил голову на грудь. Не поднимая головы, тихо сказал:

– Теперь ты уходи. Мне надо поговорить с духами. Твоя душа останется в твоем теле. Белые люди ее не возьмут...

Элеле Когхе украдкой вышел из хижины. Сошел по лестнице на землю и побежал к эмоне, чтобы немедленно передать воинам важные вести. В этот вечер в деревушке таваде загремели барабаны, а танцы продолжались до рассвета.

В то время, как воины танцевали вокруг костров, шаман втянул лестницу внутрь хижины, чтобы никто не мог в нее войти. Из-под кровли достал небольшую деревянную дудку, закупоренную пробкой. Открыл ее и понюхал. Еле заметный чужой запах вызвал улыбку на его губах. Потом шаман приготовил вторую бамбуковую трубку потолще и принес корзину с ядовитой змеей. Открыл крышку. Пресмыкающееся толщиной в руку взрослого мужчины, блаженно дремало после сытного завтрака. Правой рукой шаман ловко схватил змею у самой головы. Змея проснулась, гневно сверкнула глазами, раскрыла пасть и обнажила ядовитые зубы, но укусить своего мучителя не могла. А тот, шепча заклинания, хвостом всадил змею в бамбуковую трубку. Вынув из меньшей трубки дамские чулки, шаман свернул их в клубок и заткнул им отверстие трубы, в которой сидела змея.

Злобно усмехаясь, шаман положил трубу близ раскаленных углей и сам сел рядом. Много трудов стоило шаману добыть одежду белой женщины, которая пользовалась любовью и симпатией не только женщин и детей таваде, но и суровых воинов. Влияние белых людей сильно мешало шаману. Они лечили лучше чем он, давали лучшие советы, и нарушали древние обычаи племени. Поэтому шаман решил как можно скорее избавиться от непрошеных гостей. Он тайно распространял всякие небылицы о белых людях, и до тех пор восстанавливал против них население деревушки, пока не убедил всех, что необходимо нанести белым решительный удар.

Взглянул на бамбуковую трубу. Змея плохо переносила жар углей. Шаман взял в руки камень и стал ритмически бить им по трубе. На его устах играла дьявольская усмешка, ибо он знал, что даже легкие удары внутри трубы превращались в гром. Терпеливо бил камнем по трубе. Взбесившаяся змея уже наверное кусала чулок, замыкавший ее тюрьму. Запах одежды белой женщины теперь будет постоянно вызывать инстинктивную злобу змеи. И ужасная смерть постигнет белую женщину...

XVII
Коварный удар

Четыре дня подряд мучил шаман несчастную змею. Он морил ее голодом, припекал на горячих углях, бил камнем по бамбуковой трубе, где сидела змея, шепча ужасные заклинания. Пока он занимался этим, два его ученика, которых он прочил себе в заместители, тайно вели наблюдения за лагерем белых охотников, на райских птиц. Хитрый шаман знал все, что делается в лагере, и исподволь готовился выполнить свой подлый замысел.

Разведчики донесли шаману, что начальник белых охотников уже несколько раз ходил на запад. Из этого шаман заключил, что белые намерены отправиться туда, на запад, в страну охотников за человеческими головами. Это было бы весьма на руку шаману. В той стороне обширные болота отделяли страну таваде от страны племени ку-ку-ку-ку. Места там были очень удобны для засады. Неожиданное нападение заставит носильщиков, да и белых, разбежаться, что позволит таваде начать ужасную охоту!

Шаман дал вождю Элеле Когхе подробные указания, относительно намеченной операции. В деревушке таваде из ночи в ночь гудели барабаны. Воины раскрашивали тела красками войны, танцевали ночи напролет. Зловеще улыбаясь, шаман удовлетворенно потирал руки. Белые путешественники уже не отваживались посещать деревушку. Таваде тоже старались избегать встреч с ними; они с нетерпением ждали сигнала к нападению, чтобы захватить и уничтожить мертвых животных и цветы, и тем помешать белым вселить туда их души. Кроме того, они верили словам шамана, который убеждал их в том, что если белые спокойно уйдут из джунглей, в них погибнут все звери, птицы и цветы. Туземцы точили острия копий и готовили луки.

В один прекрасный день шпионы донесли шаману, что белые уже закончили все приготовления к походу и, видимо, на рассвете тронутся в путь. Белые предприняли все меры предосторожности. Они вооружили палками, изрыгающими огонь и гром, даже нескольких носильщиков мафулу. Шаман немедленно вызвал Элеле Когхе. Вдвоем они разработали план действий во всех подробностях.

Вечером в деревушке барабаны загудели в ритме военного танца. Все ее обитатели вышли на широкую улицу между хижинами. Шаман появился в огромной, остроконечной маске. Его шею украшали ожерелья из собачьих и свиных зубов и

ракушек. Все тело шамана с головы до ног было раскрашено в красный, белый, желтый и черный цвета. В правой руке он держал череп своего предшественника, а в левой – волшебную кисть. Увидев это, все присутствующие задрожали от страха. Шаман одевался так только тогда, когда намеревался просить совета у бога, обитающего в каменной пещере, в глубине джунглей. Самые храбрые воины, если кому нибудь из них приходилось проходить вблизи скалы, внутри которой жили могущественные боги, дрожали от страха. Поэтому тревожные взгляды сопутствовали шаману до тех пор, пока он не скрылся в темной чаще джунглей.

Очутившись в джунглях, шаман присел на камень. Зачем ему ходить в пещеру?! Он прекрасно знал, что кроме летучих мышей в ней никого нет. Из поколения в поколение шаманы таваде передавали сказку об ужасных духах, будто бы обитающих в одинокой пещере. Они заботились также о том, чтобы никто не усомнился в их правдивости. Несколько смельчаков, пытавшихся проникнуть в пещеру, погибли при весьма таинственных обстоятельствах. Но сам шаман не боялся мести богов, он не боялся ходить в одиночестве по ночным джунглям. Он очень хорошо знал всех «духов», с которыми вел «беседу» с помощью чародейских барабанов. Теперь шаман сидел под деревом и прислушивался к звукам, доносившимся из деревушки. Шаман вернулся в деревню к ошеломленным танцами таваде, только на рассвете. Все обитатели деревушки выстроились перед ним в ожидании вестей от богов.

Шаман остановился между двумя отрядами воинов, напротив Элеле Когхе и важно обратился к нему:

– Я говорил с духами, обитающими внутри горы... Они очень разгневаны. Они говорят, что нельзя жить в мире с белыми людьми, которые заклинают души таваде в мертвых животных, птиц и цветы, чтобы потом подвергать их ужасным мучениям. Я с трудом испросил прощение у грозных духов... Они еще раз обещали вам свою милость. Не пройдет и одна луна, как белая женщина погибнет, а вождь Элеле Когхе даст сигнал к нападению на белых. Вас ожидает великая победа!

– Кто убьет белую женщину? – тревожно спросил Элеле Когхе. Он боялся, что шаман поручит ему эту неблагородную роль.

– Это сделаю я с помощью змеи, в которую я вселил душу храброго охотника за человеческими головами, – ответил шаман. – Вскоре вы увидите белую женщину мертвой. Тогда молодой белый охотник потеряет свою волшебную силу.

– Хорошо, мы сделаем по-твоему... – решил Элеле Когхе. – На рассвете мы отправимся на место засады. Будем ждать смерти молодой женщины.

* * *

Глухо гремели барабаны. Светало. В джунглях проснулись птицы и к звукам барабанов присоединили свои голоса. Элеле Когхе и шаман отправились во главе отряда воинов таваде в джунгли. Широкой дугой они обошли лагерь белых охотников и направились к западу. Здесь, через болото вела только одна, доступная для людей тропа. Именно на ней шпионы шамана видели несколько дней назад Смугу, и на ней по совету шамана воины решили устроить засаду на белых. Укрыв отряд воинов в ближайших зарослях, Элеле Когхе отправил разведчиков в сторону, откуда должны были прийти путешественники. Разведчики вскоре вернулись с вестью, что караван идет по пути, указанному шаманом. Видимо, духи из горной пещеры дали ему хороший совет.

Правильность предвидений шамана несколько успокоила таваде. Они не боялись битвы, даже с сильнейшим противником[114], но на этот раз приходилось иметь дело с белыми могущественными чародеями. Останется ли такое нападение безнаказанным? Если надо противостоять таинственным духам, простого человеческого мужества мало... Кроме того, таваде трудно было понять почему эти добрые и спокойные белые духи, как уверяет шаман, так сильно ненавидят таваде. Ведь лекарства белых быстро излечивали раны от укусов пиявок; их советы тоже бывали лучше, чем советы шамана. Белые никого не пугали злыми духами, не боялись молнии, грома и землетрясения. Все чудесные явления они объясняли просто и понятно.

Вождь Элеле Когхе, подобно своим воинам, тоже мучился сомнениями. Как и все остальные, он очень боялся духов и чародеев. Напуганный и раздраженный шаманом, он согласился напасть на белых людей. Он вступил на тропу войны и знал, что если ему суждена победа, то об его мужестве и храбрости многие поколения таваде будут слагать песни. Но Элеле Когхе не чувствовал радости, когда думал о скорой смерти веселой, доброжелательной и мудрой белой женщины. Если бы не то, что по словам шамана она вселила его душу в тело мертвой райской птицы, Элеле Когхе ни за что на свете не согласился бы напасть на белую женщину...

Элеле Когхе прекрасно понимал, что теперь уже поздно менять принятое решение. Воины воодушевлены боевыми танцами, извечный инстинкт борьбы, веками воспитанный в их душах, глушил дружественные чувства по отношению к белым. Воины жаждали крови и ужасного пира.

К вождю подбежал новый разведчик. Караван белых охотников приближался к болотам. Элеле Когхе вопросительно взглянул на шамана. Тот кивнул головой и встал с места, на котором сидел. Вождь приложил руки рупором ко рту. Раздался пронзительный крик райской птицы. Воины вышли из укрытия и направились вслед за Элеле Когхе.

Там, где тропа начинала спускаться в широкую болотистую низменность, Элеле Когхе разделил воинов на два отряда. Один из них замаскировался в кустах, чтобы ударить по тылам противника, второй, во главе с Элеле Когхе, отошел по тропинке в глубь болота.

Шаман притаился в кустах у тропы, между обоими отрядами. Здесь тропа вела через густые заросли. В кустах, на самом краю тропы, шаман положил толстую бамбуковую трубу, закрепил ее колышками, вбитыми в землю и тщательно замаскировал зелеными ветками. К выступающему из одного конца трубы клубку из чулок, шаман привязал длинную тонкую лиану, а сам, держа в руках конец лианы, удалился в кусты на безопасное расстояние.

Шаман присел за стволом дерева, прислушался. Как только белая женщина очутится рядом с отверстием трубы, он дернет за лиану, вытащит комок, затыкающий отверстие. Разъяренное пресмыкающееся воспользуется случаем, чтобы выползти на свободу, почувствует знакомый запах и поступит так, как во время мучений: вобьет ядовитые зубы в ногу белой женщины. Смерть наступит быстро, движение каравана нарушится... Элеле Когхе и его воины закончат дело...

* * *

Караван охотников спешно приближался к болотам. Глухой гром барабанов и ночной танец таваде не обещали ничего хорошего. Уже несколько дней ни один из таваде не приходил в лагерь охотников, но Смуга и Томек быстро обнаружили следы разведчиков, наблюдавших из укрытия за жизнью лагеря.

Звероловы не хотели битвы с туземцами. Поэтому, как только они убедились, что стали нежелательными гостями, сразу же постарались, как можно скорее, уйти из страны таваде. Они уже собрали множество экземпляров флоры и фауны, располагали прекрасной этнографической коллекцией. Бентли все чаще стал с вожделением поглядывать на горы, громоздившиеся в центре острова.

Мафулу обрадовались уходу из страны таваде. Они не

доверяли своим исконным врагам. Мафулу тревожно прислушивались к зловещему гудению барабанов. Теперь они весело шли за вооруженным авангардом белых людей.

Хотя Смуга и не ожидал засады, он все же принял меры предосторожности. Вместе с Новицким, Томеком, Бальмором и Бентли он занял место впереди каравана. Шествие замыкали Вильмовский, Збышек и два препаратора – Станфорд и Уоллес. Обе женщины шли впереди носильщиков, сразу же за вооруженным авангардом.

Тропинка, по которой двигался караван становилась болотистее. Деревья росли реже, между кочками, поросшими остролистной травой, чернели мутные лужи воды. Смуга уже не раз бродил по этим местам, поэтому уверенно шел по дорожке, протоптанной среди влажного болота.

Салли с сожалением оглянулась на живописную долину, где охотники провели несколько спокойных недель. Немного опечаленная, она обратилась к Томеку:

– Все хорошее быстро кончается. Нам было хорошо в той красивой долине. Мне не хотелось бы слишком долго бродить по болотам.

– Не печалься, Салли! Не пройдет и нескольких дней, как мы опять разобьем лагерь в какой-либо прекрасной долине. Смуга уверен, что нам удастся дойти до центра острова, – утешил ее молодой человек.

– Здесь мрачно и сыро, – жаловалась Салли. – Посмотри, даже Динго вертит носом, недовольный болотом.

И правда, Динго выказывал явное беспокойство. Он поднимал нос вверх, что-то вынюхивал, словно чуял опасность. Томек тихо свистнул два раза. Смуга и Новицкий замедлили шаг. Через минуту Томек и Салли подошли к ним.

– Динго стал беспокоиться, – кратко заявил Томек.

– Я не заметил следов на тропе, – ответил Смуга.

– Я тоже ничего не заметил, – добавил Новицкий. – Может быть какие-нибудь молодцы притаились в чаще?

– Видимо, таваде хотят убедиться, в самом ли деле мы уходим, – вмешался Джемс Бальмор.

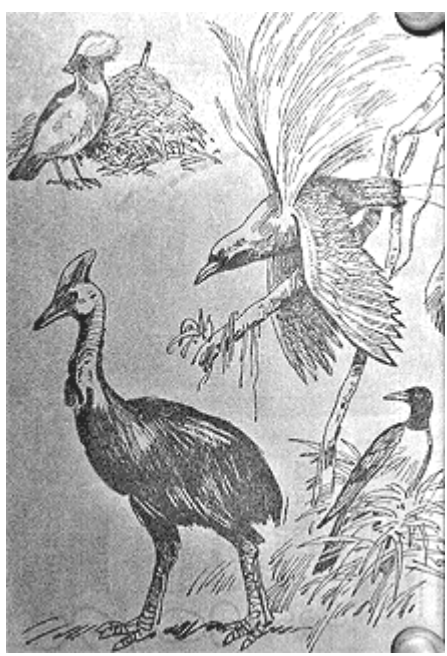
– Я предпочел бы никого не встретить в этом болоте, – буркнул Смуга.

– Разве нет другой дороги? – спросил Новицкий.

– Нет. Это единственная тропа, ведущая на запад... – ответил Смуга.

– Держите винтовки наготове, вперед!

Но не успели они сделать и двух шагов, как Салли пронзительно вскрикнула... В это же мгновение Динго вырвал поводок из рук Томека, и как молния бросился на серовато-стальное тело змеи с красной полосой вдоль спины. Змея свернулась как пружина, но Томек был столь же быстр, как и Динго. В одно мгновение пять пуль, выпущенных из револьвера, размозжило большую, плоскую голову гадюки.



Капитан Новицкий подхватил смертельно напуганную Салли под руку. В это время Динго как стрела бросился в кусты. Джемс Бальмор храбро побежал вслед за собакой. Вильмовский, находясь в арьергарде каравана не знал, что случилось впереди. Однако, услышав крик Салли и заметив смятение впереди каравана, побежал на помощь Бальмору. Держа наготове винтовку, Бальмор бежал за Динго. Он слышал его ворчание и короткий лай. Бальмор не сомневался, что пес бросился на кого-то, притаившегося в кустах вблизи тропинки. Бальмор с размаху выскочил прямо на туземца, который острым ножом из кости казуара, пытался защититься от клыков взбесившегося Динго.

– Брось нож! – крикнул Бальмор, совсем забыв, что туземец не понимает по-английски.

Шаман замахнулся ножом. Неопытный Бальмор, вероятно, получил бы удар и погиб, но Динго бросился на шамана, пытаясь схватить его за горло. Шаман отпрянул в сторону и ему удалось избегнуть острых клыков собаки. Левой рукой Бальмор успел схватить руку шамана вооруженную ножом, но вдруг оступился, и его ноги увязли в трясине. Бальмор пошатнулся, выронил из рук винтовку, упал на спину, увлекая за собой шамана. Свободной рукой Бальмор уперся в грудь противника, пытаясь оттолкнуть его, потому что сильный папуас мог подмять его под себя. Острие костяного ножа медленно приближалось к груди англичанина. Пальцы Бальмора, сжимавшие руку шамана, вооруженную ножом, стали ослабевать. Смерть заглянула Бальмору в глаза, тем более, что Динго почему-то притих и прекратил атаки на туземца. Бальмор закрыл веки… Его покинули силы.

В этот момент на место борьбы прибежал Вильмовский. Отбросив в сторону винтовку, он схватил шамана за шиворот левой рукой, а правой выкрутил ему руку, сжимавшую нож. Не прошло и минуты, как обезоруженный и связанный шаман уже лежал на земле.

Тяжело дыша, Бальмор поднялся на ноги.

– Это он испугал Салли? – тревожно спросил Вильмовский.

– Кажется, на нее бросилась змея. Динго побежал в джунгли, а я – за ним, – ответил Бальмор. – Видимо, этот человек сидел в засаде у тропинки.

Вильмовский насупил брови. Внимательнее взглянул на пленника.

– Это шаман таваде, – после минутного молчания заявил он. – Давай, скорее возвратимся к нашим… Дело выглядит очень подозрительно.

Вильмовский поднял с земли винтовку и, подгоняя впереди

себя испуганного шамана, поспешно направился к тропе. Громкие команды Смуги и глухой ропот перепуганных мафулу свидетельствовали о том, что произошло несчастье. Вильмовский прикладом подогнал папуаса. Почти бегом выскочил на тропу.

Носильщики бросили тюки по обеим сторонам тропы, так что образовалось нечто вроде баррикады. Под ее защитой собрались все участники экспедиции. Смертельно бледная Салли сидела на расстеленном одеяле. Рядом, наклонившись над ней, стояли Томек, Смуга и Новицкий.

Как только Смуга увидел Вильмовского, он сказал обращаясь к нему:

– Возьми на себя команду, Андрей! Змея укусила Салли, но, отнюдь не случайно! Посмотри-ка, что я нашел в кустах близ тропы.

Говоря это он показал Вильмовскому бамбуковую трубку и комок из чулок, с привязанной лианой.

– Это наверняка его рук дело, – добавил Смуга, кивнув в сторону папуаса.

– Это шаман таваде, – сказал Вильмовский. – Разве?...

– Не будем терять времени! – перебил его Смуга. – Стреляйте во всякого кто покажется из чащи. А этого преступника держите под строгим караулом! Мы им потом займемся.

Вильмовский понял, что каждая упущенная минута может грозить Салли смертью. К счастью, Наташа уже раскладывала рядом с ней подручную аптечку.

– Слушай, красавица, ты в своей Австралии привыкла к разным гадинам, – говорил капитан Новицкий. – Ты лучше других знаешь, что надо делать в таких случаях...

От волнения и страха Салли не могла произнести ни слова. Ведь она знала, что для ее спасения надо немедленно вырезать мясо в месте укуса. Положив голову на плечу сидевшего рядом с ней Томека, она судорожно схватила его за руку.

– Ничего не бойся, – успокаивал ее моряк, пытаясь улыбнуться чтобы развеселить Салли. – Я еще потанцую на твоей свадьбе. Рука у меня легкая. Посмотри на Смугу! Парень силен, как дуб, потому что я собственноручно вынул из его плеча пулю, полученную им от хунхузов в Маньчжурии.

Новицкий пытался разговорами отвлечь внимание Салли от ножа, который он промывал спиртом из банки. Взглядом дал знать Томеку, чтобы тот придержал Салли. Молодой человек обнял девушку, крепко прижав ее к груди.

Нога Салли была уже обнажена. Новицкий сразу же после укуса змеи задержал кровообращение в ноге, перевязав ее пояском выше и ниже колена. Спиртом обмыл края ранки.

Смуга взглянул на часы.

– Скорее, – потребовал он.

Новицкий кивнул головой. Четыре маленькие кровоточащие ранки были не очень глубоки. К счастью, прежде чем углубиться в ногу девушки, зубы змеи прошли через текстильную ткань ботинка, что значительно ослабило укус. Новицкий взял нож. Смуга придержал вторую ногу девушки. Томек побледнел, когда почувствовал как пальцы Салли впиваются ему в руку. Девушка застонала...

– Все в порядке, готово... – с облегчением вздохнул Новицкий, нажимая пальцами на рану, чтобы выдавить побольше крови.

Салли медленно приходила в себя. Новицкий уже заканчивал перевязку ноги. Делал это ловко и быстро. Только лишь капли пота на его лбу свидетельствовали о пережитом волнении.

Все облегченно вздохнули. На лице девушки появился румянец. Она сквозь слезы улыбнулась встревоженным друзьям. Дрожащей рукой достала из кармана носовой платок и наклонилась к лицу Новицкого. Вытерла ему пот со лба. Моряк схватил маленькую ручку девушки, поцеловал ее и быстро встал, чтобы скрыть слезы, навернувшиеся ему на глаза. Ведь он любил Салли, почти так, как и Томека.

– А ну-ка Смуга, давайте сюда этого подлеца... – хрипло сказал он.

Смуга кивнул Бальмору. Тот подтолкнул шамана к Новицкому. Жилистой рукой моряк схватил шамана за горло. Не говоря ни слова достал из-за пояса нож, которым только что делал операцию Салли.

– Нет! Нет! – крикнула Салли, закрывая глаза от ужаса. Моряк не ударил шамана, но и не опустил руку с ножом.

– Я не выздоровею, если вы его убьете... – пригрозила Салли. – Пусть себе идет куда хочет!

В этот момент к Новицкому подошел Вильмовский. Тихо, но решительно и твердо приказал:

– Оставь его в покое, Тадеуш, возможно это будет для него худшее наказание, чем смерть, на которую он заслужил даже по здешним законам.

Моряк еще колебался некоторое время; потом взглянул на Томека. Тот всецело был занят Салли, которую поддерживал, обнимая ее одной рукой. Томек смотрел на Салли с такой нежностью, что добродушный моряк сразу забыл о мести. Спрятав нож за пояс, он выпустил дрожавшего от страха шамана.

– Айн'у'Ку, скажи ему, что он свободен и пусть уходит отсюда, – сдавленно сказал моряк.

Шаман продолжал стоять в полном недоумении. Он никак не

мог понять странностей этих белых людей. Видимо, они и в самом деле духи, раз девушка не погибла от укуса змеи и не позволила убить его, шамана.

Бормоча какие-то невнятные извинения, а может быть заклинания, шаман стал неуверенно отступать. Смуга, который ни на секунду не перестал наблюдать за тем, что происходит в ближайших кустах, крикнул:

– Внимание! Они нападают на нас! Без приказа не стрелять!

Все вскинули винтовки.

С ветки, росшего вблизи дерева соскочил воин таваде, вооруженный луком. Путешественники сразу узнали вождя Элеле Когхе, так как только он один носил на голове пурпурный султан из перьев райских птиц. По его краткой и резкой команде, появилась толпа таваде, вооруженных луками и топорами. Они окружили караван плотным кольцом.

Белые путешественники подняли винтовки, готовясь к сопротивлению.

– Без моей команды не стрелять! – повторил Смуга, сделав несколько шагом по направлению к Элеле Когхе, целясь в него из револьвера.

А вождь, не обращая внимания на Смугу, подошел к шаману. Мрачно взглянул на него. Несколько мгновений стоял без движения, как бы продолжая внутреннюю борьбу, но быстро справился с собой и сказал громко, так чтобы слышали все:

– Ты обманул нас, ты, сын таракана! Уходи из нашей деревни вместе со своими помощниками!

Белые путешественники стояли в полном недоумении. Они знали уже немало слов на языке таваде. Знали также, что назвать кого-нибудь в этой стране сыном таракана значит нанести ему тягчайшее оскорбление. Кроме того, жест вождя, показавшего шаману дорогу из деревни в болота был и без того красноречив и понятен. Вождь изгнал хитрого мошенника из деревни таваде.

Шаман отступил и вскоре исчез среди болот. Элеле Когхе бросил на землю лук и стрелы. Взглянул на Томека, продолжавшего держать Салли в объятиях, потом перевел взгляд на лицо девушки. Медленно направился к ней. Мягким движением руки отстранил Смугу, пытавшегося преградить ему путь. Никем не задержанный, Элеле подошел к Салли. Долго, в молчании смотрел на нее. Казалось, что выражение дикости постепенно сходит с его лица, раскрашенного в военные цвета.

Элеле Когхе повернулся к Смуге. Широким жестом руки он дал ему понять, что перед белыми путешественниками открыты все пути. Они могут вернуться в долину, могут уйти совсем из страны таваде. Потом он сломал зазубренную стрелу и куски

положил к ногам Салли.

В толпе таваде раздались пронзительные крики. Воины сняли стрелы с тетив и опустили луки вниз. Расступились в стороны. Дорога на восток и запад была свободна.

– Опустить ружья! – дал команду Смуга.

И вдруг произошло событие, за которым присутствующие следили затаив дыхание. Храбрый вождь таваде снял с головы великолепный пурпурный султан и положил его к ногам Салли. С его точки зрения это был неслыханный по ценности дар, так как по верованиям таваде султан хранил Элеле Когхе от гибели в бою.

Салли инстинктивно поняла важность момента. Она почувствовала что должна показать воину, как она благодарна за столь ценный дар. Дрожащими от волнения руками, она вынула из мочки уха серьгу и подала ее Элеле Когхе. Вождь принял подарок. Не отрывая взора от Салли, он вбил острие серьги себе в ухо, так что по его шее и груди потекла струйка крови. Низко поклонился белой женщине и отступил в чащу джунглей. За ним исчезли и воины таваде.

XVIII
Охотники за человеческими головами

Полтора дня караван брел через обширные, коварные топи, в которых кишели всякого рода земноводные, пресмыкающиеся и среди них пиявки. Четверо мафулу несли Салли в наскоро изготовленном паланкине, со всех сторон закрытом противомоскитной сеткой. Томек и Наташа ни на шаг не отходили от Салли.

Опечаленный болезнью Салли, Томек старался отгадать и предупредить все ее желания. Он подавал ей воду, когда она хотела пить, вытирал лицо и руки, кормил во время постоев. Салли благодарила слабой улыбкой, и ежеминутно впадала в тревожный сон.

Караван остановился на отдых. Мафулу осторожно поставили паланкин на пригорок, поросший сухой травой. Салли спала. Ее грудь поднималась и опускалась в неровном, тяжелом дыхании. Томек удостоверился, что под москитьеру не пробралось ни одно насекомое, способное потревожить больную, потом отозвал друзей в сторону.

– Салли нисколько не лучше, – тихо, с тревогой сказал он. – Она даже говорить уже не может...

– Не пугай меня, браток, – сказал Новицкий. – Я очень глубоко вырезал укушенное место, тщательно выжал кровь из раны. Совсем не много яда могло попасть в кровь.

– Капитан прав, не теряй надежды, Томек, – вмешался Смуга. – После такой операции на ее месте всякий бы плохо себя чувствовал. Это естественно. Подстрели-ка попугая. Дадим ей бульону для подкрепления сил.

Томек взял малокалибровку, свистнул Динго и исчез в кустах. Как только он удалился, Смуга тяжело вздохнул и сказал:

– Я не хотел беспокоить Томека, но мне тоже не нравится состояние Салли.

– Ее укусила очень ядовитая и опасная змея, но капитан прекрасно справился с задачей, словно всю жизнь провел у нас в буше, – сказал Бентли. – Любой австралийский поселенец должен знать, как поступать в таких случаях. Мне приходилось видеть не мало людей укушенных ядовитой змеей. По-моему нет никакого повода к тревоге. Салли выздоровеет!

– Спасибо вам, Бентли, за добрые слова! Вы будто бальзам

пролили на мою кровоточащую рану! – растроганно воскликнул Новицкий. – Я предпочитаю погибнуть сам, чем видеть несчастье этой милой голубки! Что Томек сделает без нее?!

Все растроганно умолкли; Новицкий сам выглядел больным. Лицо мрачное, глаза подпухли и покраснели.

– Приободрись, Тадек! – прервал воцарившееся было молчание Вильмовский. – Салли молода, сил ей не занимать, она выдержит кризис. Не будем ей показывать, что мы встревожены.

– Поверьте мне, Бентли знает, что говорит, – добавил Смуга. – Уже возвращается Томек, свари бульон, капитан!

Поев бульона, поданного ей Томеком, Салли почувствовала себя лучше. Караван продолжал путь. Смуга стремился по возможности быстрее пройти болота и выйти на плоскогорье. Горный воздух помог бы Салли выздороветь.

На следующий день вечером экспедиция остановилась на ночлег среди каменных осыпей горного склона. На рассвете, однако, путешественники снова начали спускаться по тропе вниз. Смуга то и дело опережал караван и просматривал местность в бинокль.

– Впереди опять болото, Ян? – с тревогой спросил Смугу Вильмовский, который теперь заменял Томека в авангарде каравана.

– Нет, кажется на плоскогорье сухо, – ответил Смуга. – Видна травянистая степь и буш. Я высмотрел на двух горных склонах столбы дыма. Туземцы не жили бы в болотах.

– Прекрасно! – обрадовался Вильмовский. – Надо поскорее устроить стоянку. Салли необходим покой и длительный отдых.

Еще до того, как солнце оказалось в зените, караван вышел на равнину, покрытую высокой травой кунаи. Смуга повел караван прямо к горным склонам, на которых раньше видел дым от костров. По всей вероятности там находятся туземные деревушки. Смуга и Новицкий шли впереди каравана. Они внимательно осматривали местность. Трава доходила им до пояса, ветер дул сзади, поэтому нельзя было полагаться на чутье Динго.

Как вдруг откуда-то со стороны, но довольно близко, раздался пронзительный крик. В высокой траве, как из-под земли показались темно-коричневые фигуры воинов. Из-за продолговатых щитов послышался опять крик, от которого леденела кровь в жилах: «Га-га-га-ааа!» На караван посыпались стрелы, что привело к некоторому замешательству. Белые путешественники немедленно ответили выстрелами из винтовок. К счастью, на этот раз носильщики мафулу не поддались панике. За эти несколько недель пребывания в обществе белых, мафулу

убедились в том, что белые – друзья канаков. Поэтому они, перед лицом опасности взяли сразу сторону белых. В одно мгновение мафулу соорудили вокруг паланкина баррикаду из тюков и сами хватились за оружие. Винтовочный огонь охладил пыл нападающих. Словно злые духи, они исчезли в высокой траве, унося с поля боя своих мертвых и раненых.

Взяв с собой Динго, Смуга отправился в разведку. Вильмовский и Новицкий занялись перевязкой раненых. Мафулу прекрасно переносили боль и не испугались полученных ран. Правда, большинство стрел попало в тюки с багажом, но четыре из них ранили людей. Мафулу сами отважно вырвали стрелы из ран, прежде чем Вильмовский приступил к перевязке.

Смуга скоро вернулся с хорошими вестями. Видимо, напавшие на караван туземцы впервые встретились с огнестрельным оружием, потому что потерпев неудачу, бежали в недалекие горы. Пока что опасность миновала, но надо было найти место' под разбивку лагеря, где естественные условия позволяли бы организовать оборону против возможного нападения туземцев. Осторожный Смуга стремился избежать встречи с враждебно настроенными племенами, поэтому повел караван на северо-запад.

Вильмовский время от времени доставал бинокль; он тщательно изучал окрестности, но несмотря на это капитан Новицкий раньше Вильмовского, притом невооруженным глазом, обнаружил полоску дыма, поднимавшуюся вверх у подножия горного склона.

– Андрей, посмотри-ка направо! – воскликнул моряк. – Там над вершинами деревьев поднимается столбик дыма!

– Черт возьми, у тебя прекрасное зрение! – ответил Вильмовский, посмотрев через бинокль в сторону, указанную моряком. – Теперь я вижу деревушку, окруженную высоким частоколом!

– Если так, пойдем к этой деревушке, – решил Смуга. – Нам необходимо, во что бы то ни стало, прийти к соглашению с туземцами.

– А если они опять встретят нас выстрелами? – спросил Новицкий.

– Мы не можем пробивать себе дорогу силой, – ответил Смуга. – Видимо, в этой долине обитает много туземных племен.

Некоторое время путешественники шли молча. Но приказанию Смуги мафулу шли теперь плотной группой, в центре которой находился паланкин с Салли. Рядом с паланкином шли: Наташа, Збышек и Бальмор.

Караван приблизился к укрепленной деревушке. Динго

обеспокоенно прядал ушами, нюхал воздух, и искал следы на земле. Вдруг он дернул поводок и потянул за собой Томека. Молодой человек вскинул штуцер и сошел с тропинки за собакой. Вскоре послышался его голос:

– Эй, ей! Посмотрите-ка что обнаружил Динго!

Рядом с круглой хижиной, покрытой крышей из травы, путешественники увидели небольшую будочку, стоявшую на столбе и сделанную из древесной коры. В будке белел человеческий череп, лежащий на груде костей.

– Оригинальная могила предка, или военный трофей охотников за человеческими головами, – вполголоса сказал Бентли.

Новицкий подозрительно посмотрел на хижину, стоявшую рядом. Низкий, овальный вход в нее был закрыт решеткой, сплетенной из бамбуковых прутьев.

– Похоже на то, что хозяин дал драпака от нас, – буркнул моряк.

– Черт с ним, с хозяином. Здесь нам нечего делать, – ответил Смуга. – Идем в деревушку. Там мы узнаем в чем тут дело!

Караван остановился не доходя нескольких метров до частокола, перед которым был выкопан глубокий ров. По углам крепостной стены стояли башенки для часовых. Скрытые там воины, напряженно следили за всеми движениями белых людей.

Вильмовский вышел на край глубокого рва, как раз напротив крепостных ворот. Положил на землю подарки для вождя деревушки: два ожерелья из стекляруса, зеркальце, перочинный ножик, предварительно показав, как им пользоваться, немного прессованного табака и горсть соли. Постарался дать понять жестами, что жители деревушки могут беспрепятственно взять себе подарки и вернулся к своим.

Видимо, туземцы внутри частокола прекрасно поняли язык жестов, потому что вскоре ворота отворились и за ними показалась толпа воинов, ноги которых были окрашены в красный и желтый цвета. Воины носили на головах султаны, в руках держали щиты, луки, копья или палицы с выступающими острыми краями камней. Через ров воины перебросили два длинных бревна. Один из них, соблюдая осторожность и прикрываясь щитом, перешел по бревнам через ров. Поднял с земли подарки, сразу же отступил назад тем же путем. Ворота закрылись. За ними послышались голоса изумления и восхищения.

Довольные произведенным впечатлением, белые путешественники прислушивались к голосам, доносившимся из-за частокола. Видимо, подарки сделали свое дело. Действительно, вскоре в воротах показался пестро раскрашенный туземец; жестом руки он пригласил караван в деревушку и немедленно скрылся за частоколом.

Смуга внимательно наблюдал за поведением вооруженных жителей деревушки. Женщин и детей нигде не видно. Смуга стал подозревать, что туземцы готовят ловушку. Сказал несколько слов Вильмовскому и, взяв с собой только Томека, Бентли и Айн'у'Ку вошел в ворота, приказав спутникам держать ружья наготове.

В знак приветствия папуасы поднесли путешественникам бамбуковые сосуды с водой, приглашая их напиться. Чтобы отвергнуть подозрения в том, что вода может быть отравлена, один из туземцев сам отпил по глотку из каждого сосуда.

Призвав на помощь Айн'у'Ку, Смуга пытался начать переговоры с жителями деревушки. Оказалось, однако, что боссбой понимал только немногие слова. Смуга не удивился этому. Он знал, что в Новой Гвинее жители соседних деревень говорят на разных языках. Он начал длинный разговор с помощью знаков[115]. Воспользовавшись этим, Томек и Бентли стали незаметно рассматривать деревушку и ее жителей.

Деревня состояла из десятка с небольшим усадьб, разделенных друг от друга бамбуковыми плетнями. Усадьба в свою очередь состояла из двух или даже трех круглых хижин с конусообразными крышами, покрытыми травой, свесы которых спускались почти до самой земли. Полы в этих хижинах, настланные из бамбуковых жердей, несколько возвышались над землей. Над деревушкой, окруженной со всех сторон мощным частоколом, господствовали сторожевые вышки, стоявшие по четырем углам стен.

Томек коснулся руки Бентли и сказал:

– Взгляните-ка на площадь в центре деревушки...

– Я уже заметил, – вполголоса ответил Бентли, бросая взгляд на прямоугольную, плотно утоптанную площадь. В центре ее

лежали, уложенные широким кольцом, прекрасно отполированные, украшенные картинками и бусинами человеческие черепа.

– Неужели мы попали к охотникам за человеческими головами? – тревожно спросил Томек, не отрывая взгляда от ужасного круга из черепов.

– Во всяком случае, это не военные трофеи, – ответил Бентли. – Мне кое-что известно о суевериях и обычаях папуасов. Они, например, верят, что злые и добрые духи, определяющие судьбу всякого человека находятся в голове. Поэтому они собирают черепа. Это одновременно и культ предков, и талисман, защищающий человека от пури-пури, то есть колдовства. Желая испросить совета или узнать будущее у духов покойников, папуасы часто, отходя ко сну, кладут под голову череп какого-нибудь заслуженного предка. Черепа таких предков они, как правило, хранят в Доме духов, куда мужчины собираются на совещания. Впрочем, они иногда хранят их в своих хижинах или укладывают так как здесь, в магический круг.

– Мне приходилось встречаться с подобными верованиями у северо-американских индейцев, – сказал Томек. – Вождь Черная Молния, перед тем, как принять важное решение тоже проводил целые ночи в кругу, составленном из черепов предков[116].

Во время этой беседы Бентли внимательно следил за всем, что происходило вокруг. Вдруг он побледнел, придвинулся к Томеку и шепнул:

– И все же это несомненно охотники за человеческими головами! Взгляни на прямоугольное строение в конце площади. Это Дом духов! Ты видишь черепа, украшающие его крышу?

– Вижу! Но почему вы считаете, что это охотники за головами? Ведь вы сами утверждаете, что папуасы хранят черепа предков в Доме духов!

– Эти черепа не принадлежали предкам нынешних обитателей деревушки! Присмотрись-ка к ним получше! Все они лишены нижней челюсти! Этим и отличаются черепа врагов от почитаемых черепов великих предков! – сказал Бентли. – Я этого не знал, – ответил Томек, взволнованный не меньше, чем его собеседник.

– Это значит, что мы попали в страну охотников за человеческими головами, – продолжал Бентли. – Мужчина становится здесь воином только после того, как добудет несколько вражеских черепов.

– Надо сейчас же сказать об этом Смуте, – посоветовал Томек.

– Он как раз делает знак, чтобы мы подошли к нему, – заметил Бентли.

Томек и Бентли подошли к Смуге. Видимо, он пришел к какому-то соглашению со старейшиной деревни, потому что воины сняли стрелы с тетив луков, а на порогах хижин показались женщины и дети.

– Они дадут нам немного продуктов, и мы отправляемся в путь. Недалеко отсюда течет река, на которой есть небольшой островок. Там мы остановимся на несколько дней.

– Это очень хорошо. Нам пригодится естественная защита, – сказал Бентли. – Это охотники за человеческими головами!

– Я это знаю, – кратко ответил Смуга. – Мы поговорим об этом потом, а теперь вернемся к нашим!

Караван расположился на отдых у самых ворот деревушки, поэтому друзья быстро очутились среди своих.

– Ну, какие новости у вас? – спросил Вильмовский.

– Нам удалось раздобыть важные сведения, – ответил Смуга. – Эти туземцы принадлежат к племени бена-бена. Они потому так бдительно охраняют деревушку, что находятся в состоянии войны с соседним племенем ку-ку-ку-ку.

– Почему папуасы непрерывно ведут войны между собой? – спросил Збышек. – До сих пор нам не приходилось встретить на этом острове местности, где бы не велась война!

– Суеверия, племенная вражда, религиозные верования – вот причины, вызывающие постоянную войну между племенами, – ответил Смуга. – Вот теперь, например, они ведут войну с племенем ку-ку-ку-ку потому, что те утверждают будто бы по наущению бена-бена «злые духи» во время последней бури бросили «огненный шар» на Дом духов в деревушке ку-ку-ку-ку. Дом сгорел от удара молнии и все черепа тоже сгорели. Конечно, шаманы племени ку-ку-ку-ку заявили, что племя бена-бена навлекло на них гнев «злых духов». Им надо возможно скорее раздобыть новые черепа, которые предохранят племя ку-ку-ку-ку от новых козней злых духов.

– Одним словом, поводом к войне послужил случайный удар молнии, – удивленно заметил Бальмор.

– Землетрясения и бури часто разрушают хижины туземцев Новой Гвинеи, – вмешался Вильмовский. – Поэтому они не строят домов из прочного материала.

– Вся беда в том, что суеверные папуасы считают, что бури и землетрясения вызывают их соседи, которым они сейчас же стараются отомстить, – сказал Бентли.

– Я думаю, что в пути сюда на нас напали воины племени ку-ку-ку-ку, – заявил Вильмовский.

– Мне кажется ты прав, – согласился Смуга.

– Скорей бы очутиться на острове, – сказал Томек. – Бедной

Салли опять стало хуже!

– Река очень недалеко отсюда, – утешил его Смуга. – Мы сейчас пойдем туда. Женщины уже несут продукты!

Действительно, в воротах показалась группа папуасских женщин. Они несли сетки из лиан, наполненные овощами. Вскоре женщины стали класть к ногам путешественников бататы, кукурузу, стебли сахарного тростника, огурцы и дикие плоды. Смуга подарил каждой из них стеклянные ожерелья, что вызвало среди женщин радостное волнение. Старейшина деревушки в свою очередь подарил путешественникам довольно крупного поросенка, за что Смуга вручил ему стальной топор. Таким образом, недоверие туземцев было окончательно сломлено.

К каравану присоединился небольшой отряд воинов бена-бена, чтобы показать дорогу к острову на реке; вооруженные копьями, луками и со щитами в руках, воины шли в авангарде каравана рядом со Смугой. Не прошло и часа, как путешественники услышали плеск воды.

Ширина русла реки в том месте, куда подошли путешественники, не превышала шестидесяти метров. Над водой свисали ветви огромных деревьев. Узкий и довольно длинный островок, покрытый буйной зеленью находился несколько ниже по течению. Воины бена-бена достали из укрытия четыре большие лодки. Они были выдолблены из целых стволов деревьев. Чтобы обеспечить их устойчивость на воде, каждая лодка была снабжена боковыми поплавками из древесины легкой породы.

Переправа длилась недолго. В каждой лодке могли поместиться двадцать человек, поэтому все путешественники переправились на остров одновременно. Место под разбивку лагеря оказалось идеальным. Глубокое, быстрое течение реки отделяло островок от берегов, что несомненно препятствовало неожиданному нападению извне.

Энергичный Смуга никому не разрешил отдыхать, хотя все достаточно устали. Он разделил участников экспедиции на группы и каждой из них дал определенное задание. Таким образом, пока одна группа расчищала место под разбивку лагеря, вторая занялась устройством баррикады из срубленных деревьев для защиты от стрел, выпущенных с одного или другого берега реки. Третья группа занялась сортировкой багажа и приготовлением ужина.

Воины бена-бена обещали снабжать путешественников свежими овощами и разрешили пользоваться лодками. Однако оставаться на острове не хотели. Война требовала их присутствия в родной деревне. На этот раз роль гребцов на лодках взяли на себя мафулу.

Разбивка лагеря закончилась еще до наступления темноты. Мафулу расселись вокруг костров. Таинственные, тихие берега реки, укутанной темной, зеленой чащей, не располагали к веселью, танцам и песням. Мафулу в молчании курили трубки, жевали бетель, чутко прислушивались к ночным голосам, доносившимся из глубины джунглей. Белые охотники до поздней ночи работали в походной лаборатории, потому что от любого недосмотра могли погибнуть коллекции, собранные с таким трудом. Одна лишь Салли отдыхала в палатке под опекой Наташи и Томека.

Все участники экспедиции вскочили с постелей на рассвете. Смуга передал команду Вильмовскому, а сам, в обществе капитана Новицкого и Томека, переправился на левый берег реки. Он решил разведать ближайшие окрестности лагеря. На этот раз охотники не взяли с собой Динго. Верный пес всю ночь провел у постели больной, проявляя явное беспокойство, что очень волновало всех присутствующих.

Три друга осторожно пробирались через густые заросли. Первым прервал молчание Новицкий.

– Мне кажется, Смуга, что плохи дела у нашей Салли, – тревожно сказал он.

Смуга исподлобья взглянул на Томека, глубоко вздохнул и ответил:

– Все бы отдал за то, чтобы она в этот момент очутилась в Сиднее в больнице.

– Сто дохлых китов в зубы! Мы должны немедленно отправляться в обратный путь! – воскликнул Новицкий.

Смуга остановился. Положил руку на плечо Томека и сказал:

– С того самого дня, как Салли укусила эта проклятая змея, я ищу самую удобную дорогу к берегу моря. Даже если Салли выдержит первый приступ болезни, ей нужен будет врачебный уход. Сегодня я хочу разузнать в каком направлении течет эта река. По моим расчетам это, возможно, Пурари, или один из ее притоков. Мы сможем поплыть на лодках.

– Спасибо... – тихо прошептал Томек, с дрожью в голосе. – Знаю, что вы, также как и я опасаетесь за жизнь Салли...

– Не будем терять драгоценного времени на пустые разговоры! – горячо сказал Новицкий. – Отправляемся в путь!

Около полудня охотники решили вернуться в лагерь. Сомнений не было – река течет на юг. Желая несколько сократить дорогу, Смуга решил обойти излучину реки по хорде. Поэтому друзья шли теперь прямо через джунгли, что значительно сокращало путь. Они уже подходили к берегу, как вдруг Томек нагнулся, потом стал на одно колено, что-то рассматривая на

земле.

– Подождите, – тихо сказал он. – Я вижу следы босых ног!

Не говоря ни слова, Смуга остановился рядом с Томеком. Внимательно рассмотрел следы.

– Здесь прошли несколько человек. Шли к реке, – через минуту подтвердил он выводы Томека.

– Они были здесь всего лишь несколько часов назад... – заявил молодой человек.

– Может быть это бена-бена тащили провиант для нас? – буркнул с надеждой в голосе Новицкий.

– Нет, деревушка бена-бена находится к северо-востоку отсюда, – возразил Смуга. – А следы ведут с юго-востока.

– Возможно это ку-ку-ку-ку, – добавил Томек. – Давайте. скорее вернемся в лагерь!

– Не спеши так. Если эти молодчики и в самом деле притаились близ лагеря, то нам представляется прекрасный случай проучить их и раз навсегда остудить их воинственный пыл, – сказал Новицкий.

– Ты прав, мы должны узнать, что им здесь надобно, – согласился Смуга. – Пойдем по следам!

Он тронулся первым, держа наготове винтовку. Следы вели прямо к реке. Смуга шел медленно и осторожно. Жестом приказал друзьям обращать внимание на верхушки деревьев, где могли скрываться враги– Вскоре послышался шум быстрого течения реки. Впереди в чаще виднелся просвет. Смуга остановился, повернулся к друзьям и приложил палец к губам, требуя соблюдения тишины. Взглядом показал на вершину прибрежного дерева.

На толстой ветви этого дерева сидел темнокожий воин. В руках он держал лук и оперенные стрелы. Он почти не отрывал взгляда от лагеря на острове, который был хорошо виден с высоты. Новицкий вопросительно взглянул на Смугу. В этот момент послышался шелест ветвей. Смуга инстинктивно отпрянул в сторону. Острие копья попало в ствол дерева, всего лишь на шаг от его груди. Несколько воинов ку-ку-ку-ку появились, как из-под земли. В прибережных зарослях началась рукопашная схватка. Один из папуасов прыгнул с дерева прямо на Томека. Тот потерял равновесие и упал на землю, потянув за собой папуаса. К счастью, ловким движением тела, Томеку удалось повернуться на спину и схватить нападающего за кисть правой руки, в которой тот держал острый бамбуковый нож. Ударом колен Томек перебросил воина через себя. С револьвером в руке вскочил с земли, но прежде чем ему удалось нажать курок, Смуга метким выстрелом положил папуаса.

Капитан Новицкий отбросил в сторону бесполезную в этой чаще винтовку. Его твердые, как камень кулаки обрушились на головы врагов. Через несколько минут ему удалось рассеять напавших папуасов, которые в лесной чаще тоже были лишены возможности пользоваться копьями и луками. Смуга то и дело нажимал на курок револьвера, делая выстрелы один за другим

Услышав шум битвы на берегу реки, Вильмовский организовал помощь; вскоре от острова отчалили две лодки, полные вооруженных мафулу. Гром винтовочного залпа заставил воинов ку-ку-ку-ку быстро ретироваться. Они скрылись в кустах еще до того, как лодки под командованием Вильмовского пристали к берегу реки.

XIX
Последняя воля Салли

Стоял тихий, погожий вечер. Полный лик луны медленно поднимался по небосклону. Томек и капитан Новицкий дежурили у костра, горевшего у входа в палатку, где спала больная Салли. Друзья молчали, изредка перекидываясь отдельными словами; они сосредоточенно прислушивались к голосам доносившимся из джунглей, плотной чащей окружавшей одинокий остров на реке.

Уже три дня путешественники стояли в лагере, расположенном в самом центре страны охотников за человеческими головами. Каждый вечер они видели костры, разложенные туземцами на склонах окрестных гор. Очевидно ку-ку-ку-ку собирали силы для нового нападения. Передовые стражи их день и ночь таились в прибрежной чаще по обоим берегам реки, ожидая удобного момента для нападения. В джунглях непрерывно гудели военные барабаны.

Охотники отдавали себе отчет в безнадежности положения, в каком они очутились. Остров осаждали воины кровожадного племени ку-ку-ку-ку. Вопреки обещаниям, бена-бена не принесли экспедиции свежих овощей. Видимо, они не могли пройти к реке, так как воины ку-ку-ку-ку окружили остров тесным кольцом. Смуга два раза пытался пробиться к деревушке бена-бена, но всякий раз вынужден был отступать под градом оперенных стрел и под оглушительные, леденящие кровь в жилах, крики воинов ку-ку-ку-ку.

Сегодня на вершинах окрестных гор виднелось еще больше сигнальных костров, чем когда-либо раньше. Новицкий и Томек мрачно поглядывали на мерцающие огни, и ежеминутно бросали взгляды на вход в палатку Салли. Больная уже два дня не хотела ничего есть. Горячка пожирала последние силы Салли. Пробуждаясь от беспокойной дремоты, она еле-еле могла приподнять веки. Все члены экспедиции дрожали за ее жизнь. С мужественного лица Томека не сходило выражение крайнего отчаяния. Салли умирала, а он ничем не мог ей помочь... Новицкий сидел в полном молчании. Он видел горе друга, да и сам страдал не меньше Томека.

Вдруг в кустах послышался шелест. К костру подошел Смуга.

– Как дела? – кратко бросил он, садясь на стоявший у костра пень дерева.

– Без перемен... – ответил Новицкий, тяжело вздыхая.

– Мне кажется, что в болезни Салли наступил кризис, –

сказал Смуга. – Крепче держись, Томек. Не теряй надежды, Салли выздоровеет, если доживет до утра....

Спазм сжал ему горло. Минуту Смуга сидел с опущенной головой и только, когда полностью овладел собой, тихо продолжал:

– Томек, мы друзья твои и Салли. Ваше горе – наше горе. Помни об этом и тебе, возможно, станет легче...

Молодой человек посмотрел на друзей. Бледность покрыла его лицо. На дрожащих губах замерли слова...

После длительного молчания Смуга произнес:

– Если ку-ку-ку-ку до утра оставят нас в покое, мы на лодках пойдем вниз по реке. Нам необходимо вырваться из окружения. У нас не хватает продовольствия...

– Не бойтесь, здесь мы, если и помрем, то отнюдь не с голоду, – мрачно ответил Новицкий. – Посмотрите сколько костров полыхает сегодня в горах! Я уверен, что на рассвете папуасы нападут на нас.

– К утру лодки будут готовы в путь, – ответил Смуга. – Все, кроме часовых, работают без устали. К счастью, светит луна и нам не надо разводить костры. Ку-ку-ку-ку не заметят наших приготовлений к отъезду.

– Ах, чтоб их кит проглотил, этих тараканьих сынов! – в сердцах выругался Новицкий. – И что им надо от нас?!

– Черепа белых людей, видимо, у них в большой цене, – ответил Смуга.

– Ну, не так то легко они добудут наши...! – буркнул Новицкий, и с такой силой сжал кулаки, что громко затрещали кости.

– Думаю мы с ними справимся. Приходилось бывать в худших переделках, – сказал Смуга. – На рассвете мы можем встретиться с различными сюрпризами с их стороны. Вы сменяйте друг друга у постели больной. Вы обязаны сохранить силы к предстоящему бою. Я сейчас пришлю к вам Наташу.

Смуга удалился. Новицкий тяжело встал и заглянул в палатку. Салли лежала на раскладной кровати под плотно закрытой москитьерой. В слабом свете керосиновой лампы черты ее лица, казалось, обострились, как это бывает у тяжело больных. Новицкий украдкой смахнул слезу, набежавшую на глаза и опять уселся рядом с Томеком.

– Все еще спит, бедняга... – тихо сказал он. – Ты, браток, вздремни хоть немножко. Ведь ты не спишь уже три ночи подряд. Ты обязательно должен отдохнуть перед тем, как начнется проклятый кавардак! От меткости глаза и твердости руки может зависеть жизнь каждого из нас!

– Вы тоже ведь не спите вместе со мной, – ответил Томек. – Я хочу быть рядом с Салли, когда она проснется.

– Ложись спать! – настаивал Новицкий. – Как только Салли откроет глаза, а тебя позову.

Томек подбросил в костер дров и улегся здесь же на земле. Он постепенно перестал отгонять москитов. Серебристые голоса тоундул и неумолчное пение цикад стали постепенно удаляться от него. Усталость взяла верх над горем. Томек заснул. Осторожно накрыв его одеялом, капитан Новицкий на цыпочках вошел в палатку. Сел у койки, на которой лежала Салли. Его взгляд скользнул по бледному, исхудалому личику девушки. Капитан напряг всю силу воли, чтобы не расплакаться, как ребенок.

Вскоре в палатку вошла Наташа. Нежно коснулась рукой моряка. Тот приложил палец к губам, требуя тишины. Наташа уселась рядом с капитаном. Закрыла лицо руками. Она плакала.

Вдруг из уст Салли сорвался глубокий вздох. Она проснулась. Новицкий и заплаканная Наташа сейчас же вскочили с мест. Склонились к ложу больной.

– Где Томми? – тихо спросила Салли.

– Спит у входа в палатку. Я сейчас его разбужу, – поспешно ответил Новицкий. – Он три ночи не спал...

– Не будите его... – шепнула Салли. – Теперь я не хочу его видеть.

– Почему это, голубушка?! – удивился Новицкий. – Томек мне ни за что не простит...

– Пришла, видно, моя смерть, – тихо сказала Салли, слабым, прерывающимся голосом. – Я не хочу, чтобы он это видел.

– Салли, ты не умрешь! – воскликнул Новицкий. – Томек с ума сойдет от горя! А я... я...

Капитан не мог говорить. Он наклонился к больной, схватил ее маленькие ручки в свои большущие лапы. От ужаса у него стали дыбом волосы на голове.

– Поцелуйте меня... от Томека, – попросила Салли. – Скажите ему, что мое единственное желание в жизни – быть вместе с ним. Я надеялась, что мы поженимся. Мне было бы легче умирать, если бы Томек был моим...

Новицкий до крови закусил губы. Он судорожно сжимал руки девушки, будто хотел этим удержать ее от смерти.

– Томек принадлежит только тебе, – глухо сказал он. – Как только мы очутимся на «Сите», я как капитан, сам сочетаю вас браком. Поверь мне!

– Это будет уж слишком поздно, капитан... – шепнула Салли.

– А вы не можете сделать это сейчас? – спросила Наташа. –

Ведь и на суше вы остаетесь капитаном!

Видимо, в голове капитана зародилась какая-то идея, потому что у него заискрились глаза. Он наклонился к Салли и спросил:

– Ты окончательно решила выйти замуж за Томека?

– Такова моя последняя воля... – ответила Салли и на губах ее появилась слабая улыбка, осветившая бледное личико.

– Ты будешь его женой! Наташа, разбуди Томека!

Через несколько минут в палатку вошел Томек. Он хорошо владел собой. Уселся на койке рядом с Салли. Обнял ее и прижал к сердцу.

– Салли, дорогая, мне Наташа все сказала! Ты хочешь быть моей женой! – спросил он.

– Очень хочу, Томми...

– Капитан, можете ли вы совершить обряд бракосочетания? – обратился Томек к другу.

– Совершить такой обряд я могу только на судне. Возьми ее на руки и пойдем!

В глазах Томека отразилось удивление, но он, не колеблясь ни минуты, осторожно взял Салли на руки и отправился вслед за капитаном. Головка Салли тяжело склонилась на плечо Томека.

По дороге Новицкий зашел в свою палатку и вышел оттуда в капитанской фуражке на голове. Он повел друзей к берегу острова, где мафулу готовили лодки в дорогу. На воду уже были спущены четыре длинных плота из бамбуковых бревен уложенных поперек двух челнов, выдолбленных из древесных стволов. Мафулу занимались погрузкой на плоты тюков с багажом.

– Зажечь факелы! – громко потребовал Новицкий.

Смуга хотел возразить, но, увидев Томека с Салли на руках и Новицкого в капитанской фуражке, сообразил, что происходит нечто значительное.

– Зажечь факелы, – повторил он приказ капитана.

Мафулу немедленно подняли с земли бамбуковые жерди. В расколотых концах жердей, торчали смолистые щепки. Это были факелы, подготовленные мафулу на случай ночной атаки врага. Вскоре красноватый свет факелов осветил берег острова.

Держа на руках Салли, Томек подошел к отцу.

– Папа, Салли и я решили вступить в брак, – спокойно заявил Томек. – Просим твоего родительского благословения.

Вильмовский с нежностью взглянул на бледное личико больной девушки. Осторожно взял ее на руки.

– Неси ее на лодку, Андрей, – спешно потребовал Новицкий. – Как капитан, я могу сочетать их браком только на судне.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – серьезно ответил Вильмовский. – Потом в ближайшем порту мы этот брак утвердим

официально.

Наташа уже успела уведомить всех о критическом состоянии Салли и о ее последней воле. Поэтому друзья Томека шли вслед за Вильмовским в полном сознании важности события.

Бальмор и Збышек расстелили на одном из плотов одеяло. Вильмовский положил Салли на эту временную постель. Томек стал на колени, рядом с лежащей Салли. Одним прыжком около них очутился Динго. Новицкий присел на фальшборт, ограждающий плот.

Смуга объявил боевую тревогу... Он приказал вооруженным мафулу окружить плот тесным кольцом, и сам взял в руки винтовку. Новицкий достал из кармана подручный корабельный журнал, носивший явные следы стрелы, выпущенной некогда Элеле Когхе. Нашел чистую страницу и стал задавать вопросы:

– Хотите ли вы стать мужем и женой?

– О, да, дорогой капитан, да! – шепнула Салли.

– Мы твердо решили, – заявил Томек.

– Я давно это предвидел, поэтому эти вопросы задал вам только потому, что этого требуют формальные правила, – сказал Новицкий. – Где свидетели?

– Я буду одним из них, – вызвался Вильмовский. – Пожалуйста, капитан, я отдаю молодоженам обручальные кольца – мое и покойной жены.

– А я буду вторым свидетелем, – сказал Смуга.

Новицкий вручил Салли меньшее обручальное кольцо.

– Немного великовато, – буркнул он. – Носи его на среднем пальце, а то потеряешь.

– Хорошо, – шепнула Салли.

– Будешь ли ты любить и уважать Салли и не оставишь ее до смерти? – обратился капитан к Томеку.

– Буду всегда ее уважать и не хочу больше жить без нее, – ответил молодой человек.

– Не говори чепухи, браток, потому что я, как пить дать, побью тебя в день свадьбы, – рассердился Новицкий. – Отвечай только: да или нет!

– Да, капитан! – твердо сказал Томек.

– Помни, что ты должен отдавать ей все деньги. Женщины лучше ведут хозяйство, чем мы!

– Буду отдавать, капитан.

– Ладно, а теперь ты, Салли! Будешь ли всегда любить Томека? Ты знаешь, что я люблю его, как собственного сына!

– Никогда не перестану любить его... – ответила Салли.

– Я не спрашиваю тебя, будешь ли хорошей женой, потому что знаю, лучшей он нигде не найдет, – продолжал Новицкий. –

Пригласите ли вы меня крестным отцом, когда у вас появится первенец?

– Да, – ответили молодожены.

– Я, капитан «Ситы», записываю в корабельный журнал, что сегодня я сочетал вас законным браком в присутствии свидетелей. С этого момента вы являетесь мужем и женой. Желаю вам примерной супружеской жизни! Послушай, голубушка, раз мы исполнили твою волю, ты обязана выздороветь! Теперь, браток, можешь поцеловать жену! Поспеши, а то уже светает!

Лучи восходящего солнца, окрасили небо в розовый цвет. Немного смущенный Томек взглянул на друзей собравшихся на плоту. Все были взволнованы и серьезны. Наташа плакала от радости. Томек наклонился к Салли. Как раз в этот момент Динго хрипло залаял. На левом берегу реки раздался пронзительный боевой клич воинов ку-ку-ку-ку. Из чащи джунглей выбежала толпа туземцев, раскрашенных в цвета войны. Одни из них стали сталкивать на воду длинные лодки, садились в них и, скрываясь за продолговатыми щитами, направлялись к острову, другие садились верхом на деревянные колоды и плыли рядом с лодками.

– Напали на нас! – крикнул Бентли.

– Женщины за баррикаду! – дал команду Смуга.

Томек подхватил Салли на руки, свистнул собаке и в сопровождении Наташи побежал к палатке, защищенной баррикадой из толстых бревен. Смуга быстро расставил своих людей по заранее намеченным местам, чтобы избегнуть замешательства во время боя. Все, кому были розданы ружья и винтовки, должны были отразить первый приступ врагов. Люди Смуги притаились в кустах и за деревьями, на берегу острова, напротив места, куда направлялись лодки папуасов.

Томек уложил Салли на походную койку. Прижал ее голову к своей груди, а Салли, как и положено храброй жене путешественника, шепнула:

– Иди, мой милый, помоги нашим. Им наверное нужна твоя помощь. Мы здесь с Наташей не дадим себя в обиду… Иди, не теряй напрасно времени!

Томек поцеловал руку Салли. Нежно погладил ее по голове…

– Динго! Береги хозяйку, – приказал он собаке, которая сразу же улеглась рядом с койкой. Томек подхватил штуцер, стоявший рядом и выбежал из палатки. Притаился за деревом недалеко от капитана Новицкого и Смуги. Щелкнул затвором штуцера.

Несколько длинных лодок уже подходило к берегу острова. Воины, прячась за щитами держали наготове острые копья. Размалеванные белыми полосами, воины выглядели как скелеты. В каждой лодке четыре человека гребли длинными, бамбуковыми жердями.

Смуга внимательно наблюдал за тем, что делается на реке. Когда лодки подошли на расстояние нескольких метров от берега, он медленно поднял ствол винтовки и приказал:

– Целиться в гребцов! Огонь!

Несколько папуасов упали в воду. Лишенные управления лодки, стали поворачиваться по течению, и подхваченные быстрой стремниной поплыли вниз по реке. Одна из лодок перевернулась вверх дном.

Все же две лодки пристали к берегу острова. Несколько папуасов очутились на берегу. Раздался зловещий, пронзительный, боевой клич охотников за человеческими головами.

– Капитан! Атакуй их во главе с мафулу! – приказал Смуга. Носильщики знали, что их жизнь, да и жизнь остальных членов экспедиции висит на волоске. С отчаянием обреченных они бросились на врагов. Со штуцером в руках, Томек побежал на помощь Новицкому, который был незаменим в рукопашной схватке. Действуя прикладом ружья, моряк раздавал направо и налево молниеносные и сокрушительные удары. Вскоре вокруг него образовалось свободное поле. Томек выхватил револьвер и стал посылать в неприятелей пулю за пулей. Мафулу, воодушевленные их примером, быстро прижали нападающих к самой воде. Бой продолжался на берегу.

Барабан револьвера у Томека опустел очень быстро. Перезарядить его времени не было, и Томек заткнул револьвер за пояс. В последний момент ему удалось прикладом штуцера отбить копье, направленное острием в грудь. Прежде, чем папуас сумел опять поднять копье, Томек отбросил штуцер в сторону и обеими руками ухватился за древко. Папуасский воин сразу же выпустил копье из рук, бросил щит на землю, и выхватил из-за набедренной повязки нож. Благодаря капитану Новицкому, Томек

хорошо владел приемами рукопашной борьбы. Он не растерялся – одним прыжком очутился лицом к лицу с ужасным охотником за человеческими головами. Пышный султан на голове папуаса свидетельствовал о том, что Томек ввязался в борьбу со знаменитым воином. Безошибочный рывок за кисть левой руки и подхват локтя врага, вынудили воина выпустить нож. Он попытался схватить Томека за горло, но тот дал ему подножку. Они упали оба. Вдруг смертельные объятия папуаса ослабели. Лежа на спине, Томек увидел, что папуас взлетел вверх. Оказалось, что Новицкий вовремя поспешил на помощь другу. Новицкий размахнулся и папуас в одно мгновение описав в воздухе широкую дугу, плюхнулся в воду.

В это время на левом берегу реки послышался неописуемый гам. Триумфальные возгласы мешались с криками о помощи. Ку-ку-ку-ку в панике прыгали в свои лодки и возвращались на противоположный берег, где неожиданно разгорелась отчаянная битва.

– Это бена-бена атакуют наших врагов! – крикнул Вильмовский.

– Мы должны им помочь, – сказал Смуга. – Капитан, собирай добровольцев!

Мафулу, разъяренные борьбой уже садились в лодки, брошенные папуасами, спасавшимися бегством вплавь, через реку. Смуга взял с собой только Новицкого и Бальмора. Остальные белые путешественники с отрядом мафулу должны были остаться на острове.

– Черт возьми, ведь там разгорится настоящая драка и резня! – встревоженно сказал Бентли.

– Надо напугать туземцев, они тогда прервут битву, – предложил Вильмовский. – Томек, принеси сюда ракеты[117].

Томек побежал в лагерь. Вскоре вернулся, держа в руках три ракеты, прикрепленные к длинным жердям. Вильмовский и Томек закрепили жерди с ракетами в земле с некоторым наклоном к горизонту. Томек достал из кармана коробок со спичками, и стал поочередно поджигать бикфордовые шнуры, свисавшие у каждой ракеты. Прозвучали мощные взрывы. Одна за другой ракеты понеслись на противоположный берег реки, оставляя за собой длинные хвосты красного дыма. Прочертив широкую дугу, ракеты исчезли в чаще леса. Шум битвы внезапно прекратился. Послышались крики ужаса. Воины бежали на юго-восток.

* * *

Новицкий и Смуга вернулись на остров спустя час.

– Ку-ку-ку-ку разгромлены, – сообщил Смуга, усаживаясь возле костра. – Кто это придумал трюк с ракетами?

– Я, – кратко ответил Вильмовский. – Мне хотелось прекратить бессмысленное кровопролитие.

– Это тебе прекрасно удалось, Андрей, – сказал Новицкий. – Ку-ку-ку-ку бежали так быстро, что только пятки сверкали! А как себя чувствует наша Салли? Она очень перепугалась?

– Не обращая внимания на шум битвы, она сразу же после бракосочетания крепко заснула. Так сильно ослабела, бедняжка, – сообщила Наташа.

– Будем надеяться, что она выдержит кризис, и теперь уж, пожалуй не умрет... – робко сказал Томек, ища глазами подтверждения своей надежды у друзей.

– Я ей дал лучшее лекарство, – хвастливо заявил Новицкий. – Исполнение заветного желания, преодолеет яд коварного шамана.

– Позволим ей отдохнуть еще денька два, – решил Смуга. – Потом на плотах отправимся вниз по реке. Бена-бена еще сегодня обещали принести нам запас продовольствия. Устроим свадебный пир. Ведь сегодня радостный день для нас всех...

XX
Возвращение экспедиции

Вот уже десять дней экспедиция охотников за райскими птицами шла на плотах вниз по реке. Горевшие по ночам, военные костры туземцев остались позади; умолкло гудение боевых барабанов.

Теперь уже шесть длинных лодок, связанных по две и покрытых настилом из бамбуковых жердей находились в распоряжении экспедиции, команду над которой взял на себя капитан Новицкий. Мафулу охотно превратились в гребцов. Багаж и многочисленные образцы флоры и фауны были размещены на помостах между лодками. Белые путешественники могли вывезти из глубины страны собранные коллекции только на лодках. В бою с ку-ку-ку-ку погибли пять носильщиков, несколько других получили довольно серьезные ранения, и не могли тащить на себе тяжелый груз.

Путешествие на лодках позволяло создать также некоторый комфорт для Салли, выздоровление которой медленно подвигалось вперед. Она целыми днями могла спокойно лежать на мягкой постели под балдахином из древесной коры и москитьерой. На ночь ей разбивали палатку на суше. Все свободные минуты Томек посвящал жене. Вот и теперь он, сидя на помосте рядом с постелью Салли, говорил:

– Мы скоро выберемся к морскому побережью. Если это действительно Пурари, то вскоре будем в Порт-Морсби. Там мы тебя покажем врачам, и ты быстро восстановишь силы.

– Из-за меня вам пришлось прервать экспедицию, – с сожалением сказала Салли.

– Ничего подобного, – возразил Томек. – Правда, мы очень опасались за тебя, но ускорить возвращение нам пришлось из-за враждебного отношения туземцев.

– Ты так говоришь, чтобы меня успокоить и утешить... – недоверчиво продолжала Салли.

– Не будь ребенком, моя дорогая. Ты же прекрасно знаешь, какие условия встретила экспедиция в глубине острова. Обитатели Новой Гвинеи все еще находятся на уровне развития людей каменного века, причем их понятия о мире и природных явлениях весьма примитивны и вовсе не развиваются. У них нет календаря, они не умеют считать, верят в существование духов и боятся всего, что им непонятно. Кроме того, они всецело находятся в руках шаманов, которые не останавливаются ни

перед чем, чтобы сохранить свое влияние на туземцев. Это они постоянно восстанавливали папуасов против нас.

– Возможно, ты прав, ведь даже укус змеи был вызван происками шамана. Мне становится лучше от сознания, что экспедиция возвращается не только по моей вине, – сказала Салли.

– Шаманы уверяли своих соотечественников, что мы вселяем души папуасов в мертвых животных и птиц, чтобы потом мучить души несчастных, – продолжал Томек. – Даже во время нашего пребывания на речном острове, эти шарлатаны восстанавливали против нас бена-бена, требуя чтобы те перестали нам помогать.

– Томми, никто мне не говорил об этом! – изумленно сказала Салли.

– Ты была слишком слаба и мы не хотели тебя беспокоить, – ответил Томек.

– Почему же шаманы восстанавливали племя бена-бена против нас. Ведь мы помогли им разгромить ку-ку-ку-ку!

– Сейчас я тебе это объясню. Незадолго до нашего отправления с острова на лодках, Бентли отправился в джунгли на поиски редких растений. Ему удалось найти незнакомый, весьма оригинальный вид орхидеи. Корни растения, подобно корням знаменитого азиатского жень-шеня[118] напоминали миниатюрную фигурку человека. Бентли был восхищен своей находкой и собрался было выкопать орхидею, но сопутствовавшие Бентли туземцы племени бена-бена стали резко возражать и даже угрожать ученому. Оказалось, что туземцы считают эту орхидею талисманом необыкновенной силы и пользуются этим цветком во время волшебств и обрядов. Они верят, что в корнях орхидеи находятся люди, поглощенные цветком.

– Но ведь это форменная чепуха, – возмутилась Салли.

– Конечно, но Бентли все же пришлось отказаться от надежды заполучить редкий цветок и пополнить тем свою коллекцию.

– Очень жаль... Это был бы крупный успех!

– Не печалься, дорогая, – утешил ее муж. – На следующий день Смуга и Бентли тайно отправились в джунгли, и принесли орхидею. Теперь она находится на личном попечении Бентли, который держит цветок в плетенной корзиночке, выложенной внутри влажным мхом.

– Лишь бы удалось довезти цветок в целости и сохранности!

– Бентли надеется довезти. Мы только потому так часто останавливаемся в пути, что Бентли надо ухаживать за живыми орхидеями. Он их подкармливает какими-то грибками, за которыми усиленно охотится.

– А я думала, что мы останавливаемся из-за моей болезни, –

кокетливо заметила Салли, улыбаясь Томеку.

– Теперь ты знаешь правду, и ни о чем больше не беспокойся!

Салли снова улыбнулась и продолжала беседу:

– Скажи, Томми, ты остался бы жить в этой стране? Я думаю, что белому человеку было бы очень трудно жить в обществе таких отсталых людей, как папуасы.

– Не знаю, сумел бы я долго прожить здесь, но мне приходилось читать о людях, которые жили среди папуасов очень долго. Например, русский путешественник Миклухо-Маклай, о котором мы когда-то уже говорили, или поляк Ян Кубары[119], который почти двадцать семь лет провел среди жителей Океании, – ответил Томек.

– Ян Кубары? – с любопытством спросила Салли.

– Да, Ян Кубары – один из лучших исследователей и знатоков народов Океании.

– Расскажи мне о нем!

– Это был необыкновенный человек. Обладал даром привлекать к себе сердца туземцев. У них не было тайн от него. Поэтому Кубары удалось прекрасно изучить обычаи жителей Океании. Туземцы считали его своим человеком, потому что он женился на девушке с острова Палау, и от этого брака у него родилась дочь. Кубары много путешествовал по Меланезии, Микронезии и Полинезии, исследовал Тихий океан. Поселился на острове Понапе в восточной части Каролинского архипелага. Там, в Мпемпе, он построил научную лабораторию. Множество времени посвящал туземцам; воспитывал их и обучал. Ничего удивительного нет в том, что тузецы очень уважали его. Несколько лет прожил на острове Новая Британия в порту Константина, названом так русским путешественником Миклухой-Маклаем, о котором я уже говорил и о котором нам рассказывала Наташа... Как видишь, можно жить среди туземцев и чувствовать себя хорошо.

Беседа молодых людей была прервана зычными командами капитана Новицкого. Лодки стали приставать к берегу. Среди деревьев, росших в саванне виднелись дымы костров. Поэтому, как только лодки пристали к берегу, Смуга позвал Томека и нескольких мафулу, чтобы в сопровождении Динго отправиться в деревушку. Экспедиция нуждалась в свежих продуктах.

Динго, которого Томек держал на поводке вел себя неспокойно. Убедившись в этом, Смуга стал внимательно рассматривать местность, поросшую высокой травой кунаи. Он легко убедился, что за ними следят и шепнул Томеку:

– В траве укрываются туземцы, которые следят за нами и постепенно отступают к деревушке.

– Будем внимательны, деревушка уже близко, – ответил Томек.

– Отдай поводок Айн'у'Ку, а сам приготовь штуцер, – приказал Смуга.

Когда до деревни, окруженной бамбуковым частоколом оставалось всего лишь около двухсот шагов, перед ними, как из-под земли, появились несколько воинов. Стрелы на тетивах луков не предвещали ничего хорошего.

Смуга уселся на землю и дал приказ остальным последовать его примеру... Рядом с собой положил щит одного из мафулу и стал раскладывать на нем подарки. Среди них были два зеркальца, перочинный ножик, табак и соль. Жестом руки пригласил туземцев приблизиться, а сам закурил трубку.

Воины вполголоса совещались. Прошло довольно много времени, прежде чем один из них подошел к щиту. Он не удивился и не испугался, увидев зеркальце и перочинный нож. Его поведение свидетельствовало о том, что он знаком с этими предметами. На соль и табак – товары весьма привлекательные во многих местностях острова – еле-еле взглянул. Туземец стоял в нерешительности, нагнувшись над щитом. Смуга положил на щит стальной топор и нож.

– Здесь до нас уже бывали белые люди... – шепнул Томеку.

Увидев ценные подарки, туземец снял стрелу с тетивы, и отложил лук в сторону. Присел рядом со щитом. Гортанным

голосом сказал что-то воинам, стоявшим сзади него. Те опустили луки и копья, после чего подошли к белым путешественникам. Смуга угостил их табаком. С помощью Айн'у'Ку начал переговоры.

Томек украдкой наблюдал за туземными воинами. Большинство из них носило в волосах с правой стороны головы небольшие, каменные кружочки. Томек знал, что это значит. Такой кружок имели право носить только воины, собственноручно убившие врага и отрезавшие у него голову. Томек воспользовался тем, что Айн'у'Ку был занят переводом слов Смуги, шепнул:

– Они носят знак охотников за человеческими головами...

– Я уже заметил это, – тихо ответил Смуга. – Это для нас прекрасная новость. Ты помнишь, что нам говорил Бентли?

Томек утвердительно кивнул головой. Он прекрасно помнил рассказ Бентли об экспедициях в район Пурари, состоявшихся в последнее время. Именно здесь, по берегам этой реки, туземные охотники за человеческими головами носили каменные кружки с правой стороны головы. Выходит, что Смуга был прав, считая реку, по которой они плывут – Пурари. Значит экспедиция находится на правильном пути.

После длительных колебаний и совещаний, туземцы согласились впустить путешественников за частокол, ограждавший деревушку, чтобы они могли закончить переговоры со старейшиной. Оказалось, однако, что старейшина спит в Доме духов, а разбудить его никто не решался. Дело в том, что по верованиям папуасов душа человека во время сна оставляет тело и витает в пространстве. По их мнению, сны – это отражение событий, происходящих с душой во время ее отсутствия в теле... Поэтому туземцы никогда не будили спящих, опасаясь, что души их не успеют вернуться в тела.

К счастью, громкие переговоры разбудили старейшину, и он, получив от Смуги щедрые подарки, обещал снабдить караван продовольствием. Поджидая возвращения с поля женщин, посланных за овощами, путешественники занялись ознакомлением с деревушкой. Старейшина и толпа воинов неотступно следовали за ними, но не мешали им, и охотно давали объяснения.

На окраине деревушки стояло несколько клеток сплетенных из бамбуковых стеблей. Заинтересовавшись ими, путешественники подошли ближе. В клетках, носивших название «казуарии», содержались живые казуары. Вид их был достоин сожаления... Слишком тесные клетки не позволяли птицам лежать на полу, настланном из узких стеблей бамбука. Скользя по гладким, округлым бамбуковым стеблям, птицы переступали с

ноги на ногу, О муках, которые им приходилось терпеть лучше всего свидетельствовали искривленные когти на ногах бедных птиц. Путешественники догадались, что туземцы держат казуаров на мясо и ради перьев, которыми местные воины украшали головы. И действительно, часть казуаров была уже лишена красивейших перьев, так что просвечивала голая шкура. Вблизи клеток со взрослыми птицами бродили два птенца, разгребавшие мусор в поисках пищи.

Увидев маленьких смешных птенцов, Томек обратился к Смуге со словами:

– Как вы думаете, продадут ли нам туземцы птенцов казуаров? Я хотел бы подарить их Салли. Говорят, что маленькие казуары легко привыкают к людям и ходят за ними как собаки

Смуга взглянул на птенцов, покрытых с ног до головы желтовато-серым пухом с темными полосами.

– Превосходная идея, – ответил он. – Попытаемся купить!

Томек стал владельцем двух птенцов и двух клеток за три ожерелья стеклянных бус. Обрадованный полученными подарками, старейшина выдал воинам какие-то приказание. Те вскоре привели и вручили путешественникам двух жирных, откормленных псов. При этом старейшина сказал, что у него слишком мало свиней и он не может их дать. Мафулу приняли псов с большим удовольствием. В некоторых районах острова папуасы откармливают собак и потребляют их в пищу, в частности во время торжественных племенных пиров.

Вскоре появились женщины, несшие за спинами сетки, наполненные овощами. Однако старейшина не хотел отпустить путешественников из деревни, пока они не выкурят с ним трубку в Доме духов. Делать нечего, Смуте пришлось принять приглашение. По дороге к Дому духов старейшина остановился у своей хижины. На ее пороге сидели две жены старейшины, причем одна из них кормила грудью ребенка, а вторая – поросенка. Старейшина с гордостью показал Смуге поросенка. Видимо, он хотел похвастаться богатством.

По лестнице Смуга и Томек поднялись на веранду Дома духов. В обществе шамана, старейшины и нескольких воинов, они вошли внутрь.

Пока старейшина медленно набивал табаком бамбуковую трубку, путешественники с интересом разглядывали внутреннее убранство Дома духов. Стены украшали военные трофеи. Главное место среди них занимали отполированные до блеска человеческие черепа и совершенно целые головы, покрытые кожей, которые при обработке сохранили прежние черты лица погибших.

Затаив дыхание, Томек бросал взгляды на мрачные трофеи. На его лбу выступили маленькие бисеринки пота. Он побледнел, и едва не потеряв сознания, с трудом прошептал:

– Голова атамана пиратской шайки… – тихо сказал он.

Смуга взглянул на стену, в которую всматривался Томек.

Некоторое время он сидел неподвижно, потом буркнул:

– Поделом вору и мука. Носил волк – понесли и волка. Значит мы встретились с ним, но не так, как он хотел. Жаль, что этого не видит Новицкий…

Туземцы были очень рады впечатлению, какое произвела на путешественников голова пирата. Можно даже предположить, что их пригласили в Дом духов только для того, чтобы показать эту голову, потому что шаман вдруг встал с места, снял голову с гвоздя и подал ее Смуте. Томек закрыл глаза. Он боялся упасть в обморок. Смуга не потерял самообладания. Взял в руки ужасный трофей и внимательно его рассмотрел. Впервые за все время путешествия по Новой Гвинее ему удалось увидеть столь мастерски препарированную человеческую голову. Кожа на голове, волосы и черты лица были сохранены до мельчайших подробностей. Даже выражение лица было точно передано. Опущенные веки глаз оставляли впечатление, что атаман шайки пиратов погружен в глубокий сон. Смуга провел рукой по лицу пирата. Нащупал под пальцами мягкие вкладыши, позволившие дикому художнику придать правильные черты лица жертве ужасного обычая[120].

Смуга вернул голову пирата шаману и спросил не пожелает ли он продать ее. Шаман решительно отказался. У папуасов голова белого человека ценилась необыкновенно дорого. Не обескураженный отказом Смуга, выразил желание купить голову одного из туземцев. На лицах папуасов мгновенно отразился гнев. Не обращая на это внимания, Смуга предложил за голову папуаса свои карманные часы со звоном. Папуасы понятия не имели для чего служат часы, но тикание и звон всех очень поразили. И все же они резко отказались продать голову.

Оставаться в деревушке дольше не было смысла, тем более, что у папуасов настроения менялись часто, притом иногда неожиданно. Смуга простился с хозяевами, и отправился в обратный путь в сопровождении женщин, нагруженных корзинами с продовольствием. Вскоре белые путешественники открыли причину малой заинтересованности папуасов подаренной им солью. Вблизи деревушки они обнаружили примитивную солеварню. Оказалось, что туземцы добывают соль из стеблей растения пит-пит[121]. Желая ознакомиться с местным способом добычи соли, Смуга остановился в солеварне.

Оказалось, что туземные солевары сначала связывают стебли растения в пучки, потом сжигают их на раскаленных углях. Пепел собирают в выдолбленом из ствола сандалового дерева корыте, внизу которого проделано отверстие, закрытое фильтром из травы. Собранный пепел промывают водой, в которой растворяются минеральные соли. Воду сливают в специальные сосуды и ставят их на огонь для выпаривания. На дне сосудов осаждается соль коричневатого цвета.

Потрясенный видом мертвой головы пирата, Томек не обращал внимания на солеварню, но Смуга тщательно описал все детали оборудования.

После ухода из солеварни, Томек в качестве проводника выдвинулся вперед вереницы женщин-носильщиц. Смуга замыкал шествие. Недалеко от берега реки им пришлось идти через полосу кустарника. Смуга шел ни о чем не подозревая, как вдруг из кустов показалась черная, обнаженная рука, коснувшаяся его плеча. Смуга выхватил было револьвер, но увидел шамана, который жестом требовал молчания. Удивленный Смуга подошел к шаману. А тот, не говоря ни слова, ткнул Смуге в руки круглый сверток, и пальцем показал на карман, в котором путешественник носил часы.

Смуга побледнел, но не решился проверить содержимое свертка. Без лишних слов достал часы и вручил их шаману.

Как только они очутились на берегу реки, где стояли лодки экспедиции, Смуга распорядился погрузить продукты и немедленно отправляться в путь. Когда они отчалили, Вильмовский спросил:

– Зачем такая спешка, Ян. Ведь туземцы приняли нас доброжелательно? Мы оставили превосходное место для ночлега.

– Ты так думаешь? А по-моему нам надо как можно скорее отъехать отсюда подальше. Потом я тебя скажу почему.

Вильмовский больше не спрашивал. Он слишком хорошо знал Смугу, чтобы сомневаться в целесообразности его действий. Вильмовский доверял опыту друга.

В этот день им удалось пройти довольно большое расстояние от места стоянки. Смуга разрешил Новицкому пристать к берегу только перед самым закатом солнца. После ужина Смуга пригласил Вильмовского, Томека, Новицкого и Бентли в свою палатку на совещание.

– Ты спрашивал, Андрей, почему я поспешил удалиться от деревушки, жители которой встретили нас доброжелательно? – спросил он.

– Папа, это были...

– Не говори ничего! – кратко остановил Смуга Томека, и обращаясь к Вильмовскому, продолжал: – Посмотри-ка, что находится в этом свертке?

Смуга подал Вильмовскому круглый сверток. Тот осторожно развернул листья, в которые был завернут круглый предмет и остолбенел от впечатления. Все стояли, как пораженные громом. При свече рассматривали ужасный трофей. Первым овладел собой капитан Новицкий.

– Ах, чтоб тебя кит проглотил! Ведь это же башка атамана пиратов!

– Как вы достали эту голову?! – шепотом спросил Томек. – Ведь папуасы и слышать не хотели о ее продаже!

– В дороге меня догнал шаман и отдал за часы. Перед своими он, видимо, объяснит продажу головы кознями злых духов или еще как-нибудь, – ответил Смуга.

– Признаю теперь, что ты был прав, требуя от нас спешного отъезда, – заметил Вильмовский. – Ведь это ужасно...

Бентли молча вытирал капли пота со лба.

– Эх, этот мошенник немало принес людям горя, – сказал Новицкий. – Всех его грехов не списать и на воловьей шкуре, но он, видимо, расплатился сполна. Вероятно, он отправился на поиски золота, как и говорил нам на судне. Интересно, что случилось с его товарищами по шайке?

– Их, пожалуй, съели людоеды... – ответил Вильмовский.

– Думаю, ты прав, – согласился Смуга. – Давайте пока что никому не скажем об этой трагедии. Остальные участники экспедиции могут увидеть голову пирата только в Сиднее.

– Так будет разумнее, – согласился Вильмовский.

* * *

Экспедиция еще восемь дней шла на лодках вниз по Пурари. На девятый день, путешественники увидели по обоим берегам реки вымерший мангровый лес. Куда ни посмотреть, отовсюду торчат голые стволы деревьев с обломанными ветками, побелевшие от тропического солнца. В воздухе носится душный запах гнили. В этом кошмарном лесу обитали только огромные крабы, противные насекомые, да москиты, которые не давали путешественникам покоя с утра до ночи.

– Что за катастрофа произошла здесь? – удивленно спрашивал Збышек, против воли понижая голос.

– А это для нас хорошая примета, – ответил Смуга. – Это остатки мангровых лесов.

– Какова причина гибели всех деревьев? – спросила Наташа. – И почему вид мертвого леса хорошая примета для нас?!

– Мангровые деревья, чтобы жить, требуют соленой воды. Если море отступит от берега, мангровые леса погибают. Мы, видимо, приближаемся к месту впадения реки в море.

Слова Смуги подтвердились буквально через два дня. Мертвый лес кончился, и теперь по обоим берегам реки зеленели густые мангровые леса. Лодки опять мчались по реке в туннеле из ветвей зеленых деревьев. У подножия перевитых лианами лесных великанов, простиралась трясина, кишевшая ядовитыми змеями и крокодилами.

Однако прошло еще два дня путешествия по воде, пока лодки вышли в открытое море. Обрадованный видом прозрачной морской воды, Томек нагнулся к Салли.

– Конец нашим приключениям, дорогая! – шепнул он. – Мы все так опасались за твою жизнь! Теперь ты уже скоро выздоровеешь. В Порт-Морсби можно рассчитывать на помощь хорошего врача.

Салли улыбнулась и застенчиво спросила:

– Я знаю, что была лишней обузой для вас. Скажи, теперь, когда все самое худшее осталось позади, ты не жалеешь, что женился на такой неудачнице?

– Не говори чепухи, голубушка! – подражая голосу капитана Новицкого ответил Томек. – Честное слово, ты героиня! В критические минуты ты прекрасно владела собой и старалась ободрить нас. Я горжусь такой женой!

Салли обняла мужа и через минуту спросила опять:

– Томми, возьмешь ли ты меня в следующую экспедицию?

– А что же я делал бы без тебя? – ответил Томек, вопросом на вопрос, и сразу же добавил: – Всегда, когда мне приходилось быть далеко от тебя, я очень тосковал, и считал дни до новой встречи...

– В самом деле!?

Взволнованный Томек утвердительно кивнул головой и сказал:

– Теперь мы всегда будем вместе ездить в экспедиции. Но сначала немного отдохнем. То, что нам удалось собрать в Новой Гвинее даст нам деньги, необходимые для окончания университета. Нам еще надо много учиться. Хороший специалист должен обладать глубокими знаниями. Кроме того, надо устроить судьбу Збышека и Наташи...

– Ты, Томми, прав, как всегда! Я восхищаюсь твоей силой воли. Ты умеешь сочетать работу с учением. Я должна стать такой же умной и сильной, как ты.

Салли умолкла. Положив голову на плечо Томеку, она закрыла глаза. Возможно она вспомнила битву в джунглях, и ужасные крики охотников за человеческими головами. А может быть думала об ожидающих ее экзаменах, или о новых, необыкновенных приключениях?

Кинжал из кости казуара

XXI
Эпилог

Со времени путешествия Томека Вильмовского и его друзей по Новой Гвинее прошло уже больше шестидесяти лет. За это время ученые накопили много новых сведений о крупнейшем острове Тихого океана. Позднейшие исследования показали ошибочность суждения о том, будто бы центральный горный массив Новой Гвинеи представляет из себя сплошную стену, непригодную для жизни людей.

Еще в 1925 году Чемпион и Адамсон обнаружили, что в горах, в глубине острова живут неизвестные раньше туземные племена. В 1928 году Чемпион и Карриус прошли по трудному маршруту Флай-Сепик, с севера на юг острова. В 1933 году австралиец Лейги в обществе Джима Тэйлора дошел до истоков реки Пурари в долине Вагхи, и обнаружил подходы к высокогорным лугам. Спустя пять лет, тот же Тэйлор, теперь уже в обществе Блэка совершил путешествие по маршруту Хаген-Сепик.

Накануне второй мировой войны на картах Новой Гвинеи оставалось уже мало белых пятен. Во время войны выявилось крупное стратегическое значение острова. В войне с Австралией японцы временно оккупировали ряд прибрежных районов Новой Гвинеи.

Военные действия не привели к каким-нибудь новым географическим открытиям на острове. Только лишь после войны экспедиция Кленси, снаряженная одной из австралийских нефтяных компаний, добралась в 1954 году до совершенно отрезанной от остального мира высокогорной долины, названной по примеру сказочной тибетской Долины счастья – Шангрила.

Еще более удивительные результаты для географической науки принесла экспедиция организованная редакцией одного французского журнала в 1959 году. В экспедиции приняли участие шесть человек: Эрве Мэгре, Тони Солнье, Жильбер Сартр, Жерар Делойе, Ж. Борд-Паже и Пьер Доминик Гессо.

Они пересекли всю тогдашнюю голландскую часть Новой Гвинеи, проделав 200 километров на самолете и совершив сто девятидневный марш пешком через центр острова. Отважные французы встретили во внутренней части Новой Гвинеи племя папуасов, жившее на уровне каменного века, придерживавшееся обычаев каннибализма и занимавшееся охотой за человеческими головами. Представители этого племени до прибытия к ним французов никогда не видели белых людей.

Таким образом, со времени путешествия Томека, не так уж много перемен произошло в жизни и обычаях исконных жителей Новой Гвинеи.

Колонизаторы занимались исключительно поисками полезных ископаемых. Золотые россыпи были весьма быстро исчерпаны. Колониальные плантаторы стали разводить на побережье острова каучук, кокосовые пальмы, земляные орехи и бананы, почти совершенно не интересуясь жизненными проблемами туземного населения. За малейшую провинность они жестоко карали туземцев, широко применяли телесные наказания, бросали в тюрьмы. Нельзя поэтому удивляться тому, что туземцы питают к белым и их богам большое недоверие. Многие туземцы продолжают жить по обычаям предков, глубоко верят в разные волшебства, сверхъестественные силы, а в глухих уголках острова занимаются каннибализмом и охотой за человеческими головами.

Законы белых, подчиняться которым заставляли силой, столь же непонятны туземцам, как и религиозные верования пришельцев. Погибая от различных бедствий и болезней, постоянно голодая, туземцы не принимали и не понимали европейской цивилизации.

Благодаря усилиям прогрессивных наций, после второй мировой войны, и в особенности благодаря ширящемуся пламени освободительного движения самих колониальных народов, постепенно исчезают последние бастионы колониальных империй. Первый район Новой Гвинеи, который получил независимость. а именно бывшая голландская часть острова, был раньше самым отсталым в экономическом и социальном отношениях районом. В настоящее время этот район, под названием Западного Ириана вошел в состав Индонезийской республики. Хотя и с величайшими трудностями и перебоями, культура, благодаря просвещенным представителям папуасов, все же проникает в гущу населения Новой Гвинеи.

Прежние варварские обычаи, так же как и каннибализм должны отойти в прошлое и уступить место новой жизни нашей эпохи. Видимо, скоро получит независимость и вторая, австралийская часть Новой Гвинеи – Папуа.

Над крупнейшим островом Тихого океана уже всходит заря свободы.

notes

Примечания

1

Остров злых людей – так назвали Новую Гвинею португальские и испанские мореходы, открывшие остров в XVI веке. Остров назван Новой Гвинеей испанцем Иньиго Ортис де Ретесом, посетившим северное побережье острова в 1545 году; ему показалось, что тропические леса и население, похожее на негров, напоминают западно-африканское побережье Гвинеи.

2

Каннибализм – людоедство. Каннибал – людоед.

3

Бамбук – древовидный злак, растущий повсеместно в тропической и субтропической Азии. Существует около 50 родов и 200 видов бамбука. Иногда встречаются целые бамбуковые леса, в которых стволы бамбука достигают 40-метровой высоты. Древовидная «соломина» бамбука доходит до 30 см в поперечнике. Цветы часто имеют вид колоса, плоды – зернистые.

4

Голеве – местное название хохлатой беседочницы (Amblyornis inornatus), которая встречается в горах Тамрау (полуостров Чендравасих) и в районе гор Фоя. Это близкая родственница райских птиц. Из числа птиц-строителей лучше других строит оригинальные свадебные беседки. К этому же виду птиц относятся обитающие в Австралии и лучше других изученные фиолетовые шалашники (Ptilonorhynchus violaoeus), крупные птицы, достигающие 28 см в длину.

5

Dendrobium.

6

Здесь и дальше автор приводит названия новогвинейских племен, принятые в западноевропейских источниках. Советская этнография, базируясь на языковых различиях, выделяет меланезийцев Новой Гвинеи и папуасов, которые, естественно, подразделяются на ряд отдельных племен. (Примечание переводчика)

7

Батат (Ipomoea batatas) – многолетнее травянистое растение семейства вьюнковых. Корни батата, похожие на клубни картофеля, идут в пищу и отличаются сладковатым вкусом. Разводится во всех тропических странах.

8

Таро (Colocasia esculenta) – тропическое растение семейства ароидных. Встречается в Индии, на Малайском архипелаге и в Америке. Клубни растения, весом 0,5-3,5 кг в большинстве случаев с мякишем белого цвета в сыром виде несъедобны. В вареном или печеном виде идут в пищу, как картофель.

9

Сахарный тростник (Saccharum) – род многолетних тропических, реже субтропических растений из семейства злаковых. В высоту достигает 2-6 метров. Стебли толщиной 2-6 см заполнены внутри сочной, чрезвычайно сладкой мякотью. Вырастает очень быстро, урожай собирают через пять месяцев после посева. Сахарный тростник с древних времен культивировался в Мессопотамии, в долине Ганга и Индии, позднее проник в Индокитай, Китай и на Малайский архипелаг. Арабы научились культивировать тростник у индийцев, от арабов сахарный тростник научились возделывать испанцы и португальцы, которые распространяли культуру сахарного тростника на Антильских островах. Крупнейшие плантации сахарного тростника в настоящее время находятся на острове Яве, Кубе, Гавайских островах и в Африке.

10

Ямс (Dioscorea) – иначе иньям или диоскорея – род вьющихся травянистых однодольных растений. Плоды – коробочки или ягоды. Многие виды ямса образуют подземные клубни. Из многочисленных видов крупное значение имеет Dioscorea japonica var. batatas, выведенный в Восточной Азии. Клубни ямса мучнистые, водянистые, по вкусу напоминают молодой картофель. Яме – растение не требовательное к влаге. Мелкие клубни некоторых видов ямса содержат ядовитые вещества.

11

У жителей Новой Гвинеи не было календаря; время они измеряли «лунами». Одна луна соответствовала суткам.

12

Сидней – столица штата Новый Южный Уэльс, одновременно один из крупнейших морских портов Австралии. Принадлежит к числу самых совершенных в техническом отношении портов мира. Численность населения составляла в 1973 году свыше 2800 тыс. человек.

13

Мельбурн – город в Австралийском Союзе, столица штата Виктория. Расположен на обоих берегах реки Ярра-Ярра у ее впадения в залив Порт-Филипп, в его северной части. Население города составляло в 1971 году 2390 тыс. человек. Превосходный порт. Второй по величине город Австралии. В 1901-1927 годах был столицей Австралийского Союза, основанного в 1900 году.

14

Рассказ о драматических событиях, связанных с побегом ссыльных из Сибири, читатель найдет в книге «Таинственное путешествие Томека».

15

Рабаул – город и порт на севере острова Новая Гвинея в архипелаге Бисмарка. До первой мировой войны Рабаул был столицей Земли императора Вильгельма и главным городом германской колонии в Новой Гвинее.

16

Райские птицы (Paradiseidae) – семейство птиц отряда воробьиных. близки к врановым, от которых отличаются, кроме прочих черт, отсутствием щетинистых перьев у основания клюва. Самцы обладают такими пышными, красивыми перьями великолепной расцветки, что равняться с ними могут, пожалуй, только колибри. В настоящее время известно около сотни видов райских птиц. Орхидеи (orchidaceae – ятрышниковые) принадлежат к числу самых удивительных растений на земле. Поражают разнообразием форм, расцветок, запахом цветов, способом жизни, оплодотворения и т.п. Всего насчитывается около 12-17 тысяч видов орхидей, а может быть и значительно больше. Распространены на всем земном шаре за исключением высоких гор и полярных местностей. Кроме Бразилии и соседних стран Южной Америки, особенно многочисленны на Мадагаскаре, островах Индийского океана и во всей тропической зоне земли.

17

Ява – остров в Малайском архипелаге, в группе Больших Зонд-ских островов, входит в состав Индонезии. В описываемое нами время Ява была голландской колонией. В настоящее время Индонезийская республика расположена на крупнейшем архипелаге мира между Австралией и Азией. Архипелаг состоит из Больших и Малых Зондских островов, но в Индонезию входят также: Молуккский архипелаг и северо-западная часть Новой Гвинеи – Западный Ириан. В составе Индонезии находится около 3000 обитаемых островов, из которых к числу крупнейших принадлежат: Борнео (ныне Калимантан), – площадью 539 460 кв. км., Суматра – 473 607 кв. км., Целебес (ныне Сулавеси) – 189 035 кв. км., Ява – 126703 кв. км., Хальмахера – 17998 кв. км., Флорес – 15200 кв. км. Столица Индонезии город Джакарта находится на острове Ява.

Молукки – (острова Пряностей) – группа островов в Малайском архипелаге. Расположены между Сулавеси и Новой Гвинеей. Входят в состав Индонезии.

18

В 1924 году охота на райских птиц и вывоз их перьев с территории Новой Гвинеи были запрещены. Ныне только папуасы могут охотится на райских птиц лишь для удовлетворения своих нужд.

19

Английская монетная единица, равная 20 шиллингам. Впрочем, в последнее время в Англии введена десятичная денежная система.

20

Сэр Хьюбер Меррей являлся губернатором Папуа с 1907 года до самой смерти, которая последовала в 1940 году.

21

Яхта названа по имени рани Алвара.

22

Площадь Тихого океана с морями составляет 179 миллионов квадратных киломертов и почти на три четверти превышает площать Атлантического океана. Вместе с Индийским океаном занимает половину общей площади Земного шара.

23

Общая площадь островов архипелага Бисмарка составляет 47 тысяч квадратных километров. Три четверти этой площади заняты основными островами: Новая Британия, (действующие вулканы), Новая Ирландия и Лавонгай. Численность обитателей архипелага – около 130 000 человек.

24

Большой Барьерный Риф или Большой Коралловый Риф.

25

Океания – совокупность островов, расположенных в центральной и юго-западной части Тихого океана, между Австралией, Малайским архипелагом на западе и широкой, безостровной полосой океана, вплоть до берегов Америки на востоке. Эти острова континентального, вулканического или кораллового происхождения создают большей частью группы, расположенные между тропиками. Океания занимает площадь акватории океана 70 миллионов квадратных километров, то есть почти столько же сколько Азия и Африка, взятые вместе, но суша составляет всего лишь 1 миллион квадратных километров, из которых Новая Гвинея занимает 785 000 квадратных километров. Вся эта, казалось бы, хаотически разбросанная масса островов с точки зрения климата, фауны, флоры и занятий населения похожа друг на друга, что обосновывает их объединение под названием Океании. За тропиками расположены только немногочисленные острова, из которых два острова Новой Зеландии, площадью 265 000 квадратных километров и окружающие островки, выходят далеко на юг, создавая некоторое отдельное целое. Вне тропиков, если не считать Новой Зеландии, как северная, так и южная части Тихого океана представляют из себя водную пустыню, почти лишенную обитаемых островов.

Островная часть Тихого океана разделяется на: Меланезию, острова Васположенные между экватором и тропиком Козерога, рядом с Малайским архипелагом и Австралией, к которой относится также Новая Гвинея; Микронезию, лежащую между экватором и тропиком Рака с восточной стороны Филиппинского бассейна до около 180+ восточной долготы; Полинезию, занимающую юго-восточную часть островного района океана.

26

Общая площадь территории Папуа то есть юго-восточной части Новой Гвинеи и островов, входящих в ее состав: Луизиада, Д'Антркастро, Тробриан и Вудларк (ныне Муруа) составляет 462 000 квадратных километров с населением свыше 2600 тысяч человек. Папуа была захвачена правительством Австралийской провинции Квинсленд в 1883 году; спустя некоторое время стала колонией, подчиненной центральному правительству Австралии. Столица Папуа, Порт-Морсби (ныне 66000 жителей) является теперь административным центром не только Папуа, но и всей Австралийской Новой Гвинеи, бывшей ранее (до первой мировой войны) германской колонией.

27

Ныне подопечная территория Австралии. Она состоит из северо-восточной части Новой Гвинеи, архипелага Бисмарка и северной части Соломоновых островов, занимая площадь 240 870 квадратных километров с населением 1305 тысяч человек. Начиная с 1884 года территория эта была колонией Германии и носила название Земля Императора Вильгельма. После первой мировой войны Австралия получила мандат на управление этой территорией от Лиги Наций. Во время второй мировой войны Австралийская Новая Гвинея очутилась под оккупацией Японии. После капитуляции последней, Австралия управляет этой частью Новой Гвинеи на основе мандата Организации Объединенных Наций, как подопечной территорией. Австралийская колония Папуа и подопечная территория Новой Гвинеи управляется губернатором, назначаемым правительством Австралийского Союза, которому «в помощь» придан Законодательный Совет, состоящий на половину из белых и папуасов.

28

С 1 мая 1963 года Западный Ириан (Индонезийское название Новой Гвинеи) входит в состав Индонезийской республики в качестве освобожденной территории. Площадь Западного Ириана составляет 412781 квадратный километр, а население – 700 тысяч человек. В состав Западного Ириана входит несколько островов, расположенных близ юго-западного побережья. К числу крупнейших из них принадлежат: Мапия, Япен, Биак, Миссол, Вайгео и Салавати. Столица Западного Ириана Джаяпура прежде носила название Холландия и Катабару потом Сукарнпура. До 1963 года Западный Ириан был Голландской колонией и назывался Голландской Новой Гвинеей.

29

Политика колониальных властей стала причиной общей экономической и социальной отсталости населения Новой Гвинеи. В глубине острова часть населения до настоящего времени остается на уровне каменного века; среди жителей еще встречаются случаи каннибализма и охоты за человеческими головами.

30

Ныне: залив Берау, полуостров Чендравасих и гора Квока.

31

В 1910 году голландская экспедиция прошла по всему побережью острова. Экспедиция Гудфлоу, позднее под руководством Роулинга дошла до Снежных гор со стороны южного побережья. В 1913 году А.Р.Ф. Уолстон взошел на гору Карстенс, а Вейерман исследовал притоки реки Дигул и определил высоту горы Юлианадорп (ныне гора Мандала). Клостер исследовал страну на юг и юго-восток от залива Гелвинк (ныне залив Иран). В 1914 году Опперман обследовал течение реки Мамберамо, а лейтенант Стреве ее западного притока Руфайе (ныне Увиммерах). Исследования, прерванные войной были возобновлены в 1918 году.

32

В то время, как герои нашего романа готовились к путешествию, в германской части Новой Гвинеи экспедиция Нейгаусса иследовала течение реки Маркгэм. Германско-нидерландская пограничная комиссия прошла вверх по реке Сепик почти до границы британской части, не дойдя до нее всего лишь 60 миль. Путешественник Турнвальд изучал бассейн реки Сепик, а миссионер Пилгофер прошел от реки Варии, протекающей вблизи границы британской части до реки Маркгэм. После начала первой мировой войны Австралия захватила германскую часть Новой Гвинеи. Тогда фон Детцнер, стремясь избежать плена, укрылся в глубине джунглей и пытался дойти до границы нидерландской части, где намеревался сесть на германский корабль и отправиться на родину. Хотя ему это и не удалось, он все же сумел пройти места до него не исследованные. После войны Детцнер опубликовал свои наблюдения, не лишенные интереса, несмотря на то, что они часто основывались только на сообщениях туземцев. Австралийские власти, после занятия германской колонии застали там всего лишь несколько плантаций на побережье и несколько миссий, расположенных вблизи джунглей. Германские власти не заботились об организации научных экспедиций в глубину острова.

33

Буэнос-Айрес – Аргентина, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро – Бразилия.

34

В 1908 году правительство Австралийского Союза приняло решение о постройке в Новом Южном Уэльсе столицы на юго-запад от Сиднея, на берегу реки Маррамбиджи. Строительство новой столицы, получившей название Канберра, началось в 1913 году. Первое заседание австралийского парламента в Канберре состоялось в 1927 году. Так был решен спор двух городов.

35

Гарт не ошибся. В марте 1932 года в Сиднее закончилось строительство великолепного висячего моста через залив. По мосту проложена двухпутная железная дорога, трамвайные пути, автомобильная дорога шириной в пять полос движения и тротуары для пешеходов.

36

Навигационная или штурманская рубка – место на судне, где сосредоточены навигационные приборы и карты, на которых капитан, а на крупных судах, штурман, наносит курс судна.

37

Брисбен – порт основанный в 1824 году для высадки ссыльных преступников. С 1859 года столица штата Квинсленд.

38

Пришвартовать – прикрепить судно к пристани с помощью стальных или пеньковых канатов. Действие обратное – отдать швартовы, или концы.

39

Узел – скорость судна равная 1 морской миле в час. Морская миля – единица расстояния в море, соответствующая длине 1 минуты земного меридиана. Поскольку эта длина зависит от широты, то морская миля имеет различные значения. В СССР морская миля принята как средняя длина 1 минуты земной широты и равна 1,852 километра; в США миля равна 1,853249 километра и составляет 1 минуту некоей условной величины земного сфероида. Протяженность британской морской мили меняется в зависимости от места нахождения корабля, так как равняется 1 минуте местного меридиана, поэтому ее значение колеблется от 1,843 до 1,862 километра.

40

Джемс Кук – английский мореход, уроженец Йоркшира – один из самых выдающихся путешественников мира. Исследовал северные и южные моря у полюсов и Тихий океан, открыл новые пути для мореплавателей и новые рынки сбыта для английской торговли. Основательно разработанные карты многих морей и океанов, делают Кука основоположником английской картографии. Убит туземцами Гавайских островов за нарушение экипажем корабля Кука местного закона табу.

41

Грот – главный парус ил гротмачте; бизань – кормовой парус, прикрепляемый к ближайшей к корме бизань-мачте. Гитовы – тонкие канаты, которыми крепятся и на которых поднимаются и спускаются паруса.

42

Гик – в рангоуте парусных кораблей – нижний брус со свободным концом; к брусу крепится нижняя кромка паруса, верхняя кромка крепится к гафелям.

43

Косой треугольный парус на носу судна.

Суэйн-рифы – рифы влюбленного юноши.

45

Коралловые полипы (Anthozoa) класс беспозвоночных животных типа кишечнополостных. Принадлежат к числу колониальных (то есть живущих колониями), но есть и одиночные виды. Полип обычно цилиндрической формы, сращивается основанием с другими полипами или (у одиночек) прикрепляется к донным отложениям. На свободном конце тела полипа находится ротовое отверстие, окруженное щупальцами. Глоточная трубка снабжена бороздками, реснички которых гонят по трубке заглатываемую воду. Токи воды необходимы для питания и дыхания. В кишечной полости имеются перегородки расположенные по шести или восьми лучевым направлениям. Большинство полипов обладает мощным известняковым скелетом. Наиболее известный представитель коралловых полипов, красный коралл (Corallium rubrum), скелет которого идет на разные поделки. Красные кораллы обитают, в основном, в Средиземном море.

Не все коралловые полипы обладают скелетом. Например, крупнейшие полипы, актинии, красочные, красивые животные подводных глубин, достигающие 1 метра в диаметре, прирастают к подводным скалам одной ногой, которая часто служит им также средством передвижения. Некоторые виды актиний, такие как: Adamsia и Sargatia живут в симбиозе с раками отшельниками. Среди коралловых полипов, обладающих скелетом, очень важную группу X составляют мадрепоровые кораллы (Madreporaria). Они отличаются от актиний сильно развитым скелетом. Колонии кораллов образуются размножением отдельных особей, происходящим путем отпочкования и деления. Сращенные скелеты полипов образуют обширные коралловые рифы. Живут коралловые полипы в тропических морях и не выходят севернее 38 параллели в северном полушарии и южнее той же широты – в южном. Для их размножения нужна чистая, лишенная взвешенных частиц вода, температура которой не падает ниже 20,5 + С с достаточным количеством извести. Живут коралловые полипы на глубине 20-30 м.

46

Diploria cerebriformis.

47

Акулы – рыбы семейства пластиножаберных. Среди них есть хищные виды, нападающие иногда на людей (Carcharodon carcharias) обитающие в тропических морях, к счастью, не в очень большом количестве. Некоторые виды акул достигают длины до 10-12 м. Акула-людоед, вопреки названию, на человека нападает редко. Ее часто сопровождает рыба-лоцман, причем на себе акула носит рыбу-прилипалу. Однако при встрече эта акула довольно опасна. Скелет у акул имеет хрящевое строев ние. Число видов акул пока еще полностью не установлено. Некоторые ученные, например, Ф. Д. Вуд, насчитывают до 400 видов акул.

Мясо некоторых видов акул съедобно, причем высушенные плавники считаются лакомством китайской кухни; из печени некоторых видов акул получают рыбий жир.

Зеленые черепахи (Chelonia mydas).

50

Простейший лаг – навигационный прибор для измерения скорости корабля – применявшийся на парусных судах, состоял из троса (лаглиня) с метками на нем (узлы) и поплавком на конце. Поплавок оставался неподвижным по отношению к воде. Число выбежавших за полминуты узлов соответствует числу проходимых судном морских миль в час. Более совершенный механический лаг снабжен ротором с винтообразными лопастями. Скорость судна измеряется числом оборотов винта. Гидростатический лаг определяет скорость хода корабля по разности уровней двух сообщающихся между собой стеклянных трубок.

51

Циклон – от греческого «Циклес» то есть кружиться, вращаться – мощное круговое движение воздуха, в котором давление уменьшается к центру; тропические циклоны, сравнительно небольшого размера по захватываемой площади возникают между 10 и 15 градусами северной и южной широты. Циклоны часто сопровождаются ветрами ураганной силы, бурями и ливнями. Тайфун – китайское название циклона. Вблизи западных берегов Австралии циклоны носят название «вилли-вилли».

52

Фердинанд Магеллан (1480-1521) – португальский мореплаватель на испанской службе; совершил много путешествий и в частности, руководил первой в мире кругосветной экспедицией. Первооткрыватель опасного для мореплавателей Магелланова пролива, отделяющего Огненную Землю от Южно-Американского материка. Был одним из выдающихся путешественников эпохи великих открытий. Погиб на Филиппинских островах в битве с туземцами, которых он хотел насильно обратить в христианскую веру.

53

Штормовые паруса меньше по площади, чем ходовые, и делают их из очень толстого брезента, укрепленного веревками.

54

Рулевая рубка – помещение рулевого, где находятся приборы управления кораблем. Как правило, находится в месте удобном для обзора моря впереди судна. С капитанским мостиком обычно соединена акустическим телефоном.

55

Лот – в данном случае ручной. Навигационный прибор для измерения глубины воды по ходу судна. Ручной лот состоит из размеченного лотлиня с лот-гирей на конце, вьюшки для наматывания лотлиня и лотлинь-блока, для облегчения подъема лот-гири. Стоя на носу судна, матрос забрасывает лот-гирю с наветренного борта и по марке на лотлине делает отсчет глубины.

56

Кабестан – лебедка с вертикальным барабаном. Применяется на причалах и для подъема якоря на судне.

57

Блекбердинг, или работорговля процветала в Новой Гвинее и Полинезии еще в период первой мировой войны. Теперь формы несколько изменились – рабов вывозят на плантации, после подписания ими «добровольного» договора.

58

Ультиматум – требование выполнить определенное условие под угрозой войны.

59

Клюз – якорный, отверстие в борту для пропуска якорной цепи. Швартовый клюз – такое же отверстие для пропуска швартовых.

60

Гини – приспособления для подъема грузов на судах. После того. как шлюпку втянут на борт ее крепят найтовами.

61

Корвет – военный корабль XVII-XVIII в.в. предназначенный для крейсерских операций. Позже – трехмачтовый парусный корабль водоизмещением 300-400 тонн. В настоящее время в английском флоте корветами называют сторожевые корабли водоизмещением 900-1500 тонн, вооруженные орудиями среднего калибра.

62

Рея – поперечный брус на мачте корабля, к которому крепится такелаж, поддерживающий паруса.

63

Испанский мореплаватель Алваре де Сааведра первый нашел золото в Новой Гвинее, когда, потерпев аварию в пути, в 1528 году, вынужден был высадиться на острове. Однако испанцы, впрочем, как и немцы спустя четыре столетия, не придавали значения этому открытию, так как считали, что добыча золота из горных пород не рентабельна. Кроме того, все исследователи тоже считали невозможной эксплуатацию золота в долинах рек Маркгэм и Вариа, скрытых за тройным хребтом гор и заселенных, вдобавок, весьма воинственными племенами туземцев.

В Британской Папуа золото было найдено в 1877 году вблизи Порт-Морсби. Однако поисковые экспедиции, направленные в глубину гор погибали от рук охотников за человеческими головами. Только лишь в 1918-1927 годах, сын торговца из Сиднея, Сесиль Левьен, используя современные средства передвижения – самолеты, построил аэродром в долине Булоло и начал эксплуатацию золотых россыпей в русле реки Коранге.

Бой – (англ.) – мальчик, здесь в значении слуга.

65

Канаки – так англичане называли обитателей Полинезии; колонизаторы звали канаками также всех обитателей островов южных морей и туземцев, привозимых на плантации сахарной свеклы в Квинсленде в Австралии.

All right (Ол райт) – хорошо, по-английски.

Мастер – здесь в значении белый человек.

68

Жаргон – испорченный, искаженный язык, распространенный в определенных кругах или местностях.

69

Англо-пиджин – упрощенный английский жаргон для объяснений с туземцами. Во французских колониях имел хождение аналогичный упрощенный французский язык – пти-негр.

70

Высота горы Виктория 4073 м.

71

Порт-Морсби – морской порт на южном берегу Новой Гвинеи; отличная глубоководная гавань внутри кораллового рифа. Гавань открыта в феврале 1873 года капитаном Джоном Морсби, возглавлявшим экспедицию на судне «Базилиск». Британцы овладели портом в 1883 году, после анексии территории папуа. В 1888 году Порт-Морсби стал главным центром английской колонии. Во времена к которым относится наш рассказ, Порт-Морсби состоял собственно из нескольких примитивных бараков. В 1939 году город насчитывал всего лишь 2628 жителей. Во время второй мировой войны, в феврале 1942 года подвергался бомбардировке японской авиации; японцы несколько раз пытались овладеть городом и портом с суши со стороны хребта Оуэн Стэнли. Ныне Порт-Морсби – современный город с несколькими тысячами жителей.

72

Кетмия (Hibiscus syriacus) – древовидное растение семейства мальвовых. К этому семейству принадлежат многие виды, объединенные общим латинским названием (Hibiscus) например китайская роза, кенаф, розелла и др.

На таких островах, кроме кокосовых, растут саговые и другие пальмы, хлебные деревья, пандануса, древовидный папоротник, бананы, ананасы, папайя или дынные деревья. Возделываются – сладкий картофель. сахарный тростник, яме, таро, маниока и рис. Следует отметить, что чем дальше на восток от Индонезии, тем беднее растительность океанских островов.

Во время первой мировой войны тихоокеанские колонии Германии были захвачены Великобританией и Японией, но после окончания военных действий Соединенные Штаты сумели вытеснить Японию и усилили эксплуатацию французских, британских колоний и британских доминионов – Австралии и Новой Зеландии. В настоящее время основные стратегические базы США в Океании охватывают всю северную зону Тихого океана, Аляску, арктические области Канады, Японию, Формозу (Тайвань) и Филипины; военные базы США находятся также на Марианских, Каролинских и Маршальских островах. Незадолго до второй мировой войны США и Великобритания захватили даже забытые и необитаемые атоллы, организуя на них авиационные и морские базы. Они разместили на них также многочисленные метеорологические и астрономические обсерватории (наблюдения за искусственными спутниками Земли). В последнее время некоторые районы Тихого океана превращены в полигоны для испытания ядерного оружия.

75

Язык племени фьюджи был распространен среди папуасов живших в бассейнах рек Дилава, Ауга и Ялоге, где обитало также племя мафулу. Позднее вся территория распространения языка фьюджи была названа округом Мафулу.

76

Амур – бог любви у римлян соответствует Эросу у древних греков, сыну Ареса и Афродиты, которого почитали также богом верности и дружбы.

77

Вегетарианцы – люди не потребляющие в пищу мяса. Сторонники вегетарианства питаются исключительно растительными продуктами.

78

Пандану́с (Pandanus) – род однодольных деревьев и кустарников из семейства пандановых. Отличается наличием придаточных корней, растущих от ствола в землю. Нижняя часть ствола нередко отмирает и дерево стоит на придаточных корнях как на подпорках. Листья мечевидные, собраны пучками на концах ветвей. В Новой Гвинее растет вид Sararanga.

79

Мерауке, ныне Мурауква – морской порт и город на южном побережье Западного Ириана, бывшей голландской колонии.

Топография – описание рельефа суши и отдельных ее элементов, то есть высоты, наличия рек, лесов, человеческих поселений и т.п.

81

Лианы – лазающие или вьющиеся растения, отличающиеся способностью прикрепляться к соседним деревьям или другим опорам; относятся к достопримечательностям жаркого климата. Лианы чаще всего встречаются в тропической Америке (в частности в Бразилии), в юго-восточной Азии, на Малайском архипелаге и в Африке. Название «лианы» перешло из языка населения Антильских островов. Французские ботаники приняли это название в качестве научного термина. Вьющиеся и лазающие растения встречаются также и в умеренной зоне. К ним относятся: вьюнок, мышиный горошек и другие бобовые, некоторые подмаренники, ломонос, плющ, хмель и т.п., но только немногие из них имеют древовидные стебли.

Душат только некоторые виды Ficus.

83

Перевод С. Мар (Аксеновой). Томек читает на память начало поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш».

К числу вечнозеленых деревьев, наряду с несколькими другими видами принадлежат: хлебное дерево (Artocarpus incisa) Morinda citrio-dira, Albizzia falcata, Filicium decipiens.

Наземные пиявки (Haema'dipsa ceylonica) несмотря на небольшие размеры, в некоторых местах являются врагами человека. В Новой Гвинее они особенно распространены в долине Ванапа, где превратились в настоящее бедствие. Ряд известных видов пиявок, обитают в водах, питаются кровью рыб. К числу наиболее известных форм принадлежат: медицинская пиявка (Hirudo medicinalis) и некоторые виды рода Haemen-teria, а также конская пиявка (Limnatis nilotica), питающиеся кровью млекопитающих и человека. Известны случаи смерти людей и животных от удушья, когда пиявка вползает в дыхательные пути во время питья воды из водоема, особенно ночью.

86

Марганцовокислый калий (KMnO4) – соль гипермарганцевой кислоты, отличающаяся ярко-фиолетовым цветом. Окислительное и дезинфицирующее средство.

Фуа – на местном наречии – крокодилы; каи-каи – есть.

88

Арековые пальмы в диком виде (Areca catechu) растут на островах Малайского архипелага. Ореховые косточки плодов арековой пальмы идут на приготовление жевательного бетеля. Из нарезанных пластинками орехов арековой пальмы с листьями бетеля (Piper betle) – растения семейства перечных, и небольшого количества извести приготовляют жевательную смесь.

89

Коричники (Cmnamomum) – тропические деревья или кустарники с плотными кожистыми листьями и желтовато-зелеными или беловатыми мелкими цветами. Высушенная кора культурных пород этих деревьев применяется в кулинарии (корица). Ценные продукты, такие как коричное масло, камфорное масло и другие медицинские препараты тоже получают из плодов и древесины коричников.

90

Саговая пальма (Metroxylon rumphii) – встречается в восточной части Малайского архипелага. Ствол этой пальмы покрыт огромными колючками. В западной части растет такая же пальма, но лишенная колючек. Цветут и плодоносят только один раз в жизни, после чего отмирают. Из растертой массы ствола саговой пальмы получают крахмал – саго.

91

Cacatua galerita – подсемейство гладкоязычных попугаев. В тропиках встречается везде в низинных районах. Рост небольшой, соответствует размерам наших грачей или ворон.

92

Анархия – безвластие, безначалие, состояние общества, характеризующееся отсутствием организованной власти, законов, общепринятых норм поведения.

93

Мифология – собрание древних легенд, объясняющих естественные явления действиями сверхъестественных сил. Сказания о легендарных лицах, божествах, духах и т.п.

Первые данные о жизни и быте папуасов были сообщены русским путешественником Миклухой-Маклаем. В 1914-1920 годах польский этнограф, исследователь первобытной культуры, профессор Бронислав Малиновский находился в Океании на островах Тробриан, расположенных вблизи восточного побережья Новой Гвинеи, где занимался изучением социологической стороны примитивных культур. Его наблюдения доказали сходство обычаев островитян Тробриана и жителей Новой Гвинеи. На основании исследований Малиновского можно прийти к выводу, что в некоторых областях жизни "дикие" народы достигали большей степени развития, чем некоторые цивилизованные народы.

Малиновский родился в Кракове в 1884 году, умер в США в Нью-Хейвен в 1947 г. Автор многих трудов, из которых важнейший, опубликованный на английском языке «Плавание по Тихому океану». После опубликования этого труда, в 1922 году, Малиновский получил звание профессора Лондонского университета.

95

Пигмеи – общее название ряда низкорослых племен Центральной Африки, Юго-вост. Азии и Океании.

Негроиды – основная человеческая черная раса. В широком смысле в эту расу, кроме негров Африки, входят представители коренного населения Австралии.

Веддийско-австралоидная раса – входит в состав черной расы, образовалась путем смешения индейцев с жителями индонезийских, малайских и индо-китайских областей,

98

Европеиды – европеидная раса, одна из основных человеческих рас, носившая прежде название «белой». Распространенное среди некоторых европейцев убеждение в якобы превосходстве белой расы лишено всяких оснований и является проявлением расизма.

99

Листья бетеля посыпают известью для того, чтобы нейтрализовать кислоты. Во время жевания порции бетеля происходит химическая реакция извести с соком плода арековой пальмы, который приобретает интенсивный красный цвет. Бетель действует бодряще и освежающе, дезинфицирует рот, укрепляет десны, но все же вредно действует на организм человека.

100

Старейший ударный музыкальный инструмент, распространенный у многих народов, даже находящихся на низкой ступени развития. Барабаны бывают различными по форме и по размерам. Барабаны в форме клепсидры распространены, в основном, в Азии.

101

У папуасов поэтическое творчество неразрывно связано с песнями и танцем. Талантливые барды сочиняют слова для песенок называемых «олове», которые поются во время танцев и «майаме» – посвященные выдающимся событиям в жизни племени или в жизни великих людей. У первобытных людей эти песни никем не записываются, а передаются из поколения в поколение, подвергаются естественному отбору и в итоге составляют написанный эпос.

102

Кис-баибе – помощник миссионера.

103

Орнитология – наука о птицах.

104

Королевская райская птица (Cicinnurus regius) принадлежит к числу красивейших птиц Новой Гвинеи, хотя встречается редко. Обитает в местностях, расположенных ниже 600 м над уровнем моря.

105

Probosciger aterrimus. В Новой Гвинее водится свыше 46 видов попугаев.

Larius roratus pectoralis.

107

Goura coronata и Goura victoria. Новая Гвинея – родина венценосного голубя. Великолепные короны этих птиц, в свое время шли на украшение дамских шляп, как и перья райских птиц. Это стало причиной истребления голубей. В настоящее время венценосные голуби находятся под охраной.

108

Фловер – малокалиберное огнестрельное ружье с легким патроном, калибра 6 или 9 мм. Звук выстрела слабый. Первые ружья этого типа изготовлялись курковыми, нарезными и гладкоствольными. Характерная особенность фловера – шестиугольное сечение ствола. В настоящее время малокалиберные винтовки изготовляются, по образцу армейских, центрального боя с затворами.

109

Paradisea apoda (безногая райская птица). Латинское название напоминает о легенде связанной с райскими птицами.

110

Hyomus goliath – грызун, встречающийся редко в музеях.

111

Гербарий – коллекция засушенных растений, листьев, цветов. Для ботаники, в частности для систематики, классификации растений и других научных исследований флоры, гербарии представляют большую ценность.

112

Казуары (Casuarii) отряд бескилевых птиц. Всего два семейства – эму (Dromiceidae) и казуары. Родина казуаров – острова на Тихом океане, начиная с островов Серам и Буру, Новой Гвинеи, Новой Британии и кончая северной Австралией. Прежде встречались также в Тасмании.

113

Белая Мери – белая женщина на языке англо-пиджин.

114

Значительно позже, чем события, о которых рассказывается в этой книге, воины таваде не раз оказывали ожесточенное сопротивление белым колонизаторам, ведя с ними успешные бои, будучи вооружены только луками и копьями против винтовок и даже пушек.

115

По числу языков и наречий Новая Гвинея занимает одно из первых мест в мире. Языки и наречия меняются там от деревни к деревне. Например в Динава (Хребет Оуэна-Стэнли) приказание «разложить костер» на местном наречии звучит «алоба ли», а в Фуле, расположенном всего лишь 18 миль дальше: «аукида путе». До 1930 г. в Новой Гвинее зарегистрировано около 80 языков, хотя в действительности их наверное еще больше. По этой причине среди папуасов распространен язык жестов.

116

Сведения об этом читатель найдет в книге «Томек на тропе войны».

117

Это были сигнальные ракеты, то есть наполненные материалом, горящим во время полета и выделяющим дым разного цвета.

118

Жень-шень (Panax ginseng) – травянистое, многолетнее растение семейства аралиевых. Применяется в медицине. Встречается в Восточной Азии, в частности в Корее и Китае.

119

Ян Кубары, польский этнограф и исследователь Океании, родился в 1846 году в Варшаве, умер в 1896 году на острове Понапе. Был представителем гамбургской торговой фирмы Д. Годфрея в Океании. Собирал и высылал в Лондон хозяину фирмы этнографические экспонаты. Написал несколько книг, в частности: «Картины с островов Мореплавателей», «Острова Нукуоро», «Путешествие по Микронезии», «Мореходство и международная торговля Каролинских островов». Этнографические исследования опубликовал на немецком языке.

120

В Меланезии есть мастера, умеющие препарировать голову трупа так, что черты лица сохраняются почти без изменений. С этой целью они снимают кожу с черепа и длительное время коптят ее. Удаляют мускулы. После копчения кожу смягчают, для чего мочат ее в воде, осуществляют другие операции и натягивают на голый череп. Между костями черепа и кожей закладывают пучки трав и мха, одновременно моделируя черты лица, причем достигают иногда поразительного сходства с живым оригиналом.

121

Соль, получаемая из этого растения, уступает по солености каменной.